ПЕТР БУЙКО

ЗАПИСКИ ЧЕЛЮСКИНЦА

…РДИЯ — ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ — 1934

ПЕТР БУЙКО

ЗАПИСКИ ЧЕЛЮСКИНЦА

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ — ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ — 1934

Обложка работы Н. Травина.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я никогда ничего не писал, конечно если не считать сочинений по русскому языку в школе и писем к родным и знакомым.

Это моя первая и, возможно, последняя книга. Я сумел написать ее только под наплывом чувств и переживаний, испытанных в походе «Челюскина».

С каким большим трудом я одолел это небольшое количество страниц!

Все события пришлось восстанавливать исключительно по памяти, т. к. дневник мой утонул, а записки на льду, набросанные карандашом в палаточной обстановке, в походе по Чукотке, истерлись почти на-нет в грязных карманах.

Вспомнить мельчайшие детали, воспроизвести их в точности было не с кем, т. к. люди нашего коллектива разбрелись по разным городам и весям. Момент работы над книжкой совпал с разъездом многих товарищей на отдых и в новое плавание.

Но все же я приложил все усилия к тому, чтобы основные события были зафиксированы в том виде и той последовательности, как это происходило на самом деле.

Не назову я свою книгу ни очерком, ни повестью или как-нибудь еще: это просто хронологический рассказ о нашем ледовом походе.

Я в Арктику попал впервые. После путешествий на земле, по окраинам нашего СССР, я глубоко почувствовал всю необъятность и многообразность новых, невиданных доселе, просторов нашей родины.

Увидел не только сказочную природу Полярья, но увидел воочию особую жизнь и борьбу людей нового, советского типа, упорно оживляющих это мертвое царство с большими, ныне уже пробуждающимися, экономическими возможностями, и хоть на короткий период плавания и трагедии на льду приобщился к этой интересной, здоровой и почетной работе.

Несмотря на злополучную гибель судна, наш рейс я называю удачным рейсом.

«Челюскин» выполнил свое задание, он прошел в одно лето от Ленинграда до Берингова пролива. Обратный дрейф на Север дал возможность нашим научным силам шире развернуть изучение течений, дрейфа, метеорологических условий в этом последнем и самом трудном перегоне Севморпути, в Чукотском море. Большинство плавающих на Севере судов уже с половины сентября принимало зимовочное положение, не пытаясь пробиваться к выходу. Поход «Челюскина» показал, что из Чукотского моря к Берингову проливу можно пробиться даже в конце ноября, к началу декабря.

Фиксация направления ветров и дрейфа дала ценный материал для нормального дальнейшего плавания в этих водах.

Как не отметить работы наших гидрографов Хмызникова и Гакеля по изучению глубин непроходимых доселе мест (Пролив Санникова), или определение ими же точки местоположения о. Уединения?

А работа неутомимого молодого ученого физика Факидова, открывающего своими исследованиями по определению давления масс льда на корпус судна новую ледовую науку? Эти исследования дают много ценного нашему ледокольному судостроению.

Грандиозна работа большевиков, борющихся за экономическое освоение (не достигнутое стараниями старых экспедиций) Северного морского пути с Запада на Восток, за развертывание производительных сил наших северных окраин.

История завоевания полярных областей знает период погони за рекордами. Вспомните борьбу за достижение Северного полюса (т. е. точки, где проходит воображаемая земная ось). Вспомните имена знаменитых полярных исследователей прошлого столетия — Пири, Кука и даже больших ученых близкого нам времени — Нансена, Амундсена. Этот период несомненно принес человечеству полезные результаты.

Белые пятна стирались с глобуса напористостью этих людей.

Но если там экспедиции проходили на личные средства или же на пожертвования богатых меценатов и снаряжались крайне бедно, то у нас правительство, ставя задачей процветание наших окраин, является главным действующим лицом в полярной работе.

То, чего от капитализма не смогли добиться исследователи в течение столетий, люди Страны советов уже претворили в жизнь.

За последние годы осуществлено три перехода всего Севморпути у берегов Сибири — «Сибиряковым», «Челюскиным» и «Литке».

Серые мертвые берега, поражающие своей дикой, неприступной красотой, оживают под руками людей большевистского племени, а бывшие полудикие ненцы и чукчи говорят уже советским языком, ведут колхозное охотничье хозяйство, забывают шаманство.

На пустынных отрогах и склонах многоэтажных гор, у берегов ледовых ропачьих морей возникают поселки, радио- и метеостанции, аэропункты. Чем гуще их сеть, тем легче пройти ледоколу. Рация молниеносно сообщает идущему судну погоду и состояние льда впереди. Капитан будет знать, куда ему вести судно.

...13 февраля 1934 г. «Челюскин» был раздавлен льдами. Меня часто спрашивают знакомые, друзья, родные: «Ну, скажи откровенно, во время гибели была же все-таки паника?» Откровенно и чистосердечно отвечаю: нет, у нас паники не было!

В чем тут загадка? Ведь мы же обыкновенные люди, — судно гибнет, а мы спокойны.

Объясняю я это тем, что мы уже однажды до аварии имели репетицию во время сильного сжатия и выгружали продукты; но прежде всего тем, что, по-моему, у челюскинцев, как и у тысяч советских граждан, в плоть и кровь уже вошли организованность, дисциплина, коллективность.

И эти качества постоянно шлифовались нашим руководством, партийной ячейкой.

Какая же могла быть паника? Мы занимались обыкновенной авральной работой — и только.

Женщины всегда любят спрашивать: «Ну, а как ваши женщины себя вели? Наверно, перетрусили?» И опять-таки нет! Ни одна женщина не проявила даже тени трусости.

Я вспоминаю женщин в палатке и бараке, уже на льду, веселыми, жизнерадостными, улыбающимися, хлопочущими по устройству хозяйства, с живостью воспринимающими новые условия жизни. Чем это объяснить?

По-моему, только вкоренившимся равноправием. Здесь-то уж женщины никак не хотели уступить мужчинам. Химик Лобза Прасковья Григорьевна, метеоролог Ольга Николаевна Комова наотрез отказывались лететь в первую очередь. А Комова, та прямо так и заявила Шмидту: «Я выносливее вас».

Когда мне задали как-то вопрос: «Как вы себя там вообще чувствовали?» — я, ответил, высказав пришедшую еще на льду верную мысль: «Как в 17-м году. Отапливались буржуйкой, жили холодновато, еды было по норме, но борьбы-работы хватало».

Правда, все это получилось как в сказке, как по мановению волшебного жезла.

Еще недавно, отрезанные от мира, мы сидели среди белого седого снежного моря. Я часто выходил на горы ропаков и гадал, в какой стороне берег (нас крутило дрейфом), смотрел на солнце и

радовался: «Вот это же солнце видят далеко-далеко отсюда моя мать, мои знакомые, товарищи, только там оно не такое холодное, как здесь». Удар льда обрывал мысли, заставлял бежать к палатке — смотреть, не угрожает ли сжатие лагерю...

Когда уже спасенные на «Смоленске» подходили к Петропавловску, мы впервые за год увидели зелень сосен. Это было очень радостно!

(В Арктике на земле летом есть зелень и много цветов, но ведь мы шли морем и всего этого не видели).

А какое чувство переживали мы, ступив с самолета на твердую землю! Оглядываешься, смотришь, ногой прощупываешь. Земля!

Но потом уже и на земле долго не могли отвыкнуть от напряженности при треске и шуме пурги. Это получалось как-то механически. Сидишь в яранге, слышишь треск, напрягаешь слух, хочешь различить: где?

Но потом ловишь себя на мысли: «Ведь это не сжатие, это пурга, ведь здесь земля».

Итальянская газета «Мессажеро» писала, что ни одна капиталистическая страна не стала бы бросать столько сил и средств на спасение горсточки безымянных людей. И это верно. Мы рады, что мы — граждане Страны советов. И мы бы не смогли уже радоваться, если бы были подданными страны... Муссолини.

Наше правительство заботится о каждом, кто приносит пользу родине, оно умеет беспокоиться о тех, кого посылает на ударную и трудную работу.

И жизнь каждого из нас принадлежит прекрасной нашей родине.

П. Буйко

Ленинград
1934 г.

ГЛАВА I

ВОКРУГ ЕВРОПЫ

КАК Я СТАЛ ЧЕЛЮСКИНЦЕМ

... Развернутая карта Азиатской России, и на самом конце в восточном верхнем углу ее крайняя точка материка — «Мыс Дежнев».

Немножко севернее — затянутые туманом таинственности, почти нетронутые человеком острова Врангеля, Геральд...

Разве вам никогда не хотелось посмотреть эту крайнюю точку земли, разгадать тайну этих жутких и заманчивых островов?..

Во мне это желание укрепилось еще с самого детства. Любовь к географии, природе и путешествиям была причиной этого.

Наш учитель географии, известный Гермоген Иванович Иванов, в учительском синем сюртуке с золотыми пуговицами сидит за кафедрой и рассказывает нам о Среднерусской возвышенности, о Тибете. Рассказывает горячо, убедительно, как может рассказать человек, сам побывавший во всех этих местах. Он представлялся мне героем, и мое мальчишье сердце трепетало от зависти.

Любовь к географии осталась во мне на всю жизнь...

1933 год. Весна. Смольный, Ленинградский горком ВКП(б). Работаю в отделе кадров у Ершова, бывшего комсомольца — активиста Ленинградской организации, умного, энергичного руководителя.

В аппарате его зовут просто Леша. У Леши бесценные качества: он чуткий человек, знает душу и мысли каждого из работников и классически умеет задать, когда это требуется, «перцу» и — если нужно — просто по-товарищески похвалить: «молодец, хорошо».

Работалось с ним легко.

С весной пришла новая задача: вербовать людей для работы в Советской Арктике.

Вызывал из учреждений, отбирал и посылал лучших научных работников-коммунистов в Севморпуть, в Арктический институт.

Однажды в комнату вошли двое. Один из них поражал своей чернотой и здорово смахивал на Артемия Халатова. Смолистая, цвета донбассовского угля бородища, сверкающие, сверлящие глаза.

Он сел и оперся на стол.

Второй — Гришин, знакомый уже мне работник Арктического института, представил черного человека: «Якобсон — зам── пред. АКО».[1]

Мы подали руки.

— Речь идет о подборе начальника на остров Врангеля, — с места в карьер заговорил черный. — Ты представляешь, кого туда нужно? Зимовать придется три года, человек нужен выдержанный, непьющий, со склонностями к работе над собой, к научной работе. Главное — умело распределить работу, так загрузить людей, чтобы не заскучали, не прервали ни на миг научной работы.

И чем больше они раскрывали те особенности, какими должен обладать будущий сменщик Минеева, зимующего на Врангеле уже четвертый год, тем ясней становился мне тип нужного товарища.

Они кончили говорить, испытующе глядя на меня, словно желая угадать, понял ли я их, чувствую ли то, что они чувствуют, забочусь ли вместе с ними о нужном человеке...

— Так вот сразу, не копаясь. Есть три кандидатуры, — доложил я, называя фамилии. — Вот их данные.

Товарищи просмотрели анкеты:

— Кандидаты не плохие, но мы все-таки подумаем.

Они ушли, и у стола появились новые посетители. Через минуту в дверь снова втиснулся Гришин и подошел ко мне. Нагнувшись, таинственно зашептал на ухо:

— Знаешь, он хочет, чтобы ты сам ехал. Он о тебе уже говорил.

Признаться, я не был озадачен. Давным-давно мы беседовали с Гришиным по поводу вступления в ряды полярников-зимовщиков. К этому я внутренне давно готовился и сейчас был обрадован. Радость, правда, омрачилась мыслью о неподготовленности к этому семьи.

---

[1] АКО — Акционерное Камчатское Общество — организация, которая вначале ведала хозяйством острова Врангеля до перехода его в ведение ГУСМП (Главное Управление Северного Морского Пути).

Алка ничего не скажет. Ей 9 месяцев. Но что скажет жена?..

Ответил Гришину неуверенно, слегка запинаясь:

— Хорошо, подумаю, завтра дам ответ. Но об этом надо говорить и с начальством.

Вечером толковал с Лидой о зимовке на Врангеле. Разговор подкрепил книгой З. Рихтер, после работы захваченной в библиотеке на этот случай.

Дебаты длились долго.

Вопрос об Алке не поддавался окончательному решению. Оставлять ли ее с бабушкой или брать с собой? Обе «стороны» склонялись к тому, чтобы взять.

Ей больше чем кому-либо нужны противоцынготные витамины. Но они будут. Лук, чеснок, лимоны. Витамины есть и в масле, а а ктический воздух — такой чистый и здоровый.

Решаем: Алка едет с нами на Север!

Утром на следующий день сообщил по телефону Гришину свое согласие.

— Ну, вот и добре! — ответил он.

Вечером я стал «челюскинцем».

ЛЕНИНГРАД, ПРОЩАЙ!

Парохода ждали напряженно. Его приход задерживался.

В ГУСМПе сутолока. Люди ночами корпят над ведомостями, над ящиками с грузом. Нервно кричат в телефон, безнадежно отмахиваются от назойливых вопросов: «когда?» и носятся на склад, порт, на фабрики, и снова на склад, в порт.

Будущие зимовщики-«врангелевцы», сгрудившись у стола, проверяют взятое. Белье теплое, белье бязевое, носки шерстяные... Нижется, нижется, как бисер на ниточку, длинный ряд наименований. На полях ведомостей мелькают коловороты, подпилки, нарты, оленье жилье, соски для ребят.

Ничего нельзя забыть, ни одной мелочи нельзя упустить! Там, на далеком острове, не найдешь, не купишь.

Наконец пришел пароход. Он стал к мосту Лейтенанта Шмидта, в водах красавицы Невы.

Рожденный в капиталистическом Копенгагене, он пришел в удивительнейший из городов мира, город Ленина — колыбель Октября.

Но Нева вскоре покинута. «Лена», так назывался новый пароход, ушла в Порт. Ее пришвартовали в Ковше. Началась спешная погрузка.

Над трюмами китал вездесущий молодой, загорелый Борис Могилевич — завхоз экспедиции.

Он быстро почуял хватку грузчиков. Они любят крепких и крепкую работу. Боря не заставил себя ждать. Он ретиво их торопил, и их традиционная «майна!» «вира!» перекрывалась его стальным, зычным контральто. Несмотря на молодость завхоза, никто не ослушивался его приказаний, грузчики быстро вертелись вместе с ним в колесе погрузки.

Готовясь к отходу, «Лена» стала «Челюскиным».

Произошло это быстро. «Лена» скрылась за черной краской, и на борту красиво вырисовывался «Челюскин».

Да, об этом давно говорилось. Имя одного из старейших отважных полярников — Семена Челюскина, который в стародавние времена на деревянной шхуне обогнул крайний выгиб материка Таймыр, должно быть присвоено арктическому кораблю.

Погрузка шла к концу, но на судно еще взбирались люди. Таща свой личный скарб, научные приборы, они расходились по каютам, по твиндеку.

Корабль, имея уже на борту людей, еще раз пошел на старое место в город — прощаться. Рабочие фабрик и заводов, красноармейцы и моряки оцепили пристань. Говорил Отто Юльевич с балкона пловучей пристани: «Север будет советским... И там, в далеком Полярьи, мы всегда будем жить одной жизнью с трудящимися Советского Союза!»

Под звуки оркестра уходил корабль. Небольшая задержка в угольной гавани, — до конца наполнены трюмы углем...

Огни стенки, береговые огни, вы в ночь на 15 июля 1933 г. хорошо прощались с нами! Отраженные в черном зеркале Морского Канала, вы были последним приветом большого родного Питера.

Кто в эту минуту не вспоминал близкие сердцу мокрые ленинградские панели и блики фонарей в лужах воды?! Город Ленина, ты провожал нас теплым дыханием спокойной погоды, мягким воздухом и тысячами огней твоих заводов.

Люди на борту опираются на релинги, глядят в сторону уходящего города, тихо шепчутся.

Бросаю взгляд вперед, — там только вода; назад — щемящий душу воспоминаниями радости город.

Где-то Нарвская застава. Ищу глазами в ее направлении, впиваюсь в темные очертания домов. Смотрю туда...

Когда же снова придется мне придти к тебе и сказать, как сказано у поэта:

«Ах, здравствуй, Нарвская Застава, я снова свиделся с тобой»...

Быстрее движется рябь у борта. «Челюскин» дает ход. Наверху на мостике — черные силуэты людей. Город темнеет и расплывается.

Быстро светает, ночи почти не было. Кругом море, берегов уже нет. Мы идем быстро.

Очнувшись, возвращаюсь к волнующему сознанию, что кроме покинутого любимого города, есть «Челюскин», экспедиция, остров Врангеля и маленькая Алла, курносенькая и бойкая.

Иду в каюту, где спит она. Драпирую окна от назойливого света. Тихо укладываюсь спать.

ПО ВОДАМ БАЛТИКИ

Мы закусываем в кают-компании. В лакированном под красное дерево зале вытянулись в ряд три стола.

За одним из них сидит комсостав корабля и Отто Юльевич.

Нам очень трудно есть; помеха — Алка. Она старается есть сама, ложка в ее руках держится наискось книзу. Она обливает себя и нас. И еще: она ест руками, сама мажется и мажет окружающих. Но это полбеды. Посередине обеда она срывается с колен на пол и передвигается, держась за стулья, ходит ко всем, того и гляди упадет. Добирается до крайнего стола Отто Юльевича и, когда он берет ее на руки, она непочтительно цепляется за его бороду. Отто Юльевич не обижается. Кстати сказать, перед отплытием он нам разрешил ее взять. Он сказал: «Ребенка вы можете везти с собой, в Арктике ребенок будет здоров, но после, на материке, он, быть может, будет чувствовать себя плохо».

Волна пошла после обеда. Одни за другими кидались катышем небольшие бугорки, ветер — в 3—4 балла. Корабль немножко подкидывало. Но и эта маленькая качка уже кой-кого уложила на обе лопатки.

«Челюскин» шел по волнам, не сбавляя хода, все чаще и чаще прихрамывая то на левый, то на правый бок. Серая с проблесками зелени волна монотонно хлюпала под бортом: чах, чвах... И шипенье осыпающихся от удара брызг и бурлящей пены подпевало волне: шах, тах...

Дорога корабля однообразна, но жизнь внутри его кипит.

Боря Могилевич, не умолкая, расстанавливал по трюмам имущество экспедиции. Мы тоже проверяли, все ли погружено. Врач осматривал продукты, вырабатывал меню.

Ячейка, едва успев организоваться, сразу взяла решительный курс. Как работает датская машина парохода, кто пойдет капи-

таном в лед, как насчет политучебы и ряд других вопросов заняли ее внимание. Ячейка сколачивала коллектив для дружной работы. Сталкиваясь в работе, люди запросто знакомились, взаимно находили друзей. Часть людей корабля была уже спаяна прошлой экспедицией на «Сибирякове». Новые люди, слушая их рассказы, впитывали в себя опыт, сибиряковские традиции.

У них, у сибиряковцев, были нужные нам черты: полное взаимоуважение, понимание дисциплины и большевистская выдержка.

Механически весь состав корабля делился на три группы:

Экспедиция — научные работники. Тут были такие преданные делу люди, как гидрографы Хмызников и Гаккель.

Начинающие ученые — молодняк, подающий большие надежды: Факидов, крымский татарин, в 1927 году постигший грамоту, а сейчас уже ученый человек — физик; Ширшов Петя или просто «Пе-пе» (Петр Петрович) — бывший активный комсомолец Украины, сейчас научный работник по гидробиологии; Лобза — женщина - гидрохимик.

Сюда же примыкали энтузиасты арктического дела — писатели Семенов, Сельвинский, киноработники Трояновский, Шафран, художник «Комсомольской правды» Федя Решетников, необычайно веселый и живой парень.

Представьте себе небольшого жилистого человека, вечно загорелого, с маленькими сверкающими точками глаз, на которые нависли не только брови, но и большой лохматый чуб, большую никогда не сползающую улыбку — и перед вами будет художник «Челюскина» Федор Решетников, бывший беспризорник.

Команда: комсостав корабля, матросы, машинисты, кочегары.

Капитан Воронин — коренастый мужчина, чуткий, но деловой и серьезный человек. Он поведет корабль по льдам от Мурманска.

Матросы — это комсомолец Баранов Геша, самый юный из взрослых на корабле, с постоянно открытой, смеющейся физиономией. Миша Ткач, здоровяк и крепыш, активист комсомола, и другие.

Кочегары — сплошная комсомолия. Громов Василий, 22-летний юнец, на которого взглянешь, и вырвется: «вот это дядя!» Он бывший беспризорник.

Паршинский — парень-красавец — энергично шурует в топке котла и не менее энергично шевелит комсомольскую жизнь корабля.

Степа Фетин — машинист. Секретарь ячейки, добродушный и спокойнейший молодец.

Врангелевцы: Васильев Вася — геодезист, бывший активист Иваново-Вознесенской организации комсомола, человек с громадным, незаметным на первый взгляд, запасом физического здоровья.

Комов и Комова, муж и жена, метеорологи, отзимовавшие на Чукотке около трех лет и снова едущие на три года.

И над всем коллективом корабля возвышается большая фигура высокого, чуть-чуть сутулого профессора-большевика Шмидта, с окладистой свинцового цвета бородой. Шмидта уважают все, его авторитет — незыблемый авторитет, но и он уважает всех и говорит чутко и душевно с каждым.

Двигается он медленно, спокойно, в каждом движении чувствуется громадная сила воли. Говорит, чуть заметно улыбаясь в бороду. Серые глаза светятся добродушием.

На следующий день, как-то внезапно, из-за волны вынырнула шлюпка в метрах 300 от носа корабля. В бинокль можно было ви еть, что люди на ней машут руками.

У одного из махавших в руках было что-то белое. Машина корабля застопорилась. Пароход стало подбрасывать сильнее.

Люди в шлюпке вынутой из-под ног доской подгребались к нам. Им помогла попутная волна. Они пристали к борту...

Небольшая моторная шлюпка. Мотор молчит. В шлюпке два человека. Один, в кожаных штанах, сапогах и ковбойке с механической застежкой, сидит внутри кабинки. Другой, загорелый и плотный, в майке, стоит на корме с картой в руке и силится что-то объяснить нам. Кто они?

Одна из уборщиц говорит по-фински. Они понимают ее. Это финские пограничники. Их два дня болтает в море, бензин вышел, и им не добраться до берега.

Видевший их германский корабль прошел мимо, невзирая на сигналы о помощи.

Просят помощи. Могут дать им бензин? Капитан предлагает взять их на буксир. Отказываются. Даже на корабль не хотят идти поесть. Через некоторое время все же соглашаются буксироваться. Мы кидаем им конец и даем ход вперед. Они остаются далеко позади, но вот конец выбран весь, он натянулся, шлюпка рванулась за нами, ее закидывает волной, человек в кожаных брюках видимо не вылезает из кабинки, и наверху борется только один. Старается, держась за трос, подтянуть шлюпку на меньшую волну и выравнять своей тяжестью крен.

Он борется отчаянно и упорно. «Челюскин» сильно тянет за собой шлюпку, волна сильнее сбивает и закидывает ее. Бывают моменты, когда ее совсем не видно за зеленой хрустальной пирамидой волны. Люди на борту корабля напрягают зрение, минуту-другую пограничников не видно. Кто-то не выдерживает: «Готово, спеклись»... Еще несколько долгих мгновений, и вдруг снова

выскакивает маленькая лодочка и на ней борющийся человек.

Дальше буксировать рискованно. «Челюскин» остановился, шлюпку подтянули к борту.

Четырехугольная жестянка с бензином, сияя на солнце, опускается на дно лодки. Финны выражают благодарность улыбками и признательными взглядами.

Пароход снова на полном ходу. Чайки в воздухе, распластав крылья, несутся за кормой, а на горизонте видно, как силятся люди в своем маленьком корытце завести мотор.

Завели ли они его? Дойдут ли они до ближайшего маяка «Асмос», который указывали на карте?

И кто они: действительно ли пограничники или, может быть, контрабандисты?

Это остается тайной.

«Челюскин» шел вперед.

KØBENHAVN — КОПЕНГАГЕН

На 4-й день пути вошли в Каттегат. Пролив был тих и задумчив.

Ночью, когда куполообразный экран горизонта был еще задрапирован черным бархатом, впереди замигали красный и зеленый огни маяка. Вспыхнут — погаснут. Вспыхнут — погаснут.

Над трубой корабля с шумом прорвалась горластая сирена. Пар вылетел из гудка, белыми облачками растаял в ночной темноте.

Тотчас от маяка оторвалась красная точка и стремительно понеслась к нам.

Вскоре у борта, на воде, куда через иллюминаторы падал свет из кают, мы увидели катер с красным фонарем на носу.

С него сошел на висячий трап высокий сгорбленный моряк. Вахтенный матрос светил ему дорогу большой электрической фарой.

Иностранец, ловко цепляясь, быстро взобрался по трапу и, перепрыгнув фальшборт, направился к мостику. Это был лоцман, который должен был провести нас к Копенгагену.

Я смотрю ему в спину. Сколько судов днем и ночью проводит этот человек по опасным местам пролива? Сколько кораблей и жизней было у него в руках?

Минутная задержка, и пароход снова идет.

Утро, прозрачное и чистое как роса, встретило нас, когда «Челюскин» уже пришвартовался к Лонглайн [1] — в Копенгагене.

---

[1] Лонглайн — прилегающая к порту улица.

На чистой, словно асфальтированной глади бухты стояли яхты, раскинув белые лебединые крылья парусов.

Заливчик был так аккуратен, что напоминал бассейн с золотыми рыбками.

Из окна была видна мертвая серая стена; поверх стены, за железными перилами лежала пешеходная дорожка. С другого борта мы могли видеть на островке красные здания завода, у которого

«Челюскин» уже пришвартовался к Лонглайн.

в беспорядочном и заржавевшем состоянии лежали котлы, трубы.

Далеко позади кормы между дамбами, идущими с берега и островка, — выход в море.

Город был там, за серой стеной, слева по носу, где зеленел парк.

Несмотря на раннее утро, у корабля мгновенно появились люди.

Вытянутый в струнку элегантный полисмэн, одетый в черный костюм с пепельно-золотыми галунами, отставил к стене велосипед, на котором он примчался, и встал у носа корабля. Другой — «штатский» прибыл тем же способом. Он стал у кормы.

Таможенники уже раза два-три навещали нас по спущенному трапу.

А когда город окончательно проснулся, у борта собралась целая толпа.

На вахте у трапа стоял комсомолец Саша Миронов, говоривший по-немецки. Он останавливал каждого подымающегося на корабль: «Was wollen Sie?», пропуская только товарищей из торг-и полпредства, журналистов и фоторепортеров.

Элегантно одетый полисмэн сошел с велосипеда.

Отто Юльевич уехал на машине в город и вскоре возвратился.

Нам выдали по кроне на день — на трамразъезды — и отпустили на берег.

Несомненно, город нас интересовал. Народ, оставляя корабль, кучками топал по асфальту Лонглайна к парку.

И что же?

Город, как город, ничего особенного. Чистенькие, ровные улицы, 3 — 4-этажные дома, большинство из них заостренные в готическом стиле.

На бульварчиках киоски с товарами и справбюро. По-модному одетая, прилизанная публика, русоволосая, блондинистая.

Что же особенно поразило в Копенгагене? Признаюсь, меня, как северного жителя, поразило обилие южных фруктов... Диковинные ягоды, апельсины, бананы наполняли фруктовые подвальчики. Но, как и во всех магазинах, покупателей нет и на фрукты.

Еще поразила сплошная «велосипедизация». В трамваях, быстро снующих и, кстати сказать, нередко сталкивающихся с автомобилями, пассажиров маловато. Такси на площ дях изнывают от безделья. Но посмотрите на велосипеды — их масса, их лавина!

Датчане восседают на них, как горцы на чистокровных арабах, и работают ногами, как арабы.

Велосипеды летят тучами. Иногда впереди велосипеда пристроен фургон, в нем развозят товары; дамы в специальных плетенках у руля везут детей.

У каждого дома вделаны в землю «чулки» для колес и подставка для машины. Седок закрепляет машину замком и уходит по делам, чтобы потом придти и лететь снова.

Ларчик этой «сплошной велосипедизации» раскрывается просто: автомобиль дорог, велосипед иметь выгоднее.

В первый день мы не смогли подметить деталей города. Кроме общего впечатления, как об аккуратненьком, гладеньком буржуазном городке, мы ничего примечательного не вынесли.

Но последующие дни раскрыли перед нами нутро капиталистического города...

Тихая, домовитая улица. Дородные дома расселились, как купчихи 1-й гильдии. На двери одной парадной прикреплен маленький листочек. Всматриваемся, написано от руки порусски:

> «Общество православныхъ христіанъ въ г. Копенгагенѣ созываетъ всѣхъ братьевъ и сестеръ на богослуженіе, имѣющее быть 24/VII — с. г. в 6 ч. вечера. Службу ведетъ архіепископъ о. Евлогій при участіи церковнаго хора г. Богоявленскаго.
>
> Совѣтъ общества».

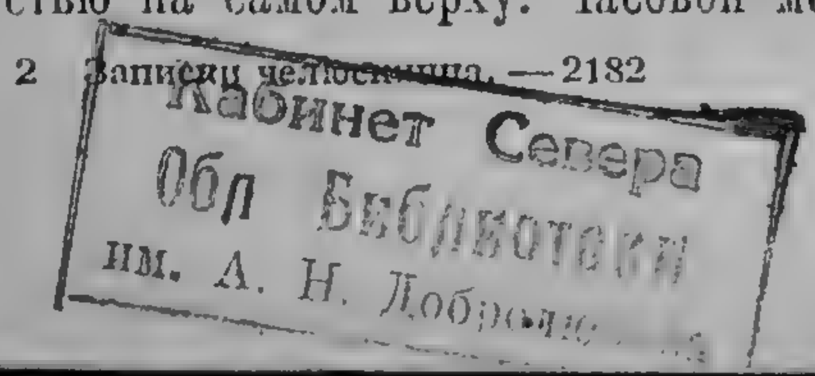
Веселый, рокочущий проспект. Витрины магазинов блещут электросветом, бьют фонтанами красок товары, одно из зданий освещено особенно подчеркнуто.

Мы подходим... Театр «Варьетэ». За стеклом — витрина фотографий мужчин в кавказских костюмах. Читаем латинский шрифт:

«Трио русских: Смирнов, Соколов, Мигошвили»...

Мы на площади перед королевским дворцом. Нечто похожее на Петергофские и Детскосельские дворцы бывших русских царей. Посредине площади памятник: король на коне. Композиция «пугала»...

У дворца с винтовкой на плече ходит часовой. Черные брюки, с лампасами и со штрипками. Белая грудь, перепоясанная ремнями крест-накрест. Высокая шапка с мохнатым верхом, с кистью на самом верху. Часовой молод и красив.



Ребята подходят к нему, обращаются по-немецки: «Разрешите сфотографировать дворец». Он молчит и мотает головой. Кто-то пытается втолковать ему эту просьбу по-английски, но часовой попрежнему молчит. Мы совещаемся вслух: «Что, он говорит только податски?»... Вдруг часовой встрепенулся.

— Позвольте, вы русские? Я тоже русский!

Мы ошеломлены. Оказывается, на службе у датского короля — сын генерала-белогвардейца!

Часовой говорит о своем «хозяине», как о бедном королишке, предлагает снимать сколько угодно и дворец, и памятник, и себя. И когда мы, перещелкав все эти достопримечательности, собираемся уходить, он заискивающе спрашивает: «Как вы думаете, меня пустят в Россию?..»

Не желая обидеть наивного юношу, в благодарность за разрешение на съемку, мы отвечаем: «Попытайтесь, может быть и выйдет»...

У королевского дворца мы увидели часового.

Кризис наложил свою лапу и на «богохранимый» Копенгаген.

Шли мы в центре и случайно свернули в сторону. Улица внезапно оборвалась. Трава густо поросла вокруг забытых трамвайных рельсов. Застыло в неоконченной стройке здание. От фундамента успели подняться только два этажа, и дом, не успев родиться, умер в зачатии. Натыкаемся на громадный досчатый барак, на боку раскинулась надпись «гараж».

В окнах дыры забиты тряпьем, и сквозь грязь стекол глазу видна жуткая картина нищеты. Деревянные самодельные койки, сумрачные люди в изодранной одежде, на ногах деревянные ботинки-сабо. Безработные.

Какие потрясающие контрасты!

Мы снова в центре, уже на вечерних улицах. Блестит отполированная шинами «паккардов» центральная Vestergade. Сияет огнями «Тиволи» (вход 50 öre), где разгулявшийся торговец за дополнительную плату может отвести душу в битье тарелок...

Красными, синими шнурами электросвета, запрятанного в бесконечные стеклянные трубки реклам, манит ресторан «Scala». Оркестр джаза на веранде «наворачивает» «Ingerdwo», а внизу, где широко распахнут сияющий вход, толкутся размалеванные проститутки. Но как продаться, когда никто не покупает? Кризис. Товар, мертвый и живой, в застое.

Наверху, над крышами, вертится зеленый электрический банан. Витрины пугают толпами разнообразных манекенов в дорогостоящих изысканных одеждах.

Ресторан с садом. Оркестр захлебывается пересахаренными фокстротами. Топчутся пары жирных, брюхатых, плешивых дельцов.

А у входа, на бульваре, в свете фонарей угрюмо жмется настоящая молодежь... У нее нет денег, она не может сесть за стол в саду, чтобы выпить пива.

По улице движется странная процессия. Жиденькие ряды мужчин и женщин. Каждый с велосипедом.

У всех на груди на белых джемперах вышита фашистская свастика.

Это фашистская «демонстрация». Жиденькая, малокровная. 5—6 сотен людей.

Другие люди встречают нас поднятыми вверх руками, со сжатой в кулаке кистью. Приветствуют вполголоса «Rot front!» и пугливо из-под кепок посматривают по сторонам: нет ли поблизости шпиков?

В одной из витрин магазина на обложке книги размалевана настоящая рязанская баба. Читаем: Шолохов, «Тихий Дон».

Мы, усталые, идем на корабль.

У сходен стоят копенгагенские комсомольцы. Они часто бывают у нас в гостях. Невдалеке маячат полисмэны.

Многие из ребят безработные, мы их подкармливаем. Сейчас они с гитарами, мандолинами поют наши песни на своем языке.

Девушки стоят в середине группы. Красные береты, красные майки. Голубоглазые, светловолосые, они громко поют.

Ребята смехом, словами подбадривают их, и девчата начинают петь: «По долинам, по загорьям» — нашу, приамурскую, партизанскую на своем языке.

Потом начинается громкое, аховское «По морям». Тут поли-

цейские не выдерживают. Вот они двинулись... идут... вламываются в гущу молодежи, разрывают, рассеивают ее и снова отходят на прежние позиции, сохраняя на лицах невозмутимую маску благочиния.

А через минуту молодежь со смехом, шутками снова собирается у трапа и продолжает петь песни. Это повторяется очень часто.

Прибыли товарищи из торгпредства. Мы прощаемся. При их посредстве «Челюскин» взял на борт ценный противоцынготный груз — лук, лимоны.

Они же преподнесли нам на последнем вечере смычки английский патефон.

Наши сердца преисполнены благодарности. Стоящие на набережной у борта люди поднятыми шляпами, широкими улыбками провожают нас в далекий путь.

«Челюскин» разворачивается.

Все мы стоим на носу...

И на земле и на корабле разливается «Интернационал»...

Еще долго-долго на берегу мелькают взмахи рук. Корабль уже у выхода в море, но бегут кучки провожающих, бегут за нами по дамбе. У самых ворот в море последние прощальные взмахи, гудки.

Форштевень «Челюскина» режет спокойное, скованное вечерней тишиной море.

МУРМАНСК

Идем к Норвегии. Качает. Корабль юлит шхерами. Узкие, как река, проливы между берегом и островами. Зеленые горы, живописные холмики, сосновые леса.

Ночью меня разбудил Миронов. Качало резко и сильно. Алка с матерью ездили по койке. В буфете звенела посуда и грохотали по полу стулья. Сашка барабанил по двери, как бешеный: «Давай, иди убирай свои бутыли на спардеке, они раскокались, кислота течет!»

Накинув пальто, я выскочил из каюты. Меня в такт качке регулярно стукало о стены и двери коридора.

С трапа скидывало назад раза два, но я поднялся на спардек.

Выл ветер, сталкивались тучи, гремел гром. Иногда потемки прорезала, будто взмах ножа, молния.

Бутыли в пояс человеку высотой, наполненные кислотой для «врангелевских» аккумуляторов, стояли в корзинках, привязанные к релингам.

Одну из них разбило качкой. Доктор Никитин лежал на скамейке под ними, наслаждаясь свежим воздухом. Кислота стекала на палубу рядом со скамейкой, но к счастью не задела его. Доктор вскочил и убежал от внезапного «кислотопада».

Солянка разлилась по полу палубы. Сашка уже стоял со шлангом и струей смывал ее за борт.

Обжигая руки о кислоту, я выбросил осколки бутыли за борт. Остальные вдвоем с Сашкой крепко-накрепко принайтовили.

Идем норвежскими шхерами...

Качка не была штормовой. Шла глубокая волна, так называемая мертвая зыбь.

Но как только волна стихла, началась работа. В трюмах снова закрепляли разболтанный качкой груз. На бревнах будущего «врангелевского» дома, лежавших на носу корабля, под песню кипела чистка бэкона, снимали успевшую присосаться за время плавания в теплых водах плесень и гниль. Развесили для проветривания вяленую баранину.

Подходя к Мурманску, кто-то из новичков обратился к Воронину:

— Что, лоцмана будем брать для прохождения в Мурманск?

— Домой я нахожу дорогу без провожатого, — ответил капитан. Здесь на Севере он уже вступил в управление кораблем.

Пройдя голые, холмистые берега Кольской губы, на рейде Мурманска бросили якорь.

Город томился в плену у светлоглазой белой ночи.

У пристани прихвачен «Красин». Рядышком «иностранцы», пришедшие за апатитом. Корабли здоровались сиренами.

На Севере Воронин уже вступил в управление кораблем.

Здесь последняя догрузка.

Бабушкин принимал самолет. Амфибия «Ш-2» на «Челюскине» будет служить для разведок. Удобна, может работать с воды, со льда и с земли. По мере надобности меняет колеса на лыжи.

При пробных полетах маленькая неудача. Разворачиваясь к широкой воде для взлета, машина коснулась пропеллером борта баржи. Винт разбился в куски. Из Ленинграда мигом доставили два новых.

На корму усаживают мычащих «пассажиров» — черкасских волов и коров.

Мы дополнили плавучий зоосад четырьмя прекрасными йорк-

ширскими поросятами, приобретенными для разведения на острове.

Грузятся сено и овощи.

Ударники порта помогают грузить строительный лес.

Мы носимся по городу, докупаем то, чего не успели захватить в Ленинграде.

Набираем котлов, ведер, сковородок и даже 7 тюков мануфактуры для эскимосов.

Прощальный вечер с местными организациями. На борт садятся новые и последние пассажиры.

Пришли строители. Их 11 человек.

Прибыли наши «врангелевцы» — Погосов Саша, механик-комсомолец, живой, деловой парняга Гуревич, Иванов — радист.

На корабль поднялась и Васильева Дора, жена геодезиста Врангеля. Она на 7-м месяце беременности.

Последнее расставание с родными, приехавшими провожать, и «Челюскин» на рассвете покидает Мурманск.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ВХОДИМ В ЛЕД

ВОРОТА В АРКТИКУ

Баренцово море, в которое мы вошли после Кольской губы, не качало, а ласкало мерными, ритмическими колебаниями.

Но эта «ласка» уложила на обе лопатки пришедшего к нам из Балтфлота Гуревича. Он не вставал с постели.

Морской китель никак не вязался с позеленевшим от качки лицом. Наши сомнения разрешились только впоследствии: Гуревич свою морскую службу отбывал на берегу.

Лежали и другие наши «врангелевцы», пришедшие в Мурманске. Геолог Рыцк, его жена, Прокопович также неимоверно страдали от тряски корабля.

Ни на мгновение не ослабляя, не повышая темпа, море тихонько приплясывало вместе с кораблем. Волна была черной, но в разрезе чистой и прозрачной.

Я смотрел за борт. Здесь очень большая глубина... «Красин» ушел раньше из Мурманска. Нагоним ли мы его? Пока мы идем одни на всем большом водном пространстве. Странно, когда взглянешь назад и медленно переведешь глаза вперед. Кажется, что позади гора и мы съезжаем с нее вниз.

Ветер свеж.

Мы устанавливаем и закрепляем на верхней палубе ящики с лимонами. В Мурманске ящики подняли из трюма. Отобрали хорошие лимоны, разрезали их на кусочки и, засахаривая, пласт за пластом уложили в бочки. В таком виде они сохраняются долго.

Бочки притянуты канатом, накрыты брезентом и привязаны к релингам. Семь ящиков целых лимонов поставлены на спардек и тоже принайтовлены. Их не собьет волна.

Через день мы подступаем к Новой Земле.

Горизонт закрыли хребтастые голые горы. Черные каменистые склоны пестрели белыми пятнами никогда не тающего снега.

Там, где вода углублялась, на завороте виднелся двухтрубный пароход «Красин». Он тоже стремился в Арктику и первым входил в ее ворота — в пролив Маточкин Шар. Вскоре ледокол скрылся в проломе кряжей. Мы шли следом и быстро вступили в пролив.

Узкая, глубокая река разделяла Новую Землю.

Черствые бока массивных гор круто слетали в воду. На отлогом приступочке и дальше, на уходящей покатой седловине, вдавались по вялому мшаннику две широкие полосы, точно от колес.

Горы, величественные и грозные, наступают так же бесшумно, как тихо и бесшумно двигается по проливу пароход.

Знаю, за стеной массивов безграничный хаос гор северной части. Там знаменитая Новоземельская бора, жуткая звериная пурга. Но и там, у Русской гавани, горсточка наших советских зимовщиков. Ни ледники, ни бора Новой Земли не останавливают советских людей. Берега острова имеют не мало русских и немецких становищ зверопромышленников.

На левом берегу показалась ложбинка. На краю у подножия горы стройно вытянулся деревянный дом. Радиомачты стояли, как одинокие голые деревья. Здесь прошлый год зимовал наш радист Сима Иванов.

Невдалеке от станции заметно судно. Мы всматриваемся и гадаем: «Красин» или нет? Это торговое судно «Аркос».

Мерные удары машины «Челюскина» внезапно замирают. Шумный разговор людей усиливается, нарастает.

Снизу подымается народ. На борту палубы, у окон верхних кают все сгрудились, шумя, сами удивляясь внезапной остановке. К борту пристает мотолодка.

Бородатые люди, загорелые от ветра, в высоких сапогах, поднимаются с лодки на борт. Они встречаются со старыми знакомыми на корабле, обнимаются, здороваются и, рассматривая друг друга, разговаривают о зимовке, о делах, о старых знакомых, вместе когда-то работавших, зимовавших, плававших. Шум на палубе не умолкает ни на минуту.

Только один Отто Юльевич стоит спокойно, улыбкой поддерживая рассказы зимовщиков.

Кто-то крикнул: «ведут!». Взоры всех перекинулись к распахнутой двери.

Ребята вели на палубу молодого, среднего роста, белобрысого парня. Он, виновато улыбаясь, продвигался боком.

Дойдя до трапа, парень ловко перекинул через борт ногу и спокойно опустился по трапу в лодку. За ним спустили в мешочке консервы и хлеб.

Лодка пошла к «Аркосу», захватив с собой наскоро настроченные письма на материк: «Аркос» идет в Мурманск.

Молодой белобрысый парень, как выяснилось, на стоянке в Мурманске временно работал по очистке котлов. Жажда плавания в Арктике не давала ему покоя. Кончив временную работу, он не ушел с корабля. Спрятался, выжидал отправки. Когда зашли далеко в море, он спокойно вышел и, придя в кают-компанию, крикнул: «Кто дневальный? Даешь шамовку кочегару!».

Он не рассчитывал, что в безлюдной Арктике мы встретим «Аркос».

С грустью и сожалением он покидал «Челюскин».

«Не прошел номер, жалко» — говорило его лицо.

Инцидент с «полярным зайцем» окончен. Гудок «Челюскина» прорезал стеклянный воздух, многократно отдаваясь в горах. Загромыхала машина. Берега оседают, превращаясь постепенно в узенькую черточку на горизонте.

Ворота в Арктику пройдены. Карское море встречает радостной от солнца большой водой.

Курс — Норд. Блестит отполированная солнцем гладь воды. Весело стучит машина.

Курс — Норд!

ВОТ И ЛЕД

Карское море называют «мешком со льдом». Поэтому я очень удивился, когда, пройдя сутки, «Челюскин» не встретил льда.

— Не так страшен чорт, как его малюют, — сказал я жене. Но я ошибся.

«Челюскин» изменил курс. Теперь мы шли на Зюйд-Ост.

Впереди показался лед. Полоса серых разнокалиберных пятен. Корабль несся обратно по чистой воде, пока не наступил момент свернуть на Ост.

А на восток итти необходимо — это прямой наш путь.

Свернув и пройдя немного вперед, мы снова встретили сизую полосу. Капитан сидел в бочке на марсе с биноклем у глаз. Только так возможно проводить корабль во льдах. Его опытный глаз различал все оттенки пятен и змеек в ледяной полосе. Он искал место, где больше темных ниточек, иссиня-черных точек и сверху кричал вахт-штурману направление.

Пароход вошел в ледяное поле.

Иногда под форштевень попадали маленькие ропачки. Они ныряли глубже и, блистая под водой кристаллической зеленью, уходили вглубь.

Темные ниточки и точки вблизи оказались трещинами во льду — разводьями и майнами.

Воронин вел «Челюскин» по этим разводьям. Узкие проходы корабль расширял, боками оттесняя в стороны лед.

Шли дорогой майн и небольшого свободно плавающего льда. Капитан спустился с марса на мостик. Там Отто Юльевич напряженно следил за лежащим впереди пространством. Воронин ухмыляясь говорит:

— Сейчас, Отто Юльевич, «Челюскину» придется принять ледовое крещение.

— Ну что-ж, посмотрим, как он работает, — отвечает Шмидт.

И впрямь, на горизонте майны обрываются, схваченные полосами ледовых перемычек.

«Челюскин» вошел в ледяное поле.

Узкие проходы связаны ими, как понтонными мостами. С одного берега ледяного поля до другого тянутся полуострова, острова перемычек с извилистыми разъеденными водой краями.

«Челюскин» должен их преодолеть, чтобы итти дальше в виднеющиеся за ними синие озера майн.

Капитан снова выбирает слабое место в перешейке. Там, где меньше толщина льда, нет ропаков.

Воронин кричит: «Полный вперед!» Слышен электрический треск сигнальных звонков в машинном. Медленный темп спокойных ударов «малого» в мгновение сменился водопадным грохотом «полного», — «Челюскин», вздрагивая корпусом, ринулся вперед.

Капитан уже на носу, он перегибается за борт, смотрит под форштевень.

Нос «Челюскина» закруглен буквой С.

Корабль, встретившись с перемычкой, вздрагивает от удара и дальше, несмотря на «полный», медленно ползет округленным носом по льду. Нос задирается кверху.

Метровая толщина льда не выдерживает тяжести корабля, и как только «Челюскин» на четверть корпуса взбирается на льдину, прорезав рельсой форштевня дорожку, льдина, крякнув последним вздохом, лопается.

Корабль опускается в свежую трещину, а бока его расталкивают обе части льдины в стороны.

— Ничего, берет, можем итти, — говорит Владимир Иванович Воронин.

И снова окидывает глазами лед, выбирая слабое место.

Мы долго стоим на носу, разглядывая бугры ропаков, ледяные островки, смотрим на громадные белые поля, распластавшиеся к северу и к югу, а капитан с удивительной энергией продолжает свою напряженную работу.

«Челюскин» сквозь льды, в непрерывных столкновениях, ударах и борьбе мало-по-малу двигается вперед.

— Ну, это еще не лед, — говорят сибиряковцы, — здесь, что же, пять-шесть баллов, а вот когда 10 баллов, тогда не попрешь.

Лед, как и ветер, учитывается и рассчитывается на баллы.

Если все стороны горизонта закрыты сплошным льдом, это десять баллов; если две какие-либо стороны, это 5 баллов. Открывается новая ледовая наука. Сколько названий впервые входят и закрепляются в голове! Торосы, ропаки, стомухи, шуга, фирн, айсберги...

Интерес к новым понятиям велик.

— Почему ропак, почему стомуха? — спрашиваем матроса.

Матрос кидает:

— Ропак поменьше, стомуха побольше, она стоймя стоит.

Все эти ледяные уроды начинают оживать в моих глазах. Они имеют имена. Они разных родов, хотя и одной водяной расы. Вот эти пластины, верхними краешками встретившиеся и поддерживающие друг друга, — это торосы. Они родились от сжатия. Сперва был молодой лед. Ветер сдавил ледяные поля. Лед лопался, крича от боли. Потом его нагромоздило друг на друга.

А вот это ропак. Какой он уродливый! Это просто ледяной пудель на задних лапах.

В день его рождения был штормовой норд, он ему помог родиться. Он был частью большого поля, его откололо, вывернуло наверх. Так он и закрепился.

У его основания любят полеживать тюлени. Они пачкают его белую окраску.

Тюленей здесь много. Сквозь воду мы видим их изворотливые, скользкие тела. Они гарцуют впереди носа «Челюскина». Резвятся, ныряют глубоко, уйдут из глаз и высунут свою круглую черную башку где-нибудь у края далекой льдины.

Насытившись ледовым крещением, все расползаются по каютам.

Но лед в помещении дает себя знать еще больше, чем наверху.

Двигаясь, корабль задевает за льдины, они скребутся о корпус, издавая громкий скрип, шорох. Урчит разворачиваемая вода... Это несмолкаемо и нескончаемо. В твиндеке и в трюмах, где нет внутренней обшивки, скрип превращается в неистовый грохот и звонкие удары.

И хотя морская качка здесь совершенно отсутствовала, но ее заменила ледовая. Корабль, вставая на лед, вздрагивает, корпус его покачнется и, падая в трещину, снова качнется. Удары были иногда настолько сильны, что мы невольно вздрагивали. Кто-нибудь шутил: «Есть пополам один шпангоут...» Но ребра корабля были целы.

Зато первую внушительную вмятину в борт получил «Челюскин» во льдах Карского моря. Железный борт над ватерлинией вдавился метровой ямкой от ледовой встречи. Мы везли уголь для «Красина». Нос был чрезмерно перегружен углем. Он опустился глубоко в воду. Поэтому вмятина пришлась над нижней защищенной частью корабля.

«Красин» также бился в ледяном мешке.

Мы радировали ему о необходимости свидания. Но его сильные машины пожирают неимоверное количество угля. «Красину» нужно дать 700 тонн угля. «Челюскин» встал среди нескончаемых ледяных просторов.

Кренкель передал координаты места нашей стоянки, и «Красин» развернулся к нам. Это первая наша стоянка во льдах.

Многих подмывало спуститься погулять по льду.

Боря Могилевич сходил в трюм, вытащил из ящика пару винтовок, патроны и, подмигнув, кинул: «Пошли, Петро».

Я взял одну из винтовок, пачку патронов, и мы пошли на корму спускаться на «твердую почву».

Внизу Вася Гордеев, подрывник, уже испытывал термит. [1]

---

[1] Термит — смесь порошкообразного алюминия с окислом железа. В эту смесь вводится магниевая лента. При сгорании магния зажигается и порошок алюминия, причем последний отнимает кислород у окисла железа. Развивается столь высокая температура, что плавится железо.

Высыпав его из мешочка, расставив термитные свечи, он зажег их, термит быстро горел, плавился, пробуравив во льду полуметровую ямку.

На расстоянии 1—2 км за островками свободно плавающего льда виднелся кряж ропаков, ограничивающий безбрежные белые степи льда. На пиках ропаков восседали невиданные большие птицы. Путь вперепрыжку со льдины на льдину туда был труден. Борис не задумывался.

— За птицами пошли!

Охотничья страсть загорелась и во мне. Подойти как можно ближе со стороны, а если удастся — сзади, взять точно на мушку, пальнуть, а потом победно притащить на корабль трофей: что может быть лучше?

Я пошел за Борисом. Большая льдина у кормы кончилась.

Чтобы добраться до гряды ропаков, надо смотреть не только на ближайшие 30—35 м пути; надо смотреть дальше, возможна ли там перепрыжка.

После каждого прыжка мы осматривались, определяя, куда можно прыгать дальше, с досадой взирая на широкие проталины, удлиняющие путь. Прежде чем прыгнуть на другой край льдины, надо было выбрать крепкую кромку у себя под ногой, чтобы при разбеге и толчке она не обломилась, и сразу же надо было оценить глазами противоположный край: не сдаст ли он после прыжка.

Иногда льдинки были настолько малы, что ступившая на нее нога погружалась в воду, и другую ногу нужно мгновенно перебрасывать на следующую льдину. Дело — в секундах.

Винтовки берегли. Когда прыгнет один, то ему перекидывается винтовка. Попадались льдины, на которых нельзя устоять двоим.

Птиц уже можно было прилично разглядеть, они напоминали больших сов, в светло-коричневом оперении. Сидели спокойно, слегка поворачивая головы в сторону резвящихся чаек.

Их невозмутимый вид надоумил нас двинуться напрямик, и мы бросили охотничью тактику захода. Снова прыжки, снова ноги окунаются в воду, но мы идем.

Я замечаю Борису, что когда мы прыгаем, края осыпаются, разводья поэтому становятся шире, обратно итти по старому следу тяжело, трудно будет перепрыгивать через расширившиеся места.

Это его не смущает. Птицы совсем близко. Наконец мы не выдерживаем. Ложимся, как по команде. Тихонько крутим затворы. Прицел, длящийся вечность... Руки дрожат от нетерпенья.

Выстрел... Птицы взлетают... Громадным размахом крыльев чертят круги. Еще пару выстрелов вслед, по воздуху, и они уходят далеко на север.

Промазали. Вся наша охота сорвалась.

— Идем, хоть посмотрим место, где они сидели, — говорит Боря. Вступаем, как на берег, в край большого поля. Ропаки в три человеческих роста. Смотрим — внизу лежат чьи-то кости.

Темные пятна сильнее вбирают в себя лучи солнца, быстрее нагреваются. Кости глубоко ввалились в подтаявший под ними снег. Достаем их оттуда, рассматриваем. Недоуменный вопрос «чьи они» — разрешает найденная ласта. Обглоданная пятипальцевая костяная кисть. Несомненно — тюленья. Преддверие к разгадке драмы. Медведь зарезал беляка [1], а птицы докончили завтрак великана ледяной пустыни.

Обратный путь, как мы и предполагали, оказался куда труднее.

Мы прыгаем, но разводья с обломанными краями стали шире. Часто срываемся в воду. Каждый из нас принял уже полную ванну по шею. Выбираемся, помогая друг другу. Выручает солнце. Оно греет энергично, градусов на 8—10 тепла. Ощущение такое, будто припекает.

На борт взобрались мокрые, усталые и — печальнее всего — без трофеев. Но все же Борис утром торжествовал победу. Один из решающих выстрелов по пришедшему в гости к кораблю медведю был его. По закону шкура зверя принадлежала убившему. Тушу свежевали на носу.

На корабле готовились к угольному авралу. Люди разбиты на бригады. Работа по сменам.

Брезентовая роба и лопата в руках. Временами сменяемся. Лопата переходит в руки другого. Вылезаешь из трюма наверх и, когда лебедка вытащит из зева трюма пять застропленных качающихся на весу мешков, один твой. Полусогнувшись схватываешь его на спину, бежишь по палубе и черное золото вытряхиваешь в люк кочегарки. Первый же угольный аврал показал сплоченность и дисциплину. Часть угля с носа была перекинута на корму. Нос поднялся, опущенная корма тоже представляла опасность для винта, но запрошенный «Красин» уже двигался к нам за углем.

«Красин» пришел днем. Здорово он шел льдом. Разбил поле с правого борта в куски, зашел с кормы на сторону левого борта и, обколов лед вокруг, пришвартовался к нашему борту. Как и у нас, у него на палубе стояли коровы, лежало сено. бочки с

[1] Беляк — детеныш тюленя.

горючим. По переложенным мосткам пришли красинцы с визитом к нам. Начался угольный аврал. Красинские ребята наполняли свои корзины углем из челюскинских трюмов, и лебедка несла их в воздухе, чтобы опрокинуть в чрево «Красина».

«Красин» уже шел к нам за углем.

Дружная команда на «Красине», ловкие ребята, скоро кипела работа.

Вечером после аврала красинцы устроили концерт самодеятельности и кино.

Концерт во льдах!

«Красин» ушел, но мы еще долгое время вспоминали братскую встречу с ним.

Ледокол перед уходом разбил несколько перемычек впереди. «Челюскин» шел несколько часов его дорогой, но «Красин», быстро форсирующий льды, постепенно исчез из виду. Итак, мы снова одни. Скопившиеся на Севере поля торосов вызвали разведку. Бабушкин

Спускаем на лед амфибию.

Амфибию подтащили к майне.

зашевелил свою амфибию. Полтора часа Воронин с летчиком осматривали состояние окружающих льдов. В результате разведка выяснила благоприятное направление для нашего пути.

ОСТРОВ УЕДИНЕНИЯ

Утро 29 августа встретило нас необычайной неожиданностью. Под носом у корабля вдруг выскочил небольшой остров. Что такое?

По карте никакой земли в этих местах не полагалось. Проверим... Вот она карта, висящая в коридоре, у каюты Гаккеля. Вот Карское море. Вот точкой и числом отмечено место, где мы были вчера.

В чем дело? Никакой земли поблизости не должно быть... Еще раз: в чем дело?

На палубу выскакивают наши «научники».

Собираются в путь к новому берегу. Когда все готово, сидящий в передовой шлюпке Отто Юльевич командует отвал, и водная кавалькада трогается.

На острове Уединения сложили из камней «гурий».

Льдины, гонимые течением, быстро несутся от острова навстречу шлюпкам.

Приходилось, чтобы не затерло, шлюпку вытаскивать на лед, тащить волоком и снова спускать на лед.

Путь на остров не легок. Первая твердая земля. Мох, небольшая вялая травка, глинистая почва, камни. «Научники» сделали съемку. Десант, разбредшийся сначала в разные стороны, завтракает на лоне девственной природы и пускается назад к кораблю.

Илья Леонидович Баевский, поднявшись на борт, говорит:

— Вот это был путь! Тут чувствуешь Арктику!

Петя Новицкий — исключительный фотограф, чуточку самовлюбленный человек. Он катышом катается по палубе и таинственно

шепчет на ухо встречным: «Этот островок я заметил первый, по существу я имею право требовать назвать его островом Новицкого».

«Научники» после обследования острова, посовещавшись, выражают мнение, что остров этот есть остров Уединения, открытый Х. Свердрупом. Только последний, видимо, неправильно определил местоположение острова, поэтому на карте он в этих местах и не значится.

Остров, небольшой, вытянутый, лежит на том месте, где ему природой быть полагается и где мы его нашли.

Южная часть его приподнята, верх плоский, к северу остров вытягивается в узкую полоску невысокой гряды. Там, где она сливается с водой, стоит, как часовой, обломок скалы.

На солнце скудный кусок земли все же имеет приятный вид. Комов предлагает:

— Петр Семенович, ежели на Врангель не попадем, давай вернемся сюда на зимовку.

Я, полушутя, отвечаю:

— Слишком открытое место, гор нет, крепко будет задувать. Даже для дома нет приличного места. Но все же зимовать можно, тем более, место весьма нужное для судоходства в Карском море.

На горизонте с юга давно маячит не то туман, не то дым. Люди, как всегда, спорят по этому поводу. Но вот явственно виден дым. Споры прекратились. К нам медленно пробивался сквозь льды ледокол «Седов». Медлительность его продвижения во льдах была такова, что, показав дым в полдень, он только на исходе дня смог показать всего себя. А ведь «Седов» судно средних размеров, можно сказать, даже большое.

Зашныряла между кораблями шлюпка. Кто ехал по делу, а кто и просто в гости. Я навестил товарищей-зимовщиков, едущих на Северную землю сменять Демме.

Все чувствуют себя хорошо. У них на корабле прекрасно работает стенгаз. Живут дружно по каютам, но последние хуже наших и вообще внутри судно значительно уступает «Челюскину». В кают-компании ребята горюют над патефоном: лопнула пружина. Они теперь делают так. Ставят пластинку и быстро вертят ее пальцем. Они просят у нас пружину, а мы у них Утесовское «Пока-пока», но так и не обменялись.

Когда «Челюскин», окончив все дела, в тишине садящегося в воду арктического вечера трогается в дальнейший поход, «Седов» увязывается за ним, как в походе эскадры — в кильватер.

Воронин снова наверху — в бочке. Корабль, послушный воле рулевого, огибает мыски полуостровов, извилины берега, продвигаясь все дальше на восток.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

НА КРАЙНЕЙ ТОЧКЕ МАТЕРИКА

МЫС ЧЕЛЮСКИНА

«Красин» сообщил, что он с боем берет дорогу у острова Русского, проходя 9—10 миль за сутки.

Но все-таки в тех местах, где он работал, можно было протиснуться.

Поэтому мы шли теперь вдоль берега, но значительно севернее. С юга тянуло теплом. Воздух мягкий и свежий, как весной в Ленинграде. Глядя на юг, мысленно представляешь, мимо каких мест проходишь. Там далеко, обнесенная стеной тайги, Печора. Вот полноводная, могучая Обь. И вокруг беспредельные полчища леса. Сосны, ель, пихта моют свои вершины в зеленоватом мареве воздуха.

Там сейчас лето. У нас тоже температура плюс 8°, чуть-чуть прохладно. Свитеров, а иногда и ватников, не снимаем.

Дни проходят в неустанной работе. Кто на вахте наверху, кто у топок и машин, кто в трюме осматривает груз. «Научники» углубляются в свои дела.

Вот бежит Факидов. Он всегда оживлен и стремителен. Скачет по бревнам, распластавшимся на носу. Вот он опускается в носовой трюм, что на самом носу корабля. Он следит за этой частью корабля, которая больше всего подвержена ударам об лед.

Внутри трюма на стрингерах у него подвешены тончайшие приборы. Они измеряют силу ударов, давление льда на борта судна. Каждую вдавленность в железный бок корабля, каждый прогиб шпангоута[1] или стрингеров[2] надо тотчас же на ходу «Челюскина» заметить и предупредить возможную дальнейшую аварию.

---

[1] Шпангоут — поперечные ребра остова корабля.
[2] Стрингер — продольная железная балка.

Вот идет Ширшов, или, как я говорил уже, «Пе-пе». Он снимает висящий тут же на палубе предмет и идет к фальшборту. Предмет этот по виду похож на сетку, которой ловят бабочек.

На конце сетки висит никелированный кран для выпуска воды. «Пе пе» наклоняется за борт и опускает странную сетку в море.

Через несколько времени он ее вытаскивает. Содержимое сливает в стеклянные банки.

Простому глазу представляется мутная вода. Но глаз Ширшова под микроскопом увидит большее.

Он изучает планктон — питательную среду в этих водах.

В кают-компании после обеда собирается свободный от работы народ. Работают кружки. За столом восседает Кренкель и ловко оперирует немецким языком. Это — средняя группа. Отто Юльевич в своей каюте штудирует «Deutsche Sprache» с высшей группой.

В определенные дни кают-компания занималась исключительно политучебой.

На кружке, руководимом автором, после вступительного доклада одного из товарищей дискуссировали по вопросам текущей политики. Бобров в другом кружке оживлял беседу рассказами из своего революционного прошлого.

Отто Юльевич каждый день после обеда или ужина информировал челюскинцев о продвижении разных кораблей в Арктике и вообще о новостях.

Вечером иногда заседал партком или судком.

И только когда стихала размеренная жизнь челюскинского коллектива, когда Отто Юльевич последним заканчивал занятия кружка высшей математики, в кают-компании на сцену за час до сна появлялся Федя Решетников.

Неутомимый балагур, прибауточник, непременный запевала и зачинала. Место его — у рояля, у патефона, иной раз и просто на полу, где он выплясывал такие классические «балетные» номера, что мы помирали с хохоту.

Вокруг Феди создался свой джаз. Сыгровки шли под его личным руководством. Оркестр был специфический. Кроме ребят из команды с мандолинами и гитарами, он включал в себя Сельвинского, ожесточенно дувшего в сделанную им самим из бумаги трубу. Шафран стучал палочками по маленькому деревянному обрубку или свистел на гребенке. Гаккель ловко высвистывал на специальной джазовой дудочке. Оркестр не плохо исполнял и «Катеньку» и «Румбу-Фьесту».

Пели частенько стихи Сельвинского: «Шли три матроса с буржуйского плена». Это было модной вещью на корабле. Сам ав-

тор песни не раз выступал со стихами в нашей аудитории и рвал воздух своим трубным голосом: «Крала баба грузди, крала баба грузди и бобы». Тот, кто не участвовал в общем веселье наверху, уходил вниз в Красный уголок.

Многие читали, сидели над домино, а кое-кто дулся в козла. У «козлятников» считалось особым шиком крепко брякнуть костью об стол. Проигравшему — свистели и по-милицейски руками давали сигнал на выход.

Тут же ютились тихие, скромные шахматисты, бузившие только в конце игры при проигрыше или при перемене хода...

Так жила, работала, развлекалась советская пловучая колония в Арктике, во главе со своим «полпредом» — большевиком-ученым Шмидтом.

Мы уже подходили к мысу Челюскина.

Туман... туман... как... в китайской прачечной. Может быть, поэтому мое первое полярное «стихотворение» выглядело так:

Арктика — прачка, шанхайская прачка,
Паром тумана свела горизонт.
И вот эта торосная качка
Наш ледовитый фронт.

Грубо, необтесано, но меня, как «начинающего поэта», не обидели, и стих появился в стенгазете.

Берег лежал рядом, но туман не показывал его. Сквозь толщу словно утрамбованного пара еле-еле можно было различить темные, громадные силуэты кораблей. Их много. Здесь бросили якорь «Красин», «Сибиряков», «Седов», «Сталин», «Русанов» и другие.

Но и это едва видимое зрелище было грандиозно. Мыс Челюскина — самая северная точка материка. Надо было произойти Октябрьской революции, чтобы эта недоступная прежде земля увидела сразу и впервые 6 кораблей, и каких кораблей!

Моторный вельбот спущен на воду. Едем на берег смотреть полярную станцию и ее обитателей.

Штурман Виноградов — на руле. Летчик Бабушкин на носу. Он направляющий. Нельзя сбиться в этом шестикилометровом переходе в гуще тумана.

Волна сильно кидала шлюпку. Шмидта, сидящего на краю, обдавало водой. Мотор исправно работал.

Корабли то приближались к нам, то снова исчезали за сизой пеленой.

Берег тонкой полоской вычертился на сером фоне тумана. Встретили нас неприветливые псы.

Голая земля вокруг усеяна банками из-под консервов, отбросами, костями.

Деревянный стандартный дом. Небольшие комнаты. Внутри темно. Чуть-чуть светят керосиновые лампочки. Помещение рации чисто, радист, выбритый и опрятный, рассказывает: «Посредине комнаты плюс 6°, а вон в том углу у пола температура иногда доходит до минус 25°».

Осмотрев стоявший у берега «Дорнье-Валь», недавно прилетевший сюда, возвращаемся обратно.

На обратном пути товарищи высказывают свое мнение о зимовке. И хвалят и хают. Неопрятность некоторых зимовщиков кое-кому не понравилась. Отто Юльевич по этому поводу вспоминает: «В прошлый рейс зашли на Ляховские острова, посмотреть станцию. Видим — зимовщики грязны, обросли волосами. Спрашиваем их: «В чем дело, товарищи?» А они радостно мне отвечают: «У нас соревнование, Отто Юльевич, мы решили соревноваться, кто дольше пробудет немытым и небритым». Бывают такие казусы с людьми.

Еще день уходит на деловые свидания с кораблями, разговоры, совещания, директивы, и «Челюскин» покидает мыс Челюскина.

«Седов» пошел пробиваться к Северной земле. «Красин» повел караван судов на Лену.

ШТОРМ В МОРЕ ЛАПТЕВЫХ

Погода стояла все такая же серая. Кругом чистая вода и, если бы не качка, итти было бы совсем хорошо.

Корабль вступил в море Братьев Лаптевых.

Вот тут нас и пошвыряло!

Волна ходила по кораблю, заливая груз на носу и корме. Иллюминаторы все наглухо задраены. Трюмы запаяны люковицами.

«Челюскин» никогда так глубоко не падал в водяные ямы и никогда так тяжело не ахал, летя стремглав вниз, как в этот шторм.

Его так высоко бросало на гребнях волн, что корма подымалась, и винт бешено вертелся в воздухе.

По кораблю трудно было передвигаться. Только можно было лежать на койке, ухватившись за нее, разъезжая взад и вперед, стукаясь о перегородки то головой, то ногами.

Палубная команда непрерывно авралила, крепя раскаченные грузы.

Коровы и свиньи на корме, плавая в соленой, холодной воде, в паническом исступлении мычали и визжали. Одна корова при

толчке сломала рог, и кровь густо залила коричневый плюш ее морды.

Но люди были спокойны. Многие из команды видели более сильные штормы.

Похваливая лаптевскую штормягу, ребята вспоминали тихоокеанскую «тишь». В разговор кто-то вклинивал очередную «травлю» — выдумку, вроде того, что вот, мол, однажды он плавал на

Корабль вошел в море Лаптевых. У штурвала комсомолец Миронов. Ребята прозвали его «Длинный Джек»...

«Чайке» и у них был такой случай. Вышел кок [1] в шторм на палубу. Стоит у камбуза [2], покуривает. Вдруг волна как хватит его, да и смыла за борт. Но тут встречная волна подхватила и поставила опять на то же место у камбуза. Даже трубка не погасла...

Ребята дружно смеются.

Воздух насыщен доотказа туманной пылью. К вечеру и ночью шторм не прекращается, но корабль ведет старый помор-буревик.

---

[1] Кок — судовой повар.
[2] Камбуз — судовая кухня.

Он не ложится в дрейф. И несмотря на работу машины на полное количество оборотов, «Челюскин» против волны идет средним ходом, однако мы продвигаемся вперед к проливу Санникова.

В НЕИЗВЕДАННОМ ПРОЛИВЕ

Утром солнце разогнало туман. Качка прекратилась. Мы проходим у Новосибирских островов.

Предстоял путь по неизученному проливу. Шли, осторожно измеряя глубину. В некоторых мелководных местах проходили едва двигаясь.

Этот пролив пересекал в 1930 году по льду помощник Кренкеля Иванюк.

Таинственной тенью приподнялся и вытянулся над водою цвета желтой глины остров. Параллельно ему лежит еще более «засекреченный» морем остров «Земля Бунге».

Никто точно не скажет границы его берегов. Остров — словно черепаха. То покажется наружу, то снова скрывается под защитную покрышку воды.

И «Земля Бунге», и о. Ляховского где-то тоже близко от нас, чувствуется их дыхание, но море не показывает их, они остаются невидимыми.

За бортом — сталью блестит океан, а над головой — небо цвета серого суконного одеяла.

Грудью вперед, крепко стуча машиной-сердцем, подступает «Челюскин» к Чауну.

Каждая миля вперед приносит встречный лед.

Сначала это одиночки, заблудившиеся и покинутые льдины или осколки ропаков. Постепенно, но верно мы снова идем к ледовым полчищам, к тяжелым ледовым массивам.

СУТКИ НА О. ВРАНГЕЛЯ

Большая часть пути пройдена. Осталось решить две задачи: пробиться к о. Врангеля, где корабль оставит группу на зимовку, и дальше итти Беринговым проливом к чистой воде, к Владивостоку.

«Врангель», «зимовщики» стали склоняться на разные лады. Разговоры эти превратились в конкретные дела. В кабинете у стармеха произошло первое заседание по обсуждению вопросов выгрузки, строительства домов, служб на острове. Продумали и разработали план работ. План таков:

Если льды подпустят, бросим якорь в 2—3 км от бухты Роджерса, где находится станция

Молодую стеклянную поверхностную заледенелость, подмерзающую ежечасно, дробим катером, имеющим металлическую обшивку. Мобилизуются все шлюпки-ледянки, мото-вельботы, кунгас,[1] просто лодки. Уголь, дрова, стройматериалы перебрасываем на плотах в первую очередь.

Строители тут же высаживаются на берег и приступают к стройке. На корабле останется минимум людей, остальные участ-

Зимовщики острова Врангеля.

вуют в выгрузке. Распределены и намечены люди в бригадах и бригады по работам.

Я почувствовал уже настоящую зимовочную жизнь и работу.

Отто Юльевич согласился руководить работой по уточнению планов научных работников. Как исключительно умело проводил он это дело!

Сидим в кают-компании за столом, обсуждаем. Наши «врангелевцы», — как на экзамене. Каждый докладывает о том, что он будет делать на зимовке. Отто Юльевич внимательно слушает.

---

[1] Кунгас — широкая большая лодка; название, принятое на севере и на востоке.

Потом вдруг вопросик: «Простите, хотя я не специалист в вашей области, но мне кажется, здесь нужно так-то...» И с ним соглашается и геолог, и биолог, и геодезист.

Какая всеобъемлющая сумма человеческих знаний накоплена под этим прямым красивым лбом!

Все детализировано, планы подразделены на кварталы и по годам. На зимовке легко будет контролировать выполнение заданий.

Корабль пробился к м. Биллингсу. Севернее на траверзе его лежит о. Врангеля.

В яркий блещущий солнцем день мы остановились у большого озера. Льды окаймляли его высокими торосами, и снег, покрывавший их, сверкал ослепительно, до боли в глазах.

Бабушкин готовился к лётной разведке.

Бабушкин готовился к летной разведке. Бортмеханик Валавин с непременным своим помощником комсомольцем Погосовым пробовали мотор. Пропеллер, убыстряя вращение, становился невидимкой, распространяя дрожащее круговое сияние.

На тихую гладь озера, паря, опустился свинцовой тяжестью самолет «Юнкерс». Целый трамвай, с окнами.

Из кабинки вылез летчик Куканов и на поданной моторке прибыл на корабль.

Ко мне вошел в каюту кто-то из товарищей и сказал:

— Отто Юльевич тебя вызывает к себе.

Я привел себя в должный порядок и направился к начальнику.

Он курил, медленно затягиваясь, и, стоя за столом, наблюдал в окно каюты за «Юнкерсом».

— Хотите лететь на Врангель? — спросил он меня.

— Да, Отто Юльевич, мне необходимо лететь, но... у меня... политкружок... — вспомнил я.

— Можете его перенести на другой день, — улыбаясь ответил Шмидт.

— Тогда лечу.

— В таком случае одевайтесь, полетим с Кукановым.

Я пошел в каюту одеться и предупредить жену.

Застегнув полушубок и напялив очки, сказал ей:

— Лечу на Врангель.

— Ну что же, давай, посмотришь комнату, где будем жить.

На этом расстались. Моторная шлюпка подкинула нас к самолету. Ребята с борта махали руками.

Лезем в самолет. Со шлюпки ступаем на стальные поплавки (форма лыж, внутри полые). Потом подымаемся по приставной лесенке наверх в кабину. Внутри два плетеных стула. На полу якорь, банки с бензином. Шмидт садится рядом с летчиком в открытой кабине.

Я, Копусов, борт-механик и Красинский — начальник летной группы, располагаемся внутри.

Летные люди возятся у маленькой динамо — запускают моторы.

И один за другим все три мотора загремели, выбрасывая прозрачные струйки синеватого дыма.

«Юнкерс» пошел на взлет.

Но как Куканов ни давал полный газ, как ни выжимал ручку до отказа, старые, отработавшие положенные им часы моторы не хотели подымать стальную птицу.

Мы уже два раза спускались с борт-механиком Шадриным на поплавки, протараненные льдинами и имеющие течь, выкачивали из них насосом воду, но самолет, освободившись от этого лишнего груза, все же не мог подняться.

Попробовав еще раз взлететь, Куканов сдал газ, остановился и обратился к Шмидту:

— Отто Юльевич, одного человека, ящик лимонов и банку бензина придется снять.

— Ну что же, ничего не поделаешь, Иван Александрович, придется вам на этот раз не лететь — говорит Шмидт Копусову. Недовольный покидает он самолет, перебираясь на подошедшую шлюпку.

Наконец, мы идем третий раз с попыткой подняться в небо.

Все сильнее, сильнее гудят моторы. Все быстрее, быстрее челькает рябь воды, внизу под окнами взметаются фонтаны, рассеиваясь водяной пылью. Куканов снова с силой жмет ручку. Нос задрался, закурносился. Мы жмемся вперед, легче будет подъем.

Напряженно следим за собственным взлетом. Вот нос еще выше закинулся; радостный миг — самолет почти над самыми ропаками оторвался. Набираем высоту. Высовываю голову в люк. Гляжу секунду на корабль. «Челюскин» внизу стоит, как маленький буксиришко, прижавшись к белой стенке льдов.

Неимоверный ветер сразу вызвал слезу. Втянул голову обратно.

Не успеваю сделать это, как порывом ветра сбивает очки, одетые на шлем. Инстинктивно хватаюсь за ремешок шлема,

убираю голову. Шлем остался — очков нет. Ну, ладно, пусть ими пользуются белые медведи...

Грохот моторов мешает говорить. Шадрин разворачивает карту и, жуя кусок хлеба, одеревенелым, черным от машинного масла пальцем тычет на о. Врангеля. Я смотрю то на карту, то на руку. Она железного цвета, вся в ссадинах, синяках. Нагибаюсь, кричу на ухо:

— Что у тебя с рукой?

Шадрин орет в ответ:

— У меня обе такие. От работы. Машина старая, который раз на Врангель идем, лечить-то некогда.

Врангель встретил нас штыками гор, перетянутыми серыми лентами туманов.

За окном крылья, казалось, резали белую скатерть льда. Мы следим за ним. Можно ли кораблю, подойдя с запада, пройти к острову?

Лед был сплошной и тяжелый. Подлетев ближе, самолет нырнул в туман. Трудная и неприятная это штука, когда ничего не видать. Опустились ниже, блеснул еле заметно лед и берег.

Песчаная, ровная, как отточенная, коса. Шадрин кричит:

— Это бухта Сомнительная, а нам в бухту Роджерса!

Снова забираемся немного вверх идем мимо пирамид сопок на восток.

Здесь тумана меньше.

Видим на воде моторную шлюпку, гоняющуюся за моржами.

На шлюпке, поймав нас взглядом, забыли моржей. Суденышко поворачивается и спешит к маленькой бухте. Песчаная коса. На ней, как спичечные коробки, стоят домики. Бегут смешные муравьи — люди. Куканов переходит первую большую косу и виражирует над водой бухты. Льдинки, хоть и небольшие, говорят летчику об осторожности при посадке. Самолет кренится. Стена становится полом, невольно цепко хватаешь руками стену. Куканов, выпрямляя машину, сажает ее в воду. Толчок от удара о жидкую поверхность, и «Юнкерс» рулит к берегу. Люди в меховой одежде перебрасывают доску на поплавки. Мы выходим на берег.

Нас встретили: жена Минеева — начальника острова, недавно прибывший на о. Врангеля летний радист Страутман и несколько эскимосов — местное население. Встретили радостно. Новые люди у них бывают не часто. Шли медленно по косе в дом. Присматривались к станции, к острову. Пологий скат, у которого приютилась бухта, окаймлен дикими, суровыми горами. Снегу мало. Серая выцветшая трава у нижних домиков. На косе домики, по-

стройки. Вот рация, вот кладовая, баня. Закуты, и в них живые медведи. В клетках (вольерах) бегают облинявшие за лето песцы. Кое-где лежат бивни мамонтов, изогнутые в крупную завитушку, и желтые моржовые клыки. За домом на горе белые полотняные палатки и черные, из оленьих шкур, яранги. Эскимосы пришли из глубин острова, ждут парохода. Дом старый, но еще довольно сносный.

Красинский сразу принялся за приготовление еды, — из яичного порошка жарил на примусе яичницу.

Шмидт беседовал с хозяйкой о положении дел на острове.

Я не утерпел. Разглядев внутренность дома, направился еще раз детально осматривать хозяйство...

За чаем хозяйка рассказывала о жизни на острове.

Продукты есть, нет горючего и топлива, поэтому Минеев отправился на северную сторону, где много плавника, с тем чтобы поставить там жилье и в наступающую зиму отапливаться плавником.

Судя по разговору, чувствовалось, что она устала на зимовке, изнервничалась.

Отто Юльевич ободрял ее:

— Скоро мы к вам подойдем, сменим, ну, а если невозможно будет подойти пароходом, сменим самолетом.

Она возражала против смены по воздуху:

— Муж сказал, что он будет меняться только на пароходе. Но, знаете, и в пароход я мало верю. Вот «Совет» ведь в прошлом году не мог подойти.

Когда начали укладываться ко сну, я вступил в разговор с Отто Юльевичем:

— Нельзя ли мне здесь и остаться?..

— Нет, вам трудно будет, нет топлива, вы здесь новый человек, трудно будет привыкнуть к новым условиям, — отвечал начальник.

Надежда попасть на остров с пароходом не исчезла. Утром мы поднялись с острова на мыс Северный. Начало пути обрадовало всех. На восток, в сторону о. Геральд, блестела на солнце чистая вода. Черные скалы и пики острова высились, как величественные памятники.

Дальше к материку путь изменялся. Весь пролив де-Лонга, над которым мы летели, был забит льдом. Но каждая ниточка воды вливала в меня радость надежды: может быть можно свернуть; может быть, «Челюскин» по этим ниточкам придет на Врангель.

Точно это скажут Отто Юльевич и летчик. У них опытный глаз, сильные бинокли, большой опыт различать льды.

Гористая гряда берега показалась впереди, мы шли прямо на нее.

Шадрин, всматриваясь в слюдяное окно, тыкал пальцем на лед. Я ничего не видел и не понимал. «Челюскин»! — гаркнул он прямо в ухо мне. Я всмотрелся: среди шероховатой белой комканной простыни маленькое чернильное пятнышко.

Я не поверил. Шадрин уверял. Подходим ближе. Он прав. Куканов идет прямо на корабль, парит над ним.

Сверху судно кажется плоским корытом. «Челюскин» посылает нам привет. Пар вырывается из его гудка. До ушей долетает вой сирены, похожий на отдаленный лай собаки. Маленькие существа — люди — суетятся по палубе.

Два круга, и самолет устремляется на м. Северный, показывая путь кораблю.

У самого берега немного чистой воды. А уже саженях в трех лед. 5—10 минут лету, и мы садимся в лагуне у станции. Новенькие, только-что отстроенные дома приветливо встречают нас. Начальник краснознаменец Петров оброс рыжей бородой и неузнаваем.

Он ведет нас в поселок, показывая возникший за прошлый месяц новый центр на Чукотке. Обедаем у них в столовой. Владивостокский кореец-повар прекрасно готовит.

Сытно покушав, ушел на берег. Сел на скалах на самом мысу. Многоэтажье каменных громад беспорядочно срывалось в воду.

Ко мне подошел и сел рядом на камни местный врач. Еще недавно я его видел в Москве. При галстуке, обыкновенная интеллигентная внешность.

Здесь он затосковал по городу.

— Мне трудно. Сам заболел, а начальник требует объезда чукчей. Не уйти ли мне вместе с «Челюскиным»? Знаю — это дезертирство.

Я резко реагирую на его нытье. Из-за большого мыса показался черный шевелящийся бугор — нос корабля. «Челюскин» подходит. Как долго он пробивался! Мы летели самое большее 5—10 минут. Надо итти. Садимся на моторный катер, начинаем юлить по узенькой ленточке береговой воды, но нигде не видим прохода вперед к кораблю.

Он уже весь виден. Медленно, как кит, движется он всей своей железной тушей, кряхтит, подвигаясь к нам. Ему близко нельзя подойти к берегу. Он останавливается. Что же делать нам? Надвигается темь ночи.

— Пройти на катере льдом невозможно. Пойдем по льду, — говорит Отто Юльевич.

Оставляем катер и по ропакам скачем к кораблю.

Начальник идет бодро и легко, чувствуется опыт, приобретенный в ледниках Памира и Кавказа.

Но вот и корабль. Взбираемся по висячему трапу, и мы на борту.

Пришел в каюту, не раздеваясь поцеловал Алку. Курносая спала.

Атаковали вопросами: «Как на Врангеле? Можно ли сворачивать к острову?»

Но Отто Юльевич, собрав людей, разъяснил: пройти к острову Врангеля сейчас невозможно, идем к Берингову проливу, а потом с востока будем пытаться пробиться со стороны острова Геральда.

Мы идем по курсу на восток. В течение 10 дней медленно берем дорогу от Северного к о. Колючин.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЧУКОТСКОЕ МОРЕ

КОЛЮЧИНСКИЙ ПЛЕН

Лед Чукотского моря тяжелее Карского. Разводий и майн мало, они уже и меньше. Это ропачье море. Массы многолетнего льда в огромнейших глыбах, причудливыми ропаками обступают маленькие пятнышки воды так тесно, как праздно гуляющие окружают милиционера, разрешающего уличное недоразумение.

Выше теснился лед, подступал к самому борту, и теперь «Челюскин» шел тяжелее, с трудом раздвигая 20—50-тонные глыбы льда.

Но оттеснять лед было некуда. Все сплошь забито торосами. Чукотское море напоминало ледник, набитый доотказа радивым хозяином, не оставившим между кусками льда свободных промежутков.

На вахте в машине горячка. Люди в соленом поту. Спокойный Степа Фетин, — весь внимание. Дребезжащие звонки машинного телеграфа ни на минуту не умолкают. Они сыплются сверху, с мостика, как барабанная дробь атаки. Секунда для вдоха и выдоха. Звонок. Стрелка на сигнальном диске вздрогнула и передвинулась со «стоп» на «малый ход».

Степа, взмыленный, двигает рычаг, замирая в напряжении. Снова звонок. Стрелка сорвалась с места и побежала по диску, кончиком упершись в «полный».

Опять звонок. Степа следом за стрелкой перебрасывает рычаг на «стоп» и «задний».

А в кочегарке, в сотый раз собирая с лица и шеи густой кисель пота, Васька Гром (так ребята для краткости прозвали боевого Громова) подгоняет свою голотелую комсомольскую бригаду.

— Ребятки, подшуруем. Пар держать «на большой». К Берингову близко, нажмем, молодцы.

Лязгали отбрасываемые сильными руками дверцы топок, знойным дыханием полыхали солнечные языки, опаляя лица, и чудовищные жерла проглатывали новую, в 10—15 лопат, порцию черной пищи.

Стройные молодцы красиво, легко и ловко вертели лопаты. Поворот к куче угля, сгиб тела, и лопата, врезаясь, наполняется горкой. Идет обратно в полукруг, подбрасывается в воздухе, и огонь уже втягивает расплескавшийся уголь, разгрызая куски.

В открытые люки, прорезанные против каждого котла в железной стенке кочегарки, летят комья черного золота. Нагибаясь к люкам, кричат кочегары в бункер: «Подсыпь еще!», и снова летит уголь, пополняя запасы у котлов.

Прямо с вахты черные, с томными, подведенными угольной пылью глазами, грохоча деревянными подошвами «шанхаек», люди бегут в баню. А через некоторое время, уже в чистых рубашках, ребята, сидя в столовке, усталые, разминая медленными поворотами натруженные мускулы, вспоминают детали огненного аврала там внизу, у котлов: «Замучили перемены хода» не успеешь застопорить, как давай полный ход»...

— Да, «Челюскину» сейчас достается, но и нам хватает, — говорит Вася Гром.

В эти дни ребята, устав от напряженной работы, больше «загорали», [1] и только немногие истые мастера и энтузиасты «козлиного» искусства — Мартисов, Румянцев, Бармин, Бутаков — сидели за костями. С каким наслаждением подымал каждый из них отяжелевшую после труда руку, чтобы, стукнув горячо об стол, крикнуть: «Забой!»

И, скрывая напряжение, «забойщик», щуря в улыбке глаза, считал очки у противника.

Строители, медлительные и грузные, не переставали сосредоточенно таскать в носовой трюм бревна. Эта работа началась еще в Карском море.

После того как «Челюскин» вошел в лед, нос и борта его получили большое число вмятин.

Крепили носовые шпангоуты, стрингера громадными бревнами. Нос внутри был переплетен деревянными креплениями. И каждый раз, когда прогибался новый шпангоут, еще одно бревно волоклось в трюм и подкрепляло его. Дерево пружинило, и действие ударов становилось не таким резким. Пожалуй, это нововведение было технически целесообразным. Отто Юльевич, говоря с инженером-строителем Ремовым, высказал интересную мысль о

---

[1] Загорать — спать, отдыхать, — термин, принятый на «Челюскине».

смешанном креплении ледокольных судов, уточнив теоретически практическое челюскинское нововведение.

День за днем, вынося на своих плечах тяжелую напряженную работу, люди двигали упорно корабль вперед, идя вместе с ним к заранее намеченной цели.

Уже недалеко остров Колючин. Пароход идет, гонимый течением, стиснутый ледовыми объятиями. Воды нигде не видно. Она где-то далеко под нами. Вокруг, насколько хватает глаз, белесые льды.

Винт корабля не работает, он забит льдом.

Беспомощный корабль несет течением. О прохождении у Колючина ходили разные разговоры. Если нас понесет южнее между берегом и островом, то мы окажемся придавленными в Колючинской губе, где вероятность зимовки станет фактом, так как оттуда до лета не выбраться. Если мы пройдем севернее, это лучше — больше шансов на выход.

Колючин рядом, позади.

В распластанных крыльях ночи Колючин выплыл черным пятном.

Утром в умывальной услышал:

— Колючин рядом, позади.

Едва обтеревшись и одевшись, выбежал на корму. Остров лежал так близко, что хотелось добежать до него, поскакать по этой неприглядной, необитаемой земле.

Нас несло дальше недолго. За островом течения не было. И пароход, как был впаян в лед, так и остановился вместе с полями. Сутки уже мы стояли под Колючиным.

«Челюскин» недвижим. Осмотрели окрестности. Оказывается, в полутора километрах от нас, там, где остров не задерживает течения, идет сплошной ледоход. Странная, парадоксальная игра природы. Выбитые из течения, оттиснутые за остров в сторону Колючинской губы, мы стоим в мертвых ледяных полях, а буквально рядом с нами по воле неведомого течения бурно идет лед. Высокие стомухи, кряжистые ропаки, тяжеловесные громады многолетних полей идут рядами, как на параде, шлифуя наш стоячий мертвый берег.

Можно было с наших недвижимых, спаянных в поля льдин пе-

рейти на проходящий мимо лед, как переходят с платформы на отходящий поезд.

Ребята по этому поводу острили:

— Сесть бы вон на ропачок, так в Берингов пролив и вынесет.

Командование экспедиции думало над тем, как выбраться в это течение.

Никто зимовать не хотел.

И вот завертелось колесо авральной работы.

Аммонал,[1] пудовые, полуторапудовые банки. Мы их носим на жердях по двое. Подвешенная банка — на шесте, концы которого на плечах.

Иногда и просто тащишь ее. Банка режет плечо. Надо обладать силой и акробатической виртуозностью, чтобы по льду пронести банку одному на расстояние километра. Дорога, хотя и не та, что в Карском море, — здесь нет перескакиваний через воду, — но зато всюду нагромождение льда, валы ропаков, по которым надо бесконечно карабкаться. Малейший неверный шаг, и тебя сбивает с ног, ты валишься, придавленный грузной банкой аммонала. Спасибо еще химии — аммонал при падении от удара не взрывается, а иначе... И так бригада за бригадой, смена за сменой. Одна кончила работу, другая идет начинать.

Пешня своим железным зубом вгрызалась с каждым ударом глубже, и когда трещинка во льду образовывала небольшой колодец, банка с аммоналом, подвешенная на веревке, привязанной к положенной поперек полыньи палке, скрывалась под водой. Пара патронов внутри банки соединена бикфордовым шнуром, вылезающим из воды. В последний момент, когда все готово для взрыва, подрывник Вася Гордеев милицейским свистком давал сигнал к отходу и зажигал шнур.

Проделывал он это спокойно, словно закуривал папиросу. Мы поспешно отступали от лунки. Минута, другая — и вдруг... бабах... Глухой, могучий удар. Земля, виноват, — лед вздрагивает под ногами. Пышный букет ледяных осколков летит в воздух. Молниями сверкают трещины.

Но лед был настолько тяжел, что даже аммонал не давал нужных результатов. Течение не приблизилось к нам, чтобы унести расколотый лед мертвой полосы и подхватить нас дальше, на восток.

На третьи сутки Колючинского плена тактика борьбы за высвобождение была изменена. Отдается новое распоряжение: околоть

---

[1] Аммонал — сильное взрывчатое вещество.

лед у носа и у кормы. Надо освободить нос и корму судна ото льда и так его поставить, чтобы оно повернулось к течению.

Наступит шторм, ледовое поле вокруг растрескается, разворочается ветром, и тогда легче будет пробиться к руслу ледяной реки, да и освободившись ото льда под винтом, корабль получит возможность проталкиваться к течению сам.

Работа закипела. 60 человек вышли на лед. Две бригады — носовая и кормовая. Сперва начали окалывать ломами и пешнями. Полусогнувшись, долбили ледяной припай у железной стенки корабля.

Расколотые куски выгребали из воды сачками или таскали баграми. Бригады на санях подъезжали к грудам вытащенного льда и отвозили его подальше в сторону. Нелегкая это была работка... Но каждый новый метр водного пространства подымал энергию. Температура минус 25—30°, но всем нам чертовски жарко.

Выкалываем «Челюскин» из льда.

По утрам очищенные вчера места снова сковывались льдом. Опять разбиваем его. Дальше от борта лед был толще. Борьба с ним оказалась тяжелей. В ход опять пошел аммонал. Консервные банки стали снарядами для взрыва. Гул удара отдавался по борту, и корабль при каждом взрыве вздрагивал и звенел всем своим металлическим телом. Вокруг шла настоящая артиллерийская канонада. Бригады соревновались. Каждую перекурку носились группы людей с носа на корму и с кормы на нос.

«Мы отстаем, товарищи, посмотрите, что делается на носу, у них там уже много воды». И корма нажимала. Разворачивая свои плечи, Бабушкин учащал удары пешни. Убыстрял перелеты своего багра штурман Марков.

Расколотые взрывами многотонные глыбы руками не вынешь, багры сломаются, ломы изогнутся. Пустили в ход лебедку, блоки, канифас. [1]

Трехметровая глыба застропливается, стальной бичевой поды-

---

[1] Канифас — приспособление из системы блоков и тросов для передвижения волоком особо тяжеловесных грузов.

мается лебедкой на стреле и посредством канифаса оттягивается на поле в сторону.

На стропке работа рискованная. Перескочить на плавающую льдину, сдержать равновесие, чтобы она не качалась и вместе с тобой не перевернулась в воду, запустить в воду концы под нее, обжать, поймать спускающийся со стрелы на отдельном канате гак и зацепить за него концы стропа — работа не простая. Застропить, завязать льдину надо так умело, чтобы при подъеме она не вырвалась. Многие из стропщиков не раз купались в ледяной воде, но их особенно это не огорчало. После каждого такого нырка врач подносил, во избежание простуды, чарку чистого спирта.

Рвались стропа, льдина тяжело плюхалась обратно, вздымая фонтаны брызг. И снова, обуреваемые жаждой высвобождения, люди прыгали на нее, ожесточенно связывая неподатливый лед.

В холод и мятель, когда ветер рвет снежные космы ропаков и, жестоко шутя, забираясь под ватник, насыпает за ворот холодного снегу, мы не ослабевая работаем.

За пургой ничего не видать. Колючин где-то позади в стороне, где-то в стороне и спасительное ледовое течение.

Однажды в обед кто-то, пришедший сверху, крикнул:

— Ребята, чукчи пришли!

Никто этому не поверил.

— Пушка, — разъяснил сидевший за столом Костя Кожин.

Но через некоторое время пришедший с вахты матрос Ломоносов подтвердил эту новость. Выбегаем наверх, смотрим на лед. Собаки, нарты.

Один чукча уже взобрался на корму, собирает у камбуза кости — накормить собак. Еще двое коренастых, рослых взбираются на борт, и за ними черномазый мальчишка — чукчонок.

Меховые оленьи рубахи, перехваченные у пояса ремнем, висят мешками. Звериные шкуры плотно обтягивают стройные ноги.

На маленькой, почти детской ножке красуются разузоренные нерпичьи[1] торбоза.[2] Головы покрыты только шапкой смолистых черных волос. Сразу мобилизуем в качестве переводчика нашего врангельского метеоролога Комова, зимовавшего на Чукотке. Наши «иностранцы» своими зоркими глазами, оказывается, с береговых

[1] Нерпа — разновидность тюленя.
[2] Торбоза — обувь, в данном случае низкая, по щиколотку.

гор давно видели пароход и теперь пришли к нам в «гости». Как мы приняли этих нежданных гостей! Не успели они опомниться, как уже сидели за столом. Володя Лепихин, дневальный, таскал из камбуза и буфета всякую еду. Ели они все, за исключением супа, конечно, руками, а когда брали вилку, у них ничего не получалось. Со смехом они откладывали ее в сторону. Патефон заставлял их прислушиваться, а некоторые «кульминационные» места джазов вызывали у них хохот. Мы им завели пластинку «Кузница в лесу» Мендельсона. Здесь было кукование кукушки, мычанйе коровы, стук молота о наковальню. Наши ожидания, что они эти звуки поймут и что им эта хорошая вещь понравится, не оправдались. Чукчи не знают этих звуков и прослушали «Кузницу» совершенно безучастно.

Только Леонид Утесов, «действующий» на всех, произвел и на них бурное впечатление...

С приходом чукчей группа, которая должна была идти на берег, оживилась. Поэт Илья Сельвинский торопился везти в Москву на конкурс свою новую пьесу «Рождение класса». На корабле после читки она подверглась жесточайшей критике со стороны Комова и моей, но Илья так обрушился на нас, что мы смолкли.

Электрика Кольнера, синоптика [1] Простякова и других отзывали их учреждения, командировавшие их только на 3 месяца. Двое товарищей — уходили как больные. Так скомплектовался первый полярный десант под руководством полпреда «Комсомольской правды», старого комсомольца, арктического работника Муханова.

Отто Юльевич с прибывшими чукчами отправился по льду на берег мобилизовать дополнительные нарты. 8 человек готовились тем временем в поход. Отто Юльевич возвратился с обозом нарт. Работа на миг оборвалась, все прощались с уходящими. Тронулась передовая нарта. Залаяло, завизжало «тягло» — собаки. Заерзали по снегу лапы. Рванула арктическая кавалерия, а за ней потопали по ропачкам люди первого челюскинского десанта. Им предстояло пройти 30 километров по льду до берега, а оттуда до Уэллена, где стояли пароходы, идущие во Владивосток, еще 250 км нужно было идти на «своих»...

Скрылись в чаще ропаков и торосов мешковатые люди, и работа снова двинулась в скрежете ломов, стропов, лебедок.

Снова раздались крики: «стропи», «крепи», «давай», «пошел», «есть».

---

[1] Синоптик — метеоролог, составляющий специальные (синоптические) карты погоды.

И опять нажимали до боли плечом в веровочную упряжку саней. Мы выжимали доотказа мускулы, оттаскивая лед, а сзади толкач весело покрикивал: «поть, поть, кхрр, кхрр...» Обливаясь потом, изнемогая, мы смеялись до слез. А весельчак, научившись у приехавших чукчей (такими звуками они управляют упряжкой), продолжал свои причитания.

Так прошло десять томительных дней. Мы ждали шторма, приближения течения или еще чего-либо, там на земле несусветного, но здесь в коварной Арктике возможного.

И нам повезло. У носа корабля упрямые люди большевистской Сталинской закалки выдолбили озеро, у кормы оно тоже было выгрызано.

Каждый понял, что работа идет к концу. И вот однажды кочегар Юзик Малаховский, нагнувшись ко льду, стремительно вдруг выпрямившись, крикнул Боброву, работавшему рядом:

— Алексей Николаевич, лед трещит!

Бобров не поверил.

— Ты, давай, лучше работай, а не фантазируй.

Юзик снова нагибается и обиженно отвечает:

— Я серьезно говорю, а не выдумываю.

И когда взоры всех обратились в сторону дискутировавших, каждый был поражен невиданным зрелищем.

Под кормой образовалась трещина. На глазах у всех она быстро росла, расширяясь и удлиняясь.

— За кормой майна! — раздался радостный крик.

Он был перекрыт другим более сильным:

— Лед под ногами трещит!

И каждый, смотря под ноги, отходил от непрерывно бороздивших лед молний. Корабль, отпаявшись ото льда, вздрогнул и покачнулся впервые за долгое время.

Картина резко изменилась. Там, где были сплошные поля, лед оглушительно треща, расходился островками.

Люди на льду ежеминутно могли разъехаться в разные стороны. Течение подошло к нам, ломало и кромсало лед. Немедленно вахта с корабля на стреле спустила площадку. Захватывая инструменты, люди перескакивали на центральную льдину, куда шмякнулась опущенная, как кабинка лифта, площадка. Уложили инструмент, сани. Лифт полетел на борт и снова пришел на лед. И, снова забрав инструменты — самое главное, без чего невозможна борьба, люди гроздьями повисли на лифте.

Часть людей поднялась на нос по висячему трапу.

С корабля на носу люди протягивали руки, втаскивая остальных наверх.

Все на корабле. Огромная радость овладела всеми нами.

«Челюскин» получил возможность работать винтом, двигаться, итти вперед. Мы не даром работали.

У Мыса Джинретлен в таком же положении, в каком мы были в течение 14 дней, стоят суда. Мы проходим на виду у них, они видят наши мачты в трубу и, вероятно, завидуют. У них вторая зимовка.

Мы идем и идем своим ходом на Восток...

В БЕРИНГОВ

Был конец дня. Воронин, несмотря на спустившуюся над ледовым морем хмарь, выбирал места и проталкивал судно по курсу.

Шли хорошо по водным долинам, ложбинам, лужайкам, форсируя лед. Местами попадали в гущу льда, но нас все же течением продвигало вперед.

Плывя так, мы примерно дней через 13—15 достигли мыса Сердце-Камень. Он далеко выгибался концом своего «сердца» в море. Распознали прилепившиеся у горы яранги. Лед шел не сильный, выражаясь арктически, свободно-плавающий. Мы пробились и миновали выгиб мыса.

Начался дрейф.

Помню один прекрасный день. Светлая погода. Стоим на носу. Близехонько мыс Инцов, немного поодаль мыс Дежнев. Знатоки здешних мест уверяют, что темная полоса — далеко-далеко, где край видимости, — американский берег мыса Принца Уэльского.

Подсчитали: суток двое, и будем в Беринговом проливе. Потом нас ночью в кромешной мгле несло обратно.

Бабушкин должен был итти в разведку. Недалеко от судна на молодой полянке выбрали аэродром. Авралили, расчищали. Сбили ропачье. Отвозили куски за площадку.

В два дня был готов аэродром. Застропив самолет, гаком подцепили амфибию и нежненько спустили ее на лед.

Подтянули к аэродрому. Бабушкин одел свою непробиваемую иглами ветра робу и очки. Залез в кабинку. Мотор работал прекрасно. Челюскинцы, уцепившись за хвост самолета, сдерживали ненужные рывки машины.

Летчик дает полный газ. Повернулся, кричит: «спускайте!» Амфибия, как выпущенная из лука стрела, скользнула вперед. На середине аэродрома подскочила и, снова спустившись на лед, мигом достигла конца аэродрома. Вот она пошла на взлет... Секунда и... мы застыли в ужасе.

Левая лыжа, стукнувшись об ропак, рассыпается в куски. Ба-

бушкин сдал газ, и наша стрекоза шлепается в ропаках. Мы подбегаем. Летчик цел. Он сидит, сдерживая волнение. Часы на щитке управления отскочили далеко в сторону. Крылья и кузов пробиты, поломаны. На-время разведчика у нас не стало. Самолет молча частями переносим на пароход. Немедленно строители начинают прилаживать деревянные части, механики — металлические.

Шли хорошо по водным дорожкам, форсируя лед. На вахте комсомолец Миша Ткач.

Над всем этим витает никогда неунывающий борт-механик Валавин. Дней 5 ударной работы, и самолет снова цел. На стене у Красного уголка, как символ победы, появляется приказ Шмидта о награждении ударно работавших по ремонту.

Однажды утром у себя под кормой увидали мыс Сердце-Камень.

Он был ближе к нам, чем при первой нашей встрече. Мы ходили почти у самого берега. Лед малокомпактный. На корабль из селения перебрались по льду трое чукчей в гости. Они лазали везде и быстро со всеми знакомились. Рослый и красивый,

как индеец, Атукай — член сельсовета — брал каждого за руку и говорил: «русский чукча брат, америк плохо».

Были они, несмотря на холод, одеты легко, не стеснялись спать на открытой палубе, предпочитая ее дивану в кают-компании.

Между тем мы толкались уже несколько суток у мыса. Чукчи, повидимому не сомневались, что мы долго не оставим их селения, не торопясь погостили и как-то, когда пароход подошел вплотную к береговому припаю льда, ушли.

Получался какой-то заколдованный круг. Днем мы пройдем за Сердце-Камень, а к утру следующего дня просыпаемся и видим перед глазами тот же мыс.

Я пытался объяснить это круговращение существованием кругового течения; так как ночью мы двигаться не могли, нас по кругу откидывало назад.

Примерно на пятые сутки капитан вырвал корабль из «заколдованного круга» и мы попали в течение, идущее по берегу Чукотки в Берингов пролив, двигаясь со всей массой льда. В этом поле, сплошном и неизмеримом, мы плавали долго.

Сужу так по следующей причине. Когда корабль начал дрейфовать в этом месте, с левого борта стояла громадная стомуха, прозванная впоследствии грибом, так как она напоминала формой своей гигантский боровик.

Гриб во все дни последующего плавания не покидал нас.

Видимо с берега за нами увязались песцы. Выброшенные на лед у корабля отбросы соблазняли их.

Началась страдная полоса песцовой охоты. Убили молоденького у самого борта из винтовки. Другого убил буфетчик Капцин, хвативший пробегавшего у корабля песца по носу бутылкой. Заговорили о капканах. Началась организованная охота.

Снова проходим мыс Инцов, радуемся, окрыляемые надеждами.

Проходим м. Дежнев, «закругляемся» в Берингов пролив, дрейфуем вперед, радостные и счастливые. Выходим на борт посмотреть. Вот и Диомидовы острова: побольше — русский, поменьше — американский. Справа в горах лежит селение эскимосов Наукан, слева за полосой тумана невидимый берег Аляски. Горы Диомида, которые рядом, и берег Чукотки — ворота на чистую воду, на свободу, из нашего ледового плена. Нас перевернуло в дрейфе и несет льдом вперед кормой. Шутим: неприлично как-то итти задом.

Из Уэллена, как бы поздравляя нас с выходом в Берингов, вылетел У—2 на разведку и закружил над мачтами.

День 4 ноября склонялся к концу.

От американского берега веяло сыростью и теплом.

Свинцовые сумерки смешались со свинцом тумана.

С левого борта стояла громадная стомуха, прозванная грибом.

Самолет кружил не зря; с берега сообщили:

«Чистая вода на расстоянии всего 4—6 километров от вас».

Значит, завтра утром проснемся на воле. Лед раздастся на просторе и пропустит нас. Радость наполняла наши души в предвидении скорой победы.

Но, еще не успев улечься по койкам, узнаем печальную новость:

«Дрейфуем обратно».

Ночью при свете электричества штурман и матрос измеряли дрейф. Мы молча стояли, глядя на стрелку круга. Штурман отмечал: «Дрейф Норд-Ост 15 метров в минуту». Через полчаса — 30 метров в минуту. Дойдя до 60 метров в минуту, дрейф больше не увеличивался.

С небывалой скоростью и силой нас отбрасывало назад, на Север...

ГЛАВА ПЯТАЯ

ОБРАТНЫЙ ДРЕЙФ

НЕ В ГЕРАЛЬДОВОМ ЛИ ТЕЧЕНИИ?

Отто Юльевич не раз повторял: «Арктика коварна», и мы увидели ее подлинное лицо.

Подойти к цели и потом вернуться вспять — что может быть хуже? Утром 5 ноября и в последующие дни непреклонно тянуло «Челюскин» на северо-восток.

Арктика, словно издеваясь, встречала нас теплой погодой. Снег на льду подтаял и превратился в кашу. Кое-где образовались проталины, и, глядя на них, мы тайно надеялись: вот-вот поле, держащее нас ослабнет, расплывется при первом порядочном ветре.

Следуя дрейфу, пошли теперь на восток, приближаясь к заливу Коцебу, к американскому берегу мыса Хоп.

Шестнадцатую годовщину Октября мы отпраздновали здесь. Страшно занимал всех вопрос: будет ли — в Октябрьский день... демонстрация? Даже готовились к ней, но... стройными рядами по ропакам не пойдешь...

Поэтому демонстрацию отменили. После доклада Отто Юльевича по последним политсводками с берега, гуляли по льду. Вечером смотрели кино, поставленное Шафраном и Решетниковым... Мировой боевик «Челюскин во льдах» в 6 частях. От первой до последней части картина была одинакова: корабль, затертый льдами, только нумерация частей менялась. Это вызвало гомерический хохот.

Праздник прошел бурно и радостно.

В двух километрах от нас лед раскрыл свою пасть широким озером. Завывающие, словно автомобильные сирены, крики, несущиеся с озера, привлекли наше внимание. Это кричали моржи.

Группа ребят с винтовками двинулась на майну. Майна была полна моржей разных возрастов. Громадные уродливые чудовища резвились, барахтались, ныряли, кричали. Морды, клыкастые и безобразные, то и дело выскакивали из воды. Бить их не стали: мяса у нас хватало.

Идем у границ теплого Геральдова течения. Дрейф спадал, но не прекращался.

Потянулись полные сомнений и тревог мысли: не несет ли нас Геральдовым течением?

Если так, то впереди двухгодичная зимовка. Спасет только случай. Гоня все время на север, а потом на запад, течение отпустит корабль только у Шпицбергена или у Гренландии.

Некоторые из нас в предвидении долгих двухлетних скитаний опустили носы, повесили головы. «Научники» обрадовались-было этой перспективе, их видимо мало занимает берег, семья, они видят в этом рейсе свою цель — глубокую научную работу.

На корабле горячо и широко дебатировался вопрос: почему нас вынесло из Берингова пролива?.

Оказывается, прошедшие над Камчаткой сильные тайфуны образовали стремительное течение к северу. И несмотря на противный ветер, льды и «Челюскин» понесло на Норд.

Вызываем находившийся в бухте «Провидения» ледорез «Литке». Он должен был пробраться американским берегом, где много воды, подойти вплотную к кромке нашего поля, протаранить лед и дать нам возможность выхода. Если ему не под силу будет пробить дорогу в нашем поле, то значит надо готовиться к зимовке, и тогда часть людей нужно передать с корабля на «Литке».

Ледорез идет к нам. Каждый день он извещает нас о своем продвижении и местоположении.

Все идет пока благополучно. Готовится группа к отъезду: Баевский — начальник партии в 40 человек. Он продумывает каждую мелочь. При близком подходе ледореза на 5—10 км каждому разрешается взять много груза, при далеком — норма 10 кг. Предельное расстояние перехода до «Литке» 10—15 миль. Уходящих про ожают на 5 километров от «Челюскина» и встречают с «Литке» на таком же расстоянии.

И вот корабль, идущий на выручку, дает долгожданную телеграмму: «Достиг кромки вашего поля». Далее он сообщал свои координаты. Расстояние до нас сказалось в 25 — 30 миль, т. е. 60 километров сплошного льда. Это расстояние для людей неодолимо. «Литке» пытается пробиться, но не может, есть опасность застрять самому. Еще день ожидания. Последняя телеграмма с «Литке» сообщала, что оставаться здесь «затруднительно,

угля мало, котлы требуют ремонта, люди устали в предыдущем рейсе»...

И Отто Юльевич отпустил их. Никто конечно и не думал пройти 60 километров по льду с грузом и достигнуть «Литке», но уже начавшееся бесконечно-нудное мотанье дрейфа повлияло на настроение отдельных товарищей. «Почему не вызвали на выручку «Литке», когда шли у Диомидов? Загордились, мол-де сами выйдем!..»

И вот на собрании протискивают в президиум записочку с этим вопросом.

Отто Юльевич спокойно и подробно рассказывает всю историю с вызовом «Литке» в Берингов.

Ледорез в то время налаживал котлы, да и те толщи льда, в которых мы шли, он не мог бы взять. После собрания настроение изменилось. Люди стали ждать зимовку, от нее все равно не отвертеться.

«Челюскин» попрежнему продолжал вместе со льдом описывать самые невероятные зигзаги.

На исходе ноября восточными штормами нас понесло круто на Запад.

ПЕРВОЕ СЖАТИЕ

Зимовка...

Мертвое, застывшее Чукотское море. Несметные полчища разнообразных ледяных уродов — беззвучных, немых ропаков. Белые вулканы, кряжи, сопки, отроги, долины. Все затянуто белым бархатом снега.

Мир бел. Только черные тени стомух разнообразят его нестерпимую белизну. Других цветов нет в этой природе. Белый и черный. Белый снег, белый туман. Белая пурга, белые звери. Черный корабль, черные люди, черная полярная ночь...

В каюте тепло. Настольная лампа дает такое же упоение книгой, как и дома, за далекой, отодвинутой тысячами километров Нарвской заставой. Что пурга? За окном ревет неистовый шторм. Подымешь штору, всмотришься на минуту в белесую муть, скажешь: «Крепко. Ай да штормяга!» — и опять уткнешься в книгу.

День очень короток. Много ли кинет солнце света в течение двух часов? И опять темь. Обволакивающая, сжимающая, гнетущая темь.

Стармех подсчитал уголь. Капитан определил количество неприкосновенного запаса, необходимого топлива для выхода в следующее навигационное лето. Угля мало. Надо экономить. Погасили котлы. Работает только один. Комсомольская кочегария жмется на вахте. Уголь пропускают в топку через весы. Пародинамо не

работает. Свет дает только аварийная динамо, да и то на 2—3 часа в день. Остальное время проходит за керосиновой лампой.

В потемках люди скользят тенями. Корабль живет какой-то странной сказочной жизнью, в полутемном царстве, как сказочный мир Садко...

Твиндек[1], где живут врангельцы и строители, уже не получает пара.

Мартисов — машинист, но он специалист по многим родственным металлу делам. Его лозунг: форсунки. Он мечется над тисками в механической мастерской, что-то рубит, строгает, обтачивает. Вот установлена первая «форсунка системы Мартисова», подающая в обыкновенную комнатную печь в каюте капитана нефть. Работает форсунка на «отлично». Вот уже и в твиндеке гудят две печи, оборудованные форсунками Мартисова, Бармина. Экономим уголь, но без тепла не остаемся.

Бобров не успокаивается ни на секунду. Он часто болеет, но все вскакивает с постели, носится по кораблю, организует учебу. Проектирует создание на зиму большого учебного комбината.

Женщины, получив мануфактуру перед праздником Октябрьской годовщины, обрели кроме своей работы дополнительное задание: сшить платья. Швейная машина нарасхват. Фасоны, примерки, пулеметный треск машины.

Алка, никак не хотевшая ходить в Мурманске по земле, научилась человеческому способу передвижения на двух ногах еще у мыса Челюскина. И теперь, несмотря на потемки, она носится по коридорам.

Каждый для нее был и «папа» и «мама». Каринка (дочка Васильевых), как и Алка, весело улыбается. Обе чувствуют себя хорошо.

Свободные от вахты ребята сидят в коридоре на излюбленном месте — на деревянном, вытянутом во весь корабль футляре парового отопления... Гуторят, рассказывают и, как всегда, «травят» легонько.

Шафран и Решетников, запершись в каюте, готовят новую кино-концертную постановку.

Строители в Красном уголке заканчивают урок. Они перепачканы мелом.

Дует 7-балльный норд. Ветер вырос до 8, а потом до 9 баллов.

Внизу, на листке, прикрепленном к стенке, метеорологи Комовы каждые 4 часа отмечали для общего сведения направление ветра, дрейфа и их силу.

---

[1] Твиндек — общее помещение для пассажиров в средней части судна.

Нас несет к берегу Чукотки. Я мучился, силясь представить себе, что будет с нами при продолжении шторма и дрейфа. Массы льда в темноте ночи движутся к скалам Чукотки. Наступит момент, когда оставшиеся немногие разводья сожмутся. Молодые поля колотого льда сбегутся в торосы, а дальше сила ветра и движения будет ломать и наваливать друг на друга и многолетние глыбы льда. Лед сожмется, уплотнится доотказа. Давление масс с севера будет продолжаться. Значит, может наступить такой момент, когда борта «Челюскина» начнут колебаться под тяжестью наступающих льдов...

В буфете, наливая чай, я встретился с Комовым. Спрашиваю его:

— Николай Николаевич, что будет, если дрейф прекратится?

Комов помолчал.

— Сжатие, — ответил он, спустя минуту.

Шторм мало трогал людей. Обычный трудовой зимовочный день шел своим чередом, оканчиваясь отзвуками шагов расходящихся по каютам людей.

...И вдруг эта спокойная, угомонившаяся, утрясенная жизнь внезапно оборвалась, расколотая сильным ударом могучих льдов о корабль. Застонали борта «Челюскина»...

Ночью началось первое сжатие. Забегали, на ходу одеваясь, люди. Выскакивая наверх, они сверлили глазами темь, готовые к борьбе, к отпору. Отто Юльевич, как всегда спокойный, перегнулся за борт. Мигом включенная аварийка дала свет.

От сплошного мрака электролампы оторвали тщедушную полоску пространства. Лед гудел, двигаясь всей своей массой, давя бока «Челюскина». Шмидт невозмутимо сказал:

— Поджимает.

И через несколько минут темные фигуры на льду пробивали лунки для взрывов.

— На случай более сильного сжатия, — разъяснил начальник.

Спустя полчаса корабль спал. Норд сдавал. Хладнокровие начальника — гарантия спокойствия людей.

Это было 26 ноября 1933 года между траверзами островов Врангеля и Колючина.

Первая атака льдов не прошла даром. Это был сигнал к оформлению мер обороны. Механик Колесниченко проверил звонковую сигнализацию тревоги. Окончательным звонком, говорящим об аврале и выходе, был объявлен третий. Весь состав корабля был расчленен на авральные бригады. Вступая в полосу сжатий, челюскинцы готовились к боям.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ГИБЕЛЬ «ЧЕЛЮСКИНА»

Корабль впаян в лед. Где конец, где край ледяного движущегося материка? Неизмеримы пространства этой непостоянной новой части света. Громоздкая деревянная лестница спускается с кормы на лед. Внешние сношения осуществляются посредством нее. По ней ходим на заготовку льда для пресной воды.

Ярко-зеленый лед — недавнего происхождения. Он соленый, для питья не годится. Слишком мутно-белый лед — значит еще не вымерзла соль. Откалываем куски, пробуем на язык. Миг... и шершавая кожа языка примерзла к льдинке. Отрываешь... кровь. Потом научились. Осколок надо нагреть в руке, потом совать в рот.

Как струны дрожат и звенят ломы от удара. Растут груды наколотой твердой воды. Ездовые еле успевают отвозить на тобагенах[1] наколотые куски, а мы поторапливаемся, идем от ропака к ропаку. Когда у борта вырастает гора белого антрацита, все переключаются на подачу. Ручная лебедка крутится четырьмя молодцами, и медленно плывет в воздух сетка, груженая льдом. Поднявшись на уровень верхней палубы, она замирает. Люди на верхнем специальном помосте подтягивают на-весу груз к себе. Отпущенный с лебедки, он шарахается на площадку прямо к специально устроенной плавильной печи. И так сетка за сеткой, подъем за подъемом. Будет вода — будет баня, будет пища.

Нас продолжает гонять с Севера на Юг и обратно. Иногда немножко на Запад, чуть-чуть на Восток. Сжатия не пугают больше. Они стали очень часты. Люди спокойно наблюдают свирепую пляску льда. Иногда свои концерты в кают-компании

---

[1] Тобаген — род саней, принятый в Канаде и на Аляске. Их форма — корыто с загнутым к верху носом. Тобагены проектировались и производились на «Челюскине» под руководством Ремова.

заглушают канонаду льда. Большевистская организованность пронизала мельчайшие детали корабельной жизни. «Челюскин» и челюскинцы держались крепко, с честью неся советскую вахту в Советской Арктике.

Шла зимовочная жизнь. Работали кружки языков. Комсомольцам читал обществоведение Баевский. Он хороший педагог. За

«Челюскин» впаян в лед.

это время комсомол корабля вырос. Повар Юра Морозов и штурман Виноградов были приняты в коллектив.

Строители удовлетворительно сдавали зачеты. Практически оформился учебный комбинат — проект Боброва. В нем: курсы штурманов, школа кочегаров и машинистов.

В свободное время занимались охотой на песца. Это стало своего рода «эпидемическим» заболеванием, после того как были убиты первые песцы. Даже апатичные к охоте, увидав, что кто-либо радостно мчится по коридору, таща за ноги белый ком, подымались со словами: «Пойду-ка и я капкан поставлю». Но песцы были хитры и редко попадались на удочку.

В процессе хождения по льду я, как и все, еще больше полюбил Арктику. Лучшим наслаждением для меня было уйти далеко вглубь. Идти медленно и разглядывать уродства стомух, причуды всей хаотической ледовой архитектуры.

Хаос ледовой архитектуры расстилался вокруг.

Громадная ледяная гора, посредине зияющая черная дыра, пещера. Свободно можно пролезть внутрь. Я, как Робинзон, даю достопримечательным местам имена, и гора с пещерой получает имя «Медвежье логово». По пути к югу полукруглым виадуком вывернулась и согнулась двухметровой толщины льдина. Образовавшийся под ее крышей пруд замерз. Там вполне можно спать, но какой архитектор ответит перед нарсудом, если стеклянная крыша рухнет? Имя ей «Хрустальная галлерея». А уже там впереди вынесся наверх ряд глыб семиметровой толщины. На солнце они сверкают и блещут. Это «Ледовый дом правительства».

А вот на юге пирамидальный «вулкан», по которому частенько приходитя ориентироваться. Это арктический «Фузияма». А неуклюжий ропачище с громадным рогом в конце головы именуется «Носорогом».

Начинается ветер. Он рвет снег, кружит вокруг. Я ретируюсь на корабль. Подходишь к нему с любовью, как к родному дому.

Груз, накрыв брезентом, оставили на льду.

Как-то грянуло сильнейшее сжатие. Было это днем. Корабль дрожал под напором многих миллионов тонн льда. Объявлен аврал люди закружились в пурге, вытаскивая необходимый груз на лед. Оттаскивали, устанавливали, закрепляли и, уложив, накрыли брезентом, оставив на льду.

Аварии на этот раз не произошло.

Миновали три тревожных дня.

Лед живет своей жизнью. У места склада внезапно появились трещины. Это грозило гибелью продуктов.

Снова бешеный аврал, под неумолимый треск льда продукты подтаскиваются к кораблю и подаются на борт. Ни мороз, ни леденящий ветер не останавливают борющихся со стихией людей.

Запас опять на корме.

Время идет. 1933 год ушел давно. Встал во весь рост январь 1934 года.

День увеличивается. Телеграмма за телеграммой летит по эфиру на берег к летчику Ляпидевскому, работающему на Чукотке. «Судно встало на зимовке, возьмите на берег женщин, детей и больных». Ляпидевский досадует. Заморожены моторы, разогреть, наладить их — трудное дело в открытом поле при 40° мороза.

Каждый раз, когда назначается полет, как на-зло неполадки с машиной. То левый, то правый моторы не заводятся; то, при полной готовности машины, начинается пурга...

Несколько раз женщины на корабле облачались в меховую робу, собираясь идти на аэродром. Несколько раз прощались с ними мужья. Но телеграмма с берега: «полет невозможен», водворяла их на старые места.

Два аэродрома все время были в полной боевой готовности. Сколько сил и труда вложили в них негнущиеся большевики! Но Ляпидевский не смог прилететь к кораблю.

Когда дрейфовало на север, лед чуть-чуть расходился. Появлялись майны. Нерпа выпрастывалась наверх порезвиться. Ребята охотились. Володя Задоров убил две нерпы. Получилось неплохое второе.

Проходят два дня, и майны зарастают льдом, и опять наступает безводный океан льда и снега.

В один из февральских дней после очередного сильного сжатия мы работали по заготовке льда для воды.

В перекурку ушли посмотреть ледяной хребет, который невдалеко извергся изнутри моря только вчера.

Мы взобрались на кряж. Наверху — капитан Воронин. Он осматривает картину дикого хаоса нагроможденных глыб, провалов, пропастей.

Красинцы, которые были с нами на «Челюскине», посмотрели и сказали: «В этом месте и «Красин» бы сдал...».

Наступил исторический и для «Челюскина» последний день, 13 февраля.

С утра ветер с 5 перескочил на 7 баллов.

После завтрака в каюте мы с кочегаром комсомольцем Кожи-

ным жестоко резались в шахматы. Алка с матерью тут же на койке спали. В 12 часов раздался первый удар. Он был настолько силен, что корабль весь вздрогнул. Но нам не до этого, — Костя проиграл одну партию и брал реванш. На половине второй партии грозно грянул второй удар, корабль вздрогнул, заскрежетал.

Гул пошел по всему судну. Таких ударов мы еще не слыхали. Партия сорвалась. Шахматы повалились.

— Давай посмотрим, что делается на свете, — кивнули мы друг другу.

По палубе спокойно прохаживались Кренкель и Матусевич.

Лед напирал, скрежеща по бортам. Я вернулся в каюту. Надо быть готовым ко всему.

Ледяной вал слева в тумане белесой пурги, живой и торосящийся, неотвратимо двигался на корабль.

— Лида, вставай, одевай Алку. Идет сжатие, возможна тревога.

— Отстань, пожалуйста, дай заснуть. Подумаешь, сжатие! Сжатия каждый день бывают.

И опять уткнулась в подушку.

Пришла Буркова:

— Сжатие, сжатие, я возьму чемодан в руки, да и пойду к берегу, как дачница с поезда!

Лида не выдержала, рассмеялась. Я учел момент.

— Одень Алочку. Пойду с ней гулять.

Лида встала, одела, укутала ребенка. Алка, сидя в мешке, нетерпеливо торопила:

— Папа, тпру, туа, тпру-ту-а.

Открываю дверь каюты. Смотрю — все торопливо одеваются, уходят наружу. Лида тоже увидала это. Она все поняла. Быстро накинула свитер, полушубок, валенки. Я побежал с Алкой на корму. Пулеметный треск шел с левого борта. Трещал корабль. Проходя по коридору, в разверстые пасти дверей увидел в каютах зияющие проломы стены и лед, напиравший внутрь. Что это — конец корабля? Холод пробежал по телу. Лед сдвинул, сломал деревянные диваны, на одном из них, полууцелевшем, валялись чьи-то желтые ботинки, носки с резинками; роба, провалившись наружу лямками, держалась за сиденье. Что это — гибель судна? Гибель нашего большевистского оазиса в глубинах ледяной пустыни? Что это?

Сильней прижал Алку к груди.

Понял — гибель «Челюскина» неизбежна.

Протолкнувшись в узкую дверь, выскочил на корму. Там уже на узлах, закутавшись теплым платком, сидела Зина Рыцк. Лида

догнала меня. Вышедший на корму Отто Юльевич, увидев нас, как всегда спокойно улыбнувшись, сказал:

— Алочка погулять вышла.

Я осмотрелся кругом. Пурга чернела. Туман и снег наверху, на льду, вокруг. С правого борта уже суетятся скопом ребята. Там целее лед, туда спускают мостки.

Соваться туда в гущу работы не стоит. Надо спускаться с левого борта. Смотрю за борт. Лед, живой, танцующий, идет, шевелится, ползет кверху. Лестница на спущенном краю сломана и поставлена вкось.

Лида увидела мое стремление сойти на лед. Она испуганно кричит:

— Ты с ума сошел, куда ты идешь с ребенком? Там трещит, ломается лед, надо оставаться на корабле!

Я подошел к ней вплотную, посмотрел на нее и крикнул, пересиливая треск льда:

— Разве ты не видела, что весь левый борт проломлен? На корабле оставаться немыслимо.

Она отодвинулась, повернулась, побежала обратно в каюту. Я направился к борту.

Одной рукой прижимаю ребенка, другой цепляюсь за лестницу, ступаю осторожно по перекошенным перекладинам. Смотрю вниз, где ревет, грохочет и пляшет ледяное месиво глыб. За мной спускается полубольной повар. Он говорит:

— Не оставляй меня, пойдем вместе.

— Ладно, Коля, давай, спускайся.

Вот уже близко сломанный конец, надо с него прыгнуть как можно дальше, стараться попасть не на движущиеся ропаки, а на целую плоскую льдину. Надо собрать все силы. Задерживаюсь на секунду, сжимаюсь и кидаюсь в пространство. Есть! На льдине. Николай перепрыгивал по скачущим ропакам.

Алка не плачет. Притаившись, молчит.

Борт смотрит безжизненно глазами сплошных проломов, обнаженными переборками и погнутыми иллюминаторами. Смотрю на срезанные головки заклепок, болтов. Вот отчего был пулеметный треск.

Льдина под нами затрещала. Мы пошли в конец кормы. Надо перейти на ту сторону, где выгружают продукты, там есть палатка физика Факидова. В ней можно устроить Алку. Ринулся вперед, попал в тонкую, вязкую шугу. Нет, нужно сначала найти дорогу...

Вот стоят сани, те, в которых столько раз катал дочурку. Уложил ее в них. Молчит. Хорошая Алка! Смотрит большими

глазами. Коля у санок. Продвигаюсь сквозь ветер и снег. Хребет. Карабкаюсь. Дальше целая льдина, на которой чернеет палатка. Есть дорога. Возвращаюсь, хватаю свой ценный груз, вместе с Колей пробиваемся через хребет. В палатке голый ледяной пол, но и то хорошо. Здесь тихо, нет ветра. Коля садится на лед и берет ребенка на колени. Ну, все в порядке.

... Там есть палатка Факидова.

Бегу на аврал. У борта уже лежат спущенные по доскам ящики и мешки. Их стаскивают в сторону, чтобы при погружении корабль не увлек их за собой.

Включаюсь в бешеный круговорот. С огромной непробуждавшейся доселе силой люди вскидывают пятипудовики на плечи. Такой громадной силы, как в этот аврал, я никогда не ощущал в себе.

Доотказа нагружаем нары. Впрягаемся, тащим. Сбрасываем, снова идем к борту. Тяжелые ящики кирпичного чая, бочки с маслом. На полдороге на застругах нарты не выдерживают, трещат, проламываются — и ящики, и бочки падают на снег.

Дотаскиваем их на плечах. Бешеный темп дает себя знать, все чаще заплетаются в снегу ноги. Падаешь, бессильно шевеля руками. Зубами хочется рвать, тащить ящики. И через силу, без передышки тащишь. А пурга воет, закрывает снегом пространство. Нам не до пурги...

Разбился ящик с консервами. Катыши банок рассыпались в мешанине снега. Я хватаю их пачками и отбрасываю от борта. Одна банка нечаянно попадает Саше Канцину в лоб. Окровавленный, он зовет доктора. К нему на помощь пришел вездесущий Могилевич. Прибежал доктор. Сашу перевязывают. Работаю в общем буйном темпе и на мгновение мелькает мысль: «Извиниться бы надо»...

Но какие тут извинения!..

Корабль здорово осел, края бортов и носовой части сравнялись с уровнем льда. Взбираться вверх по трапу теперь не надо. Можно прямо перешагнуть со льда на пароход. Борис Могилевич пулей устремляется туда.

Вахтенный штурман Марков в распахнутом овчинном тулупе на верхней палубе. Мелькает мысль: «Последний вахтенный...»

Марков, размахивая руками, кричит: «Все на самолет!» Продукты сняты все. Мы кинулись к носовым трюмам. На бревнах «врангелевского» дома стояла бабушкинская амфибия. Здесь заправлял Валавин: «Взяли, раз, два, пошел». Осторожно спустили самолет на лед. Тащили, не глядя, что под ногами. Спотыкаясь на торосах, попадаем в трещины. Момент — и уже не держишь самолет, а, погружаясь куда-то вниз, цепляешься за него...

Благополучно доставляем самолет на целое большое поле.

Вернулись к борту. Дрова, бревна, сложенные на носовой палубе, поднялись. Там уже вода. Идти нельзя, ясно — дрова сами всплывут.

Смотрю по сторонам. На удобном ропачке пристроился Аркадий Шафран со своим киноаппаратом. Он вертит ручку, не теряя завидного хладнокровия в обстановке корабельной агонии.

Кренкель и Иванюк выносят аппаратуру, батареи. Кинулся им помогать. Втроем оттаскиваем от борта.

Слышу крик капитана: «Все долой с корабля!..» Корма высоко-высоко вскинулась. Нос ушел почти под лед. Сходит Отто Юльевич. Он спокоен. Он все продумал. Вряд-ли что-либо особо необходимое не спасено. Аврал шел под его зорким глазом.

Воронин скинул мне какой-то узелок и сапоги. С кормы прыгают кочегары Паршинский, Бутаков. На фальшборте задравшейся кверху кормы стоят две фигуры: капитан в огромном тулупе и стройный Могилевич в ватном полупальто, финской шапке с

трубкой во рту. Видно, как капитан, повернувшись к Могилевичу, машет ему: «прыгай»... Но что случилось с Борисом? Или он поскользнулся на фальшборте в новых сапогах, одетых после того, как промокли валенки на работе в затопленном трюме, или же он хотел пройти за деревянную пристройку и оттуда уже спрыгнуть? Не знаю, мы только увидели, что он очутился внутри кормы...

В этот миг нос еще больше ушел под лед, а корма рывком вздернулась еще выше кверху. Бочки, бревна, не выдержав крена,

Это было последним вздохом корабля...

лавиной ринулись вниз по дыбом поставленному кораблю. Борис в мгновение ока исчез под ними.

— Борис, Борис! — кричали мы со льда, но Бориса уже не было с нами...

Руль и винт темными громадами взметнулись на белой простыне пурги. Нас обдало гарью и сажей, выброшенными воздухом парохода. Это было последним вздохом «Челюскина».

Корабль стремительно пошел ко дну. Воронин, взмахнув как огромная летучая мышь полами тулупа, сорвался вниз на лед. Бревно настигало его... Сердце сжалось в комок... Вторая жертва... Но Воронин ловко подогнул голову, бревно ухнуло на лед, проскочив мимо.

Как медведь вылез из сугроба, отряхиваясь, Воронин.

Хаос звуков на секунду оглушил просторы Арктики, перекликаясь с воем пурги. Звон бьющегося, рассыпающегося стекла из окон срезанного льдом мостика, стон и скрежет ломающихся мачт, столб пара и дыма на мгновение заполнили воздух... И сразу, как бы сделав свое варварское дело, стихия умолкла. Прекратилось сжатие, умолк ветер. Тихо падал снег. Люди замерли. Четырехчасовой короткий полярный день был на исходе.

Ночь надвигалась решительно.

Отто Юльевич прервал молчание.

— Произвести проверку людей!

Бобров засуетился. Считали по командам.

— Все налицо, одного Могилевича нет, — доложил Бобров.

Итак, из жизни выбыло два энергичных, сильных организма. Один — человек, член Страны советов, другой — корабль, сделанный руками рабочих, принявший подданство Страны советов, работавший на социализм «Челюскин». Оба погибли на трудовом посту в расцвете своих сил, в разгаре порученной партией работы...

Корабль ушел ко дну. Мы — в ледяной пустыне на льду...

— Нормально, — нарушил молчание комсомолец штурман Виноградов. Это его любимое слово, привитое им на «Челюскине».

Он его часто произносил на корабле по всем случаям жизни. И он твердо произнес его, высадившись на лед. Это многих рассмешило.

— В порядке, — сказал матрос комсомолец Геша Баранов. Это тоже его любимое слово. Он принялся разбивать палатку. Установлена антена.

Ночь надвигалась решительно. Люди спешно принялись за работу. Вбивали в лед колышки, растягивали палатки. Канцин ворочался с мешками меховой одежды и, заправив «летучую мышь», при мерцании лампы принялся за раздачу спальных мешков и малиц. [1] В этот день ничего не ели. Так и легли спать.

Собачьи мешки и оленьи малицы давали относительное тепло. Спали уже не на голом льду. Выгруженную с корабля фанеру, войлок использовали для пола.

В нашей палатке была и Карина. Всего скопилось в ней восем человек.

Палатка маленькая, брезентовый потолок ее свешивался низко, двигаться в ней было трудно.

Перед сном Алка запищала: «Ау, ау». Значит, надо кормить. Васильева кормит свою полугодовалую дочь грудью. А что дать Алке, я задумываюсь. Лида копошится в рюкзаке. Вытаскивает стгуда кусок шоколада. Он замерз, превратился в кость. Беру нож-тесак, разбиваю ледяшку шоколада на маленькие кусочки. Отогреваю в руке, потом даю матери. Лида растапливает шоколад во рту и рот ко рту передает Алке. Мутно светит «Летучая мышь». Алка лежит в мокром... Как сушить ее штаны? Завтра же надо будет налаживать печку.

А пока спать, спать! Неимоверная усталость клонит голову.

Лида, накормив дочку, запихалась вместе с ней в мешок. Все ворочаются, укладываясь спать. Залезаю в мешок и я, прикурнув ближе к мешку жены. Так Алке будет теплее. Перед сном думалось: «... «Челюскина» нет. Скорее будем на берегу, этим самым кончится наш нескончаемый дрейф. Вероятно завтра же начнем все двигаться к берегу хоть по 3—5 километра в день. Путь тяжелый и трудный».

Слабо мерцала «Летучая мышь».

Уснул.

---

[1] Малица — верхняя меховая одежда, форма мешка с пришитым головным капюшоном и пришитыми наполовину к рукавам съемными рукавицами.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

«ШМИДТГРАД»

ЖИЗНЬ НА ЛЬДУ НАСТРАИВАЕТСЯ

На другое утро ребята рассказывали, как спалось.

В палатке тесно, ноги клали на ноги, и вот куча ног, — ну,

И вот заработала рация «Шмидтграда». Радисты Кренкель и Иванюк.

твои внизу затекут, ты их вытаскиваешь, кладешь наверх, потом следующий тоже лезет с ногами наверх и так далее; смотришь — твои ноги опять внизу.

Аврал начался с утра. Бобров проходил по палаткам, вызывал на работу: «Таскать лес из майны».

Там, где погиб пароход, во льду черная зияющая рана. Месиво грязных обугленных глыб льда, бревен, досок, поломанных и целых шлюпок, трюмных лючин, бочек керосина, бензина, лестниц, деревянных осколков мостика корабля и даже всплывших промоченных и насквозь обледенелых ящиков с папиросами «Блюминг». Все это было помято, изуродовано льдом. Торчали только края, бока.

Многие пришли на работу в тяжелых малицах, но тут же их сняли. В горячке аврала тепло было и без малиц.

Володя Задоров, секретарь партийной ячейки, подрывник Гордеев стояли посередине трещины на островках льда, на бревнах, вырывая из шуги баграми бревна, ящики, бочки. Бригада по таске подходила с канатом, нацепляла петлю на край бревна, раскачивала его и под «дубинушку», вытащив из цепких лап льда, оттаскивала на то место, где должен был воздвигнуться барак.

Тяжелые бревна требовали лома, но из инструментов на льду оказались только один лом, пешня и пять лопат. Перебивались, одалживая в трудных случаях лом в другой бригаде.

Работа двигалась. Недалеко от «пепелища», как мы называли место гибели корабля, уже лежал штабель бревен.

Доски, которые были связаны проволокой в кипы, лежали тут же.

Кто из нас в пылу работы не попадал ногами в ямы? Валенки покрываются сразу слоем мокрого снега и начинают обледеневать.

Но вот объявлен перерыв на обед.

В «кооперативе» у Канцина получили галеты. С ними идем к поварам. Они расположились у палатки радиста.

На жердях, поставленных шатром, висит котел, под ним на ветру разливается пламенем костер.

Кипящий суп наливают нам в опустошенные консервные банки, но он быстро стынет на 40° морозе. Допиваешь его чуть-чуть теплым тут же, стоя на ветру. Лиде и Алке принес суп в сохранившейся большой кружке.

Аппетит у всех прекрасный.

В этот же день был митинг. Мухами кружились снежинки. Группа закутанных в полушубки и малицы людей тесно сгрудилась, неизмеримо маленькая среди неизмеримой, огромной снежно-ледовой пустыни.

Это был самый большой зал-аудитория, существовавший когда-

либо в мире. Отто Юльевич сообщил, какие телеграммы он послал на берег: «Челюскин погиб, люди высадились на лед, выгрузили двухмесячный запас продовольствия, при аварии погиб завхоз Могилевич». Информировал о телеграммах с берега: создана комиссия по спасению на Чукотке под председательством Петрова, начальника станции Мыс Северный и Правительственная комиссия в Москве во главе с Куйбышевым.

Это придало не мало энергии.

Пущена первая «фабрика-кухня».

Но вместе с тем, недоуменно размышляя, я шел в палатку Почему же ни слова о продвижении к берегу?

Разве нельзя относить ежедневно палатки и ограниченный запас из склада хотя бы на 5 км к югу? Этим самым мы бы приближались к берегу.

Правда, итти трудно, неимоверно трудно. Особенно с грузом продовольствия, с одеждой, с детьми. Кстати, я ведь тренировался еще на корабле носить Алку за спиной в рюкзаке. Но все же сидеть угнетающе-тяжело, а приближение к берегу подымало бы настроение.

В палатку заглянул к нам Бобров. Он спросил о здоровье детишек и сказал: «На работу будете ходить с Васильевым по сменам, чтобы из отцов кто-нибудь всегда был в палатке».

Внутренне кипит большая благодарность, но излить ее я не умею, говорю просто: «Хорошо, есть». С этого момента авралим частично и у себя по хозяйству. Налаживаем отопление в крыше палатки, ножом прорезываем отверстия для трубы, ставим посередине обыкновенную буржуйку и — отопление: готово. Но личный аврал требует и дровозаготовок, и выправления палатки и пр. Распоряжение Боброва здорово помогло.

Вечером, когда кипучая жизнь новоявленного города спадала, у палатки кололи дрова. Посредине лагеря я услышал стрельбу и шум.

Побежал к месту происшествия. Оказывается, выстрелами дают знать местонахождение лагеря Гуревичу и Валавину, днем ушедшим на проверку состояния аэродрома и до сих пор не возвратившимся.

Кто-то темный, лица не видать в темноте, руками высказывает предположение, что они вероятно провалились в майну.

Другой, обрушиваясь на него, кричит, что они заблудились и им надо дать сигналы светом.

Приготовленный факел-шест, конец которого обмотан старыми ватными брюками, вымоченными в нефти, поднятый «на-попа», ярко вывел лунку на площади лагеря. Мы со строителем Лешкой Югановым, словно сговорились, схватили второй длинный шест, обмотали обрывками ватного тряпья и облили нефтью. Треща запылал наш факел, и мы двинулись с ним в темноту.

— На самое высокое место, — поняв наш замысел, крикнули нам вслед ребята.

Факел освещал нам путь. Мы шли установить огненный сигнал на верхушку того вала, который раздавил корабль. Фосфоресцирующий свет, мерцая бликами, падал на снег, поливая его бледно-желтой мастикой.

Осторожно ощупывая ногой каждую пядь торошенных обломков и обманчивого снега, мы добрались до горы.

На дороге догнал Бабушкин и, выбирая дорогу, помогал итти.

Оступаясь и падая и снова подымаясь, взобрались на верхушку. Укрепили огненный шест.

Двинулись обратно в «город». Спустились с горы благополучно. Переступили границу факельного света.

Цепко схватила непроницаемая темь.

Бабушкин уклонился в сторону. Мы пошли старым путем, двигаясь у трещины места аварии.

Я иду впереди. Ропак... Ступил на него. Внизу ложбинка... Снег. Соскакиваю на мягкий белый ковер. Ноги, проломив что-то твердое, идут в пустоту, как ножом перехватываются

выше колен ледяной водой. Под спиной твердая ледяная кромка. Откидываюсь назад. Но стекло льда крошится, и я углубляюсь.

Чувствую, как Лешка схватил меня за шапку. Она осталась у него в руках, так как не была завязана.

Придется наверно плавать.

Переворачиваюсь на грудь. Щекой ударяюсь о какой-то твердый выступ, инстинктивно хватаюсь за него. Выкарабкиваюсь. С меня не течет. Все моментально обмерзает.

Лешка смеется — и я смеюсь. Угораздило!

Внезапно вспоминаю: была перед этим в зубах папироса. Ее нет.

Чертыхаюсь, — папироса пропала...

Лешка смеется. В палатку лез, и при сгибании все хрустело. Шарф трудно было снять: он замерз. А кожаные брюки и тужурка, спасибо, пропустили воду только в некоторые отверстия.

Почти голым уселся у печки, сушил одежду.

Витя Гуревич с Валавиным, увидев огонь, перестали блуждать и пришли в лагерь целыми.

Гуревич мне дал свои сухие брюки на ночь. Рассказывал: Отто Юльевич вызвал его к себе в палатку.

— Почему заставляете о себе беспокоиться? Что, хотите, чтобы новые жертвы у нас были?

— Не подрассчитали, Отто Юльевич, со временем, опоздали, попали в темноту.

— Как аэродром?

— Аэродром в порядке.

— Ну, хорошо. На «губу» вас надо бы посадить за несвоевременную явку, но раз целы, хорошо. Прощаю.

Когда уже все угомонились, похрапывая в шерсти спальных мешков, я еще долго ковырял в печке, неся ночную вахту по поддержанию огня, и сушился.

Впервые по-настоящему почувствовал, что значит путь по льду, и семя сомнения в целесообразности нашего хождения к берегу пустило ростки.

Ведь когда я гулял у корабля по льду свежим, не чувствуя усталости, ощупывая каждый шаг, это одно дело, а итти в поход к берегу — это действительно не прогулка.

Пожалуй, и выкупаешься, и ноги переломаешь.

Три дня идет работа у щели, в которой недавно еще стоял «Челюскин». На краю поля, у трещины, растут ряды керосиновых бочек, штабеля досок и бревен. Тут же невдалеке быстро строится барак — «зимний дворец», как его окрестили в шутку.

Ледяной пол покрывается досками и фанерой.

Барак имеет свои особенности. Их вызвало к жизни непостоянство Арктики. 4 двери, одна действующая и три запасных, на случай тревоги. Представьте себе, что наступит сжатие. Барак затрещит вместе с ломающимся льдом. Вы бежите вон. Открываете дверь, а перед вами трещина. Вам не надо лезть в воду. Вы поворачиваетесь и выходите в одну из запасных дверей. В отверстиях для окон вставлены большие химические бутыли, дыры между их горлышками заделаны войлоком. Окна прямо-таки мировые.

Посредине «дворца» и у дверей на кирпичных ложах поставлены две печки «sistem ing. Martisoff made in Schmidtstadt, Soviet Arctic».

Они своеобразны. Сделаны из порожних бензиновых железных

Начата стройка «зимнего дворца».

бочек. И как просто! В боку прорублено окно для дров, наверху кружок для вставки трубы. Все. И печи — «на ять».

Постройка барака уже подходит к концу. Плоская крыша поверх досок накрывается брезентом.

Но на ряду с «дворцом», догоняя его, спешит стройка камбуза. «Фабрика-кухня» — называют маленькую свежесколоченную будку, Поглядим, что хорошего в ней.

Железная бочка здесь облицована кирпичом, промазанным глиной. В нее вставляется тот же медный большой котел, что висел над костром и отдавал тепло, нужное для варки супа, первому встречному ветру. Второй котел плавит лед в воду.

У стен поставлены массивные столы из приспособленных для этого лючин. За перегородкой установлены баки для воды, там отдельный ход, люди могут приходить умываться.

На стене у окошка висят умывальники, сделанные из пустых патронных банок руками незаменимых изобретателей — Мартисова, Бармина, Петрова и комсомольца Фетина.

Итак, жизнь помаленьку стала настраиваться.

Полог палатки отдернулся, внутрь вдвинулась голова и грудь Ремова:

— Товарищи, по распоряжению Отто Юльевича, вам с детьми определено место в бараке. Идемте, я вам покажу место, и переезжайте туда.

Мы пошли. Ремов с достоинством ввел нас в выстроенный под его руководством «дворец». Он держал себя, как Винтер, показывающий Днепрострой.

— Место ваше посередине барака у печи. Думаю, что будет тепло, — сказал он, указывая на досчатый настил. В сознании приятное чувство радости, вызванное заботой большого начальника о детях.

Оно разлилось в пламенный порыв любви к Великой родине, к Союзу Советов. И здесь на льдине, в тяжелейших условиях нашей челюскинской жизни, как и там на материке, в нашей человечнейшей Республике, в первую очередь и на первом плане — забота о детях, о тех, кто будет продолжателем нашей исключительной эпохи.

Я не выдержал, высказался, обращаясь к Лиде:

— Вот видишь, в первую очередь лучшее — детям. Так всегда было и будет в Советском Союзе.

Она взглянула на меня с удивлением и выпалила:

— Что, я интуристка какая, что ты мне это объясняешь? Не с Луны свалилась, знаю. Давай лучше переезжать.

На 4-й день робинзонады мы уже расположились в бараке.

Постланы на доски листы фанеры, войлока, спасенные при сжатии матрацы, подушки. На всем этом лежат спальные мешки. Женщины не забывают «делать уют». В головах на стене прибиты одеяла, а поверх прикреплен детский коврик, на нем обезьянка с трубкой. К стене приколочена полочка, на ней установлена мелочь — кружки, ложки. На вбитых гвоздях развешаны малицы.

Мы, мужчины, тоже старались по хозяйству. Сделали из ненужных досок полы. Напилили из бревен «стульев». Положенные на обрубки доски служили столами.

В бараке поселилось 40 слишком человек. Постели на полу. Головы к стенам, ноги к середине барака, где проходы.

В одном углу приютился радист Иванюк с приемником. Рядом с ним доктор Никитин с двумя ящиками медикаментов и бригадир барака аэролог Шпаковский.

В первый же день определили нам новую работу: засыпка

*

стен барака снегом. Лопатами вырезали кирпичи слежавшегося, отвердевшего снега и обкладывали ими бока и крышу барака.

На солнце блестели белые бока шлюпок. В момент аварии комсомолец-штурман Виноградов перерубил тросы, на которых висели лодки. Корабль пошел на дно, а шлюпки всплыли. К ним часто подбегают Мартисов и Фетин. Вынимают из боковин медные воздушные ящики. Когда-то они предназначались для держания шлюпки на воде даже в том случае, если она перевернется.

Теперь ребята, превратившись в медников, кроят из этих ящиков различную посуду.

Они сидят на бревнах и на куске железа гнут ведра, бачки. Мороз иногда гонит их в барак. И звонко стучит молоток по медным листам, и суетливый Мартисов, причмокивая, наслаждается видом рождающейся посуды. Он уверенно говорит, что скоро снова займется форсунками для устройства нефтяного отопления в наших печах.

Мы ему верим — слово у него никогда не расходится с делом. Жирная нефть оживит обледенелые, шипящие поленья в печках.

Необычайный звон вдруг остановил наши лопаты. У дверей новоотстроенного камбуза, как самодовольный маг и волшебник, стоял повар Сергеев. Держа левой рукой какой-то жестяной предмет, он, зажав правой рукой нечто вроде топорика или молотка, поколачивал им по жестянке.

Понятно и ясно. Это сигнал на обед. Кончив работу, заторопились в барак за посудой. У камбуза уже стоят люди, получают суп — кто во что попало.

Чего тут только не было! Ведра обыкновенные, ведра пожарные, тазы, новые бачки, миски, кружки, консервные банки.

Повар Зверев, в гармошку сощуривая морщины у глаз, ухмылялся:

— Это, ребятки, не на корабле, там это, бывало, спрашивают: «что, сегодня опять пирожки с рисом? Ну, если пирожки, так и обедать не буду». Здесь никто, пожалуй, и от супа-то не откажется.

Получать пищу в закрытом от ветра камбузе, есть ее за столом, в теплом помещении — это все же лучше, чем в ропаках, на свежем сорокаградусном арктическом воздухе. Женщины моют посуду уже не снегом, а кипятком.

После обеда по звонку бежим получать продукты в наш ледовый ЗРК. В последний момент выгрузки покойный Борис не забыл о свиньях. Мясо хотели подать к обеду после выхода из Берин-

гова пролива. Но обратный дрейф на время отсрочил их конец. Они жили, причем на лед с тонущего корабля итти не хотели.

Тут же на корме прикончили ножами трех поросят. Сейчас они весьма кстати. И жирное заледеневшее мясо т. Канцин ловко колет на порции, раздавая зимовщикам. Люди разбиты на десятки. Староста десятка сразу получает на всех и распределяет каждому.

По дороге останавливаемся у стенгаза. «Не сдадимся» — так именуется бывший «Севморпуть». Газета на доске, пригвожденной к двум воткнутым в снег жердям. Статьи написаны карандашом.

Самый северный в Союзе ЗРК.

Обращает на себя внимание статья Хмызникова.

«Не первый раз люди живут на льду. Лед всегда оказывался гостеприимнее пустынного, безлюдного полярного берега. Здесь и нерпа, и песец, и медведь, а весной много различных птиц могут доставить пищу людям».

И дальше автор приводит факты из истории морских плаваний, когда экспедиции попадали на лед и на нем подолгу находились. Рисунки и лозунги, написанные Решетниковым, оживляли стенгаз.

Вечером после ужина, обычно бывшего повторением обеда, люди, полулежа на полу или устроившись на поленьях у печки, беседовали. Рассказывали свои впечатления об аварии. Основная суть

во всех рассказах была одна, но подробности у каждого разные. Машинисты и кочегары, бывшие в этот день на вахте, говорят, как у них произошло все это.

Котел сдвинуло с места, разорвало паропроводные трубы. Пар травил наружу, застилая удушливым туманом помещение машины. Вот почему не произошло взрыва котла. Большинство из вахтенных выскочили налегке, не успев захватить нужной одежды.

Часто вспоминают свои погибшие и нужные сейчас вещи. Я тоже вспомнил с горестью утонувшие дорогие, но не особенно нужные на льду вещи: две черновых и одну чистовую тетрадь стихов, которые, начиная с 16 лет, понемногу строчил и которые так часто, хорошо и радостно выливаясь, разряжали напряжение момента, поднимали, вели вперед.

Погиб, хотя и краткий, но нужный дневник, ведущийся со дня отплытия. Утонул альбом фотографий с надписью «Mein Leben».

Там действительно вся жизнь: карточки и свои и друзей, начиная с детских лет.

Перед укладкой ко сну кто-либо, придя снаружи, докладывал о состоянии неба.

— Звезды яркие, товарищи, завтра будет хорошая погода, самолет придет.

И с мыслями о скорой выручке засыпали. Скорчившись на колене, у печки копошился дежурный. Два-три человека, согнувшись над столом у лампы, почитывали книги, а в два ряда у стен барака лежали странные вытянутые мешки, и из них несся мерный храп.

Под спину еле слышно что-то ударяет. Это — вздрагивание нашей массивной льдины на воде.

Нас дрейфует, несет по воле ветра. Куда? Надолго ли? На странном, никогда невиданном корабле. Среди мрака полярной ночи. Шорох по стене, по углам. Тихий мышиный шорох. Это осыпается снег, которым обиты стены с наружи, — вздрагивание льдины, ветер расшатывают наш дом.

Утро принесло день, полный труда и новых забот. Женщины, усевшись на корточки, кроят брезент и шьют рукавицы для авральных работ. Лобза, Прасковья особенно усердствует, не имея своего места в бараке, так как живет в палатке. Она пристраивается на полу у каждого освобождающегося местечка.

Мартисов изобрел новые светильники. Они не нуждаются в рекламе. Вещь простая и в Арктике весьма полезная.

Берется бутылка, на горлышко ее насаживается медный кру-

жок, в нем пробиваются дырочки для фитилей — и все. Он начал с трехфитильных, а сейчас переходит к шестифитильным.

Не забывают ребята традиционного челюскинского «козла». Мартисов нарезает кости из меди, строитель Кудрявцев — из дерева.

Нас направили на засыпку камбуза и барака снегом. Знакомая уже работа. Дело идет скоро.

Погода действительно выдалась прекрасной. В такой солнечный день легче работается. Но вот видим, как от палатки радистов бежит запыхавшись Иванюк. Он на ходу, не добежав до барака, кричит:

Первый поход на аэродром.

— Женщин на аэродром!

Мы кубарем скатываемся с крыши. Каждый торопится к своей супружнице:

— Лида, Дора, одевайтесь!

Поднатуживаются с непривычки женщины, натягивая меховые штаны и пимы. Неуклюже сидит на них полярная роба.

Но вот они готовы. Васильев берет свою Карину на руки, прикрывает лицо краем спального мешка. Я, усадив Алочку в рюкзак, беру ее за спину.

У края лагеря, там, где отпечаталась загрязненным снегом его естественная граница, в молочную даль снегов зигзагами протянулась утоптанная следами ног тропинка на аэродром. 4—5 километров ходу. Иду быстро. Ребенок за спиной, и я вижу, куда лучше ступать. Васильеву тяжелей — ребенок на руках мешает

смотреть под ноги. Груженная вещами нарта везет 10 кг — норма на каждую отъезжающую.

Специальная бригада ребят, запрягшись в лямки, легко проворачивает дорогу полозьями нарт.

Только при подъеме на торосах бригаду охватывает заминка. Легче, не перевернуть бы сани. Приналегая в петли лямок, покрикивая, чтобы было веселее, втягивают нарты на горку. Задние поддерживают их с боков. А с горки — ходу, бегом, чтобы нарты не грянули по ногам.

Смотрим... Сбоку впереди, оглядываясь и поспешая, прут Шафран и Решетников сумку с киноаппаратом и треногу.

Алка шевелится в рюкзаке. Видимо, слежалась от тряски за спиной, и ей неудобно.

Свалилась набок, глазами строчит по снегу и плачет. Мать на ходу подбегает к ней, поправляет, успокаивает. Я продолжаю итти тем же темпом, останавливаться некогда. Впереди остановились люди. Выходят на высокие ропаки, глядят вперед. Сгрудившись, посовещавшись, идут влево, проторивая новую дорогу. Мы дошли до места их остановки. Да, дальше прямо итти нельзя, там лежала широкая майна. Влево она суживалась.

Пошли по свежим следам. Неудобная дорога, но скоро выбились к суживающемуся руслу разводья. Перешагнули полуметровый провал и уперлись в площадку. Две палатки с поднятым на лыжине флагом. От них растекается поле аэродрома, обнесенное, для обозначения границ его, разноцветными флажками. Женщины и дети уходят в палатку аэродромщиков.

Мы, прогуливаясь по полю, вглядываемся в юго-западную часть неба. Синь необыкновенная, нежная, и хлопковые коробочки облаков. Ждем час, два, три. Точка самолета не появляется на горизонте.

Но вот начальство сигналами из лагеря дало знать, что самолета не будет. Настроение снижается. Мы поворачиваем назад.

Шагаем молча, тоскливо. Но это только вначале. Кто-нибудь, не выдержав натянутости, отпускает шутку, и настроение начинает меняться.

Барак кипучей жизнью вовлекает в свой круговорот, и унылое состояние окончательно рассеивается.

Так мы первый раз прогулялись на аэродром для встречи с самолетом Ляпидевского.

Усталость говорила о тяжелой прогулке.

Вечером в углу у строителей поднялся спор. Сорокин посетовал на самолет:

— Не видать лагерю самолета, никто не прилетит к нам, пешком бы надо вжаривать.

Кто-то поддакнул:

— Вернее дело было бы, чем самолеты ждать.

— Поди вот, ты прогуляйся до берега, а у меня ноги не дотянут, — сказал плотник Кулин. Пашка Сорокин изогнулся, заметал глазами и пошел мелким бесом.

— Так, милый мой, я-то чем виноват, что у тебя ноги не дотянут, поэтому и я должен с тобой погибать, да где же это сказано?

В спор вмешались другие, и он бы затянулся надолго, взвинчивая даром нервы, не давая решающего выхода, если бы в дело не вмешался предсудкома Румянцев, успокоивший разволновавшихся людей.

На следующее утро на ледяном валу, погубившем «Челюскина», росла вверх крестовинами бревен наблюдательная вышка. На 20 метров поднялась она над полями.

На 20 метров над льдами поднялась наблюдательная вышка.

С ее высоты прекрасно видать аэродром. Гудит ветер по ее макушке, развевает полотнище взметнувшегося над Арктикой красного флага. А люди, оперщись на бока стропил, сверлят глазами пространство.

Лежит Чукотское ледяное море плоской ладонью, и по ней, как мозоли и струпья, разбрелись хребты ропаков, извилины майн, бугры торосов.

С севера свинцовое небо слилось с белизною льда, с юга

скользит желтыми пятнами солнце, оживляя молочную белизну.

Тени стомух, как зевы неведомых пещер.

В Арктике трудно получить постоянную работу. Но это счастье выпало на мою долю. Я получил должность «кухонного мужика». Работаю при камбузе. Утром встаю раньше всех, заготавливаю лед и на тобагене таскаю к камбузу.

У барака набираю дров и — снова к камбузу. Работа мне нравится. Главное — нет обезлички, сам отвечаешь за порученное дело.

Вечером было объявлено собрание. К 6 часам, когда за стенами барака уже лежала темнота, из ее густоты кучами входил народ. Люди располагались на корточках, на скамейках у первого стола. Два светильника должны были заливать светом зал собрания, но они, едва мерцая, слабо разрежали темноту барака.

Отто Юльевич пришел раньше всех. Он примостился возле детской площадки и, беседуя о здоровьи детей с матерями, ласкал то одного, то другого ребенка. Матери, польщенные вниманием, улыбались и с удовольствием отмечали, что дети здоровы. Они уже вышли из условий палаточного бытия. Над печкой у них висели веревки, на которых сушились пеленки. Тут же рядом с печкой стоял стиральный ящик, в нем обрабатывали пеленки.

— Да вообще мы теперь устроились хорошо, и жизнь на льду настраивается, — говорили женщины.

Но вот народ палаточный и барачный в сборе. Согнувшись, шагает к столу большая фигура бородатого начальника.

Мартисов ближе подвигает к нему свои светильники. Отто Юльевич начинает информацию. Он раскрывает радио-журнал и четко читает телеграммы с берега, разъясняя их.

«Правительство послало Ушакова и летчиков Леваневского и Слепнева в Америку для работы по спасению с ближайшего берега Аляски».

«Летчик Куканов с Мыса Северного в первые дни летной погоды вылетает в лагерь Шмидта.»

«АНТ у Ляпидевского в порядке и тоже готов к полету в лагерь».

Последней он читает телеграмму из Москвы: «Шлем героям-челюскинцам горячий большевистский привет, с восхищением следим за вашей героической борьбой со стихией и принимаем все меры к оказанию вам помощи. Уверены в благополучном исходе вашей славной экспедиции и в том, что в историю борьбы за Арктику вы впишете новые славные страницы».

Кончив читать, он на секунду задержался:

— Знаете ли вы, кто подписал эту телеграмму?

Все молчат. Кто-то нерешительно гадает:

— Куйбышев?

Отто Юльевич рвет напряжение одной многозначащей фразой:

— Сталин и все политбюро!

Гром аплодисментов потряс стены здания на льду. Какая-то невидимая нить протянулась далеко через темноту, через льды Арктики, тайгу Сибири в центр Москвы — туда, в Кремль, и связала эту маленькую горсточку оторванных от мира людей с вождями и народом своей страны. Сам Сталин пишет нам, — что может быть выше этой чести? И когда Отто Юльевич перешел к разъяснению невозможности пешего хождения на берег, ни один человек не нашелся для того, чтобы защищать эту теорию.

Место лагеря — насиженное место, отмеченное пребыванием людей; его быстро отыщут самолеты.

Разве мы вправе оставлять женщин, больных и детей, а они ведь двигаться не смогут? Кто поручится за то, что у нас не будут падать в пути люди?

Самолетам труднее будет среди ропаков отыскать затерявшуюся группу людей и оказать помощь.

Будет ли результат от продвижки к берегу, если нас начнет дрейфовать назад? Сколько и каких преград встанет на нашем пути в виде майн и ледяных валов?

Вот что говорил Шмидт.

Выступали и другие товарищи. Ширшов, молодой энтузиаст Арктики, говорил:

— Разговоры и разговорчики ходят вокруг того, что надо отправляться пешком к берегу, а мы прошлись до аэродрома без груза и уже чувствуем себя усталыми. А если подрассчитать, сколько каждому из нас придется на себе тащить необходимого багажа, пожалуй, и шага с места не сделать. Пустые это и вредные разговоры.

Никто больше не подымал вопроса о пешей экспедиции. Это собрание внесло ясность во многие головы.

Я окончательно понял всю наивность моего рвения добраться до берега пешком. Конец собрания венчает громогласный «Интернационал». Потемки барака на плавающей льдине. Темные замазанные лица людей, строгие, сильные черты решительных большевистских лиц освещаются слабым светом светильников.

Мы поем «Интернационал». И здесь, отрезанные от мира, на краю пропасти, пролетарии не забыли его. Мы сливаемся в мо-

гучем международном гимне, мы сливаемся мыслями и волей в один могучий советский коллектив.

Братья по классу, в далекой Арктике среди безбрежной белой пустыни мы гремели победным «Интернационалом»!

Мы не разбежались в диком индивидуалистическом порыве, спасая свое «Я». Мы цементировали свой коллектив, сплачиваясь для борьбы общими усилиями.

После заседания бюро ячейки партии, когда коммунистов и комсомольцев распределили по местам, с заданием не допускать неуверенность в головы людей, широко развернулась культмассовая работа. Отто Юльевич периодически через день-два собирал народ на информации о ходе помощи. Он запросил с берега политсводки. Комов, старый житель местной окраины, начал читать лекции о Чукотке. Лекции слушались с большим интересом, и люди с 7 до 10 вечера всегда были заняты. Только на часок, перед укладкой, не забывали засесть у светильника за козла, да изредка вспоминали: что-то долго не летят.

Вести шли и радостные и печальные. На берегу мобилизуют собак, чтобы идти к нам. К 25 февраля должно быть сорок нарт. Авиоспасательную базу решено организовать на м. Онман, ближайшем к нам, так как здесь больше шансов на совпадение одинаковой с той, что и в лагере, погоды. Через несколько дней базу перенесли немного западнее, на м. Ванкарем, где есть селение и фактория. Это, пожалуй, было даже лучше.

Печальная весть: самолет Куканова при взлете поломал шасси и в спасении участвовать не будет. Это великолепный летчик, мы много возлагали на него надежд, и крайне неприятно было слышать о выходе его машины из строя.

21 февраля Ляпидевский вторично назначил нам свидание на аэродроме. Алочка моя после качки в мешке за спиной захворала. Я не на шутку перепугался. Хрупкий детский организм, — как я не догадался, что в мешке она перемнется и, вероятно, у нее после тряски неблагополучно с почками. Я не давал доктору покоя: «Константин Александрович, посмотрите дочку, ни один кран не работает — ни густой, ни жидкий». Это был смех сквозь слезы, шутка, подбадривающая на минутку.

Доктор подправлял фитиль своей летучей мыши с лопнувшим стеклом, на время прерывал зубную очередь (тогда у него было человек десять зубных пациентов), садился на ящик, брал Алку на колени и прощупывал ее. Какое-то питье, откопанное Никитиным в ящиках, поставило Алку «на ноги».

Нескончаемая радость в сердцах родителей. Ведь подумать

только: один ледовый доктор в лагере на льдине, ни больниц, ни консультации.

Поэтому в день второго свидания, назначенного Ляпидевским, я приготовил сани, усадил туда в мехах дитя, и наш «форд» заюлил по ропачкам. Несомненно, ей было лучше, чем за спиной. На свежем воздухе она заснула, на щеках играл румянец.

Вы скажете — мороз. Да, было 35° ниже нуля. Мороз без ветра не особенно опасен. Но тут посвистывал 2—3-балльный ветер. Ветер рисует на коже футуристические иероглифы, выжигая полосы.

Так мы шли. Путь к аэродрому уже был разделен на участки флажками.

Дорога перед глазами прошла лучше и легче, чем в первый раз. Цепочкой, как караван носильщиков в Сахаре, мы пересекли белую пустыню, придвинувшись головой отряда почти в аэродрому. И тут произошло нечто неожиданное, неприятное, но внушительное. Часть головки нашего перепрыгнула через гряду ропаков и направилась к палаткам аэродромщиков. Приближаясь к этой же гряде, мы внезапно услыхали шум словно ста бомбовозов или ста тракторов. Мы невольно обратили очи к небу, но оттуда смотрело на нас невинными глазами стадо облачков. Шум разрастался неимоверно, и скоро мы узнали откуда он. Гряда, которую только-что миновали впереди шедшие люди, двигалась. Глыбы ее ожили, заходили, поднимались, опускались, вереща и скрежеща. Что нам делать? Я остановил санки, остановил Лиду. Нас догнали и остальные.

Мы встали на секунду в оцепенении. Потом быстро решили: на север, в обход гряды!

Вперед десять шагов... и снова остановились, как вкопанные. У наших ног расползались трещины. Площадка молодого льда, где мы стояли, трещала по швам. Куда итти? Вернуться к лагерю?

Но что делается в лагере? Вероятно, то же самое. Минуту мы стоим в молчании. Я только слежу за льдом и при появлении трещин отвожу санки на целые места. И каждый раз, отступив как-то механически, ожесточаясь на атаку трещин, твержу:

— На наш век льда хватит.

Гряда на мгновение стала, мы бежим к ней.

Двое уже постигают ее возможности: они кричат: «Сюда, за нами!» Мы, сжав нервы в упругий комок, торопимся.

Что ни трещина, то жгучая мысль: не перевернуть бы Алку. С ужасом смотрю на метровые каналы морской глуби. Сперва перехожу их сам. Потом — рывок веревки к себе, и — сани на моей стороне.

Спешка. Лед может предать. Спешка. У гряды вода — метровая ширина, другой край идет вверх ропаками. Тут рывок — верная гибель девочки. Надо иначе. Беру санки в руки, стоя на краю, передаю их над водой товарищам. Они принимают настороженно. И вот все в порядке. Снова спокойно продолжаем путь уже к близким палаткам.

Остановка. Женщины забираются в палатки, а мы идем на аэродром, глядеть на небо.

Но что это? Вдоль всего аэрополя от края до края прошла гряда торосов. Ходит начальник всех летных дел Бабушкин.

И вот что было в лагере...

— Так что ж, Михаил Сергеич, разломало?

— Да, как видишь, но самолет принять мы можем на большую половину, пока места хватит.

Мы подходим к гряде. Вдоль ее цепью выстроились машинисты. Задоров, Филиппов, Нестеров... По аэродрому на лыжах бежит Гуревич, он потный, вытирает рукавом лоб, докладывает Бабушкину: «Пока, товарищ начальник, все в порядке, больших трещин на этом участке нет».

В образовавшейся у гряды полынье на льдине качается Лобза.

Расставив ноги, она раскачивает ее до тех пор, пока края не начнут черпать воду. Как только вода хлынет ей под ноги, она соскакивает. Видимо нравится ей соревнование с водой на ледяном пароме. Лед под ногами внезапно вздрогнул от удара. Гряда

заговорила. Меньшая половина раздвоенного аэрополя шла на большую и кромсала ее края.

Флажки на границе падали. Машинисты подхватывали их и относили дальше.

Миша Филиппов и Володя Задоров чудили. Они стояли перед громоздящимися и напирающими на аэродром глыбами, махали на них руками и, стараясь перекрыть их скрежет, кричали:

— Куда прешь? Осади назад!

Но заклинания не действовали, лед шел и помаленьку грыз края оставшегося аэрополя.

В голове опять мелькнула мысль: «А что делается в лагере? Если здесь передвижка, значит и там что-либо есть».

Но вот сигнал отбоя. Самолет Ляпидевского и на этот раз не смог притти. Пробыв в воздухе 5 часов, он не нашел лагеря. Мы оставили в палатках вещи отправляемых и двинулись домой. Теперь даже не печалились, как-то привыкли к хождению.

Шли, осиливая этап за этапом трудной дороги. Лагерь вынырнул клочьями дыма из труб палаток, приветливо машущими красными флагами.

Решетников в малице стоял на ропаке с шапкой в руках. Человек, вечно рисующий. Мы с санями проехали мимо бороды и серых глаз Хмызникова.

Он нам — ни звука. Пошли дальше по лагерю — и ахнули. Посередине извилистая река. Через нее мост, переложены доски.

— Да, было у нас тут дело без вас, — сказал штурман Марков, — одним словом, аврал.

В лагере во время нашего отсутствия тоже проснулся лед. Трещина шла под склад продуктов.

Люди яростно кинулись на спасение продовольствия.

Склад переселили на другое место и поставили на плот. Камбуз половиной, которая являлась умывальником, повис над водой. Ремов радовался:

— Проблема стока воды в Арктике разрешена, отныне грязная вода, идущая по желобам из умывальника, имеет выход в майну и замерзать в желобах не будет.

Река начиналась невидимо в отрогах ледяных гор, разрезала пополам лагерь и уходила в глубь полей Севера, суживаясь там в ручеек.

Барак был на той стороне. Я осторожно переправил сани по мосту. Вот мы и дома. Мать сварила Алке рисовый суп со свиным мясом, овощами. Вкусный был супишко, и Алка после прогулки здорово его уплетала. Несколько раз я выходил прогуляться на реку. Вода не журчала и лишь мертво чернела. Зато говорил

лед, чуть чуть двигаясь и нежно скрипя. Ночь была тихая, спокойная. Лагерь выглядел так, как любое полярное становище.

Пятна палаток с красными глазами окон. Они сделаны из фотонегативов. Как дула зениток, кверху вздернулись трубы камельков, пуская букеты дыма и снопы искр.

Прикурнувшие к ропакам и бревнам спящие шлюпки. Замолкшие, притаившиеся черепахи бочек. Склад, угомонившийся, отдыхающий под черным брезентом.

Вышка, как начало какой-то стройки, а рядом — барак, словно жилище рабочих новостройки.

Камбуз повис над трещиной.

Мачты радиостанции. Одна из них родилась в руках комсомольцев еще на корабле.

Паршинский, Малаховский решили разбавить зимовочные будни прогулками на буере. Неделю они старались, недосыпая ночами, и во сне думали о буере, свободными часами стучали в мастерской машинного отделения и наконец спустили его на лед. На небольшой площадке у корабля немножко «попробовали». Работает хорошо, но по ропакам не пойдет, разобьется.

Думали перетащить на аэродром, не успели. А теперь он к месту: мачта буера — мачта рации. Безмолвно мигают на синем бархате звезды. Приветливые, ласковые, чуточку от них даже веет теплотой в эту хрустальную морозную ночь. Широкая лента северного сияния фосфоресцирует и волнами змеится через весь купол неба. Иногда она стирается, становится тоньше, и тогда

через нее проглядывают местами звезды. Силуэты двух фигур над треногой: это звездочеты Хмызников и Гаккель по небу определяют местоположение лагеря.

Я созерцаю картину тишины. Да, так вот живут в Арктике на всех зимовках.

Только небольшая разница: там все это стоит на твердой почве, а у нас — на льду.

Спальный мешок остался на аэродроме. Ночую в малице.

---

23 февраля праздновали день Красной армии. Праздновали трудом. Вытянули из майны целый, сохранившийся мотовельбот, он вмещает в себя 57 чел. Когда будут большие разводия, он без сомнения сослужит немалую службу. Штурман — комсомолец Борис Виноградов, агитирует среди молодежи.

«Звездочеты» Хмызников и Гаккель по почам определяли точный адрес лагеря.

— Предлагаю дело. Организоваться в группу человек 6—8 и, оставшись после спасения, когда лед разойдется, пройти к берегу водой на вельботе.

Говорят, молодой Ширшов тоже ратует за это дело и даже хочет просить разрешения начальства.

Митинг по поводу дня Красной армии закончился воспоминаниями из эпохи гражданской войны.

Внутренне как-то невольно сравнил 18—19 года нашей страны с нынешним положением коллектива. Есть несколько параллелей: там блокада и борьба, — и здесь блокада и борьба; тогда было туго с питанием, — и у нас запасы скудны; там победа далась всей стране под руководством партии, — и у нас победа должна придти всему коллективу, сплачивающемуся под руководством партийного ядра. Никакой паники. Разве была паника в наших отрядах на фронтах гражданской войны? Только надо быть всегда на-чеку.

ПЕРВОЕ СЖАТИЕ БАРАКА

Однажды ночью меня разбудил голос дежурившего Новицкого. Я проснулся, протирая глаза, не понимая, в чем дело. Все встают, возятся с одеждой. Я встал, вышел наружу. Неимоверный грохот и треск шел со стороны майны-кладбища. Трещали под напором льда невытащенные, вмерзшие доски, невытащенные всплывшие деревянные осколки корабля. Ночью видны силуэты глыб. Они движутся по направлению к бараку.

Я вытащил наружу рюкзак с Алкиной одеждой. Пошел к ней. Люди бегали, хлопали дверьми. Готовились к выходу. Но сжатие скоро прекратилось. Задоров уложил всех снова спать. Однако эта тревога не была лишней. После нее прикрепили людей к дверям на случай сжатия.

Я с другими должен был снимать и спасать печи после выхода ребенка и матери. Тревогу подает вахтенный в случае особой опасности, угрожающей бараку.

Комов кончил лекции о Чукотке, его сменил Баевский. Читает о Монголии, где он жил и работал. Баевский на льду помолодел, ожил. Он ни минуты не сидит спокойно. В своем углу читает Пушкина — «Руслан и Людмила», «Медный всадник». Через некоторое время перебирается с книгой к строителям, потом к молодежи. Всех теребит по поводу заметок для стенгазеты. Частенько организует смешанный украинско-ленинградский хор. И очень доволен, когда поют.

Не скажу, чтобы в день 5 марта мы шли на аэродром с большим подъемом, чем в прежние дни. Даже, пожалуй, надежды на прилет Ляпидевского снизились, и шли мы как-то механически, скорее в силу привычки ежедневно навещать аэродром.

В конце пути к полю подошел ко мне боцман Толя Загорский. Поравнявшись, он пошел рядом:

— Знаешь, Петро, мне кажется, 99% за то, что он опять не прилетит, что-то машина у него не совсем в порядке.

Он не успел закончить свою мысль, как мы услышали крики «ура!» Мы оглянулись: те, что были позади нас, бежали, дико приплясывая, как негры из Конго, и махали руками. Над головами загудел мотор.

— Толя, — кричу, — 100 процентов, что прилетит! И — бегом. Самолет, медленно плывя, скрывался за торосами. Он сел. Мы жмем во весь дух. Но бег наш был срезан широким лезвием водяного ножа полыньи. Забегали по ее краю, как мыши, попавшиеся в ловушку, ища выхода.

Нашли узкое место — 4—5 метров.

Стали накидывать лед. Больших глыб притащить не можем, кидаем маленькие льдинки. Пустое дело: быстро ими все не засыпешь, а так они тонут под ногой.

Что делать? Оглядываемся по сторонам, ища выхода. И тут пришла подмога из лагеря. К нам летел запыхавшись радист Иванюк:

— Товарищи, капитан с вышки увидел эту трещину и послал вам шлюпку. Ее тянут, она в километре от вас.

Под крики: «взяли, давай!» подкатили шлюпку к майне.

Мужчины бросились за Ивановым. Под крики: «взяли, давай!» подкатили шлюпку к майне.

Переправились все. Подбежали к аэродрому. У палаток стояли ящики с аккумуляторами, две оленьих туши, и драгоценные для нас инструменты — пешни, ломы, кирки.

Самолет, громадина АНТ-4, распластал крылья вширь аэродрома.

Ляпидевский в больших меховых сапогах, с очками, опущенными книзу, в синей робе, как-то странно ковылял по льду и улыбался.

Шафран вертел ручку аппарата, ловя в объектив момент встречи Отто Юльевича с Ляпидевским. Когда женщины угомонились с приведением своей одежды в полный летный порядок, началась посадка.

Трудно было подниматься им наверх и лезть в кабинку в громоздких малицах.

Но вот мешки их внизу в самолете, женщины разсаживаются. Подаем им детей.

Машина дает такой газ, что за хвостом подымается самая настоящая пурга.

Встреча Отто Юльевича с Ляпидевским.

Все мужчины берутся за хвостовое оперение. Раскачивают хвост. Нас отбрасывает напором ветра. Машина на полном газу рванула вперед и легко пошла носом вверх с трети аэрополя.

В стеклянном выступе носа один из летного состава встал во весь рост. Он махал нам рукой. Самолет уходил вверх и на юг. Он шел на Уэллен, унося от нас родных, близких — 10 женщин и 2 детей — тоже «женщин». Это был первый этап вознаграждения за терпеливость, за отсутствие головокружения и отчаянных попыток пробиться воображением к берегу, оставив тело на льду.

Это была победа партии, Шмидта, соединившего в себе мозг партийного руководства с опытом выдержанного полярного вождя.

Я не сдержал радости. Самолет был уже еле видимой точкой на горизонте, и я пустился в пляс на льду.

Этот день превратился в праздник. Нам дали дополнительное питание. Вечером мы пили какао. И, хорошо поужинав, счастливые заснули.

ПОСЛЕ ОТЛЕТА ЖЕНЩИН

Ночью проснулись внезапно от взрыва и зловещего треска, ошеломленные, сразу не сообразив, в чем дело. Слабо мерцающий свет светильника ничего не говорил. Даже, пожалуй, наоборот, он, устало мигая, возвращал обратно в постель.

Но треск свирепел. Люди вскакивали и рассыпались в стороны, как от взрыва снаряда.

Схватить мешок, малицу — дело одной секунды, но захотелось не оставить и полушубок и чайник. Нагрузившись, метнулся в полутемках на выход.

Посередине одной ногой куда-то провалился, другим коленом уперся в твердое. Ошпарило холодной водой ногу. «Твердое» оказалось краем родившейся ночью трещины.

Бросив имущество на лед, освободившимися руками щупаю по верху края. Зацепился за полено, служившее ножкой стола и вмерзшее в ледяной пол. Вылез наверх. Схватил снова свою меховую кучу. Выбежал из барака. Луна спадает, чуть-чуть брезжит рассвет. Темные фигуры людей. Одна из них танцует по снегу босиком и кричит: «Кто взял мои валенки?»

Это Иван Кузьмич—печник и парикмахер. Ему советуют ноги убрать в спальный мешок.

Он лезет туда, но через минуту находятся его валенки. Доктор и Баевский вышли на другую сторону барака в запасную дверь.

Рыцк впопыхах схватил кучу валенок, сушившихся у печки, и потащил на выход. Гордеев остановил его, сказав: «надо же людям одеваться!»

Я бросился снимать печи, но Ремов отсоветовал.

В общем, все обошлось благополучно. Утро, включив окончательно свет, развернуло неприятную картину.

Барак полуметровой трещиной распилило надвое.

Листы фанеры висели над водой. В эту ночь на них мирно почивали комсомольцы Кожин и Морозов. Как они не очутились в воде, они и сами не знают: «Начало трещать под спиной, а мы отскочили в стороны — и ничего».

Доски в месте разрыва барака растянулись в стороны, брезент — крыша — тоже разорвался надвое. У трещины валялись чемоданы и разная житейская мелочь. В трещине покоился мой полушубок. Его и крышку чайника я обронил в момент провала.

Вытащил. Промокшая овчина превратилось в глыбу льда. Крышка чайника уселась на льдине. Нагнувшись, я достал ее. Еще пригодится.

В середине барака через трещину перекинута доска, народ ходит по новому мосту и теперь спокойно собирает имущество.

За бараком трещина обнажает толщину льдины, на которой стоял барак. Зеленый изумруд глубоко уходит под воду. Верных 7 метров толщины. И такую махину легко раскроило пополам! Народ уходит в «Замоскворечье» — на ту сторону реки, в палатки. Некоторые остаются в целой части барака. Открывшуюся пасть здания, зияющую параллельно внизу лежащей трещины, заделывают досками.

Приколачивают новые двери. Я хотел остаться в бараке, но Бобров настоял на переходе в новую палатку. Итак, поздравив себя с новосельем, я поселился вместе с механиком Пиотковским, двумя поварами и штурманом Виноградовым. Палатка мало оборудована. В этот период лагерь жил лихорадкой стройки и перестройки. Комсомольская кочегарня начала это дело. Они пришли к Ремову, выпросили ненужные доски и сколотили четырехугольный каркас со стропилами наверху для палатки. Патянули на каркас брезент, устроили в каркасе двери, и дом получился на «ять». 11 человек удовлетворительно размещались в нем. Кто-то из ребят выжег на фанере надпись: «Бич-бар» и картину: два медведя несут пенящиеся бокалы пива.

Ничего хмельного конечно в лагере не было. Но расшифровка вывески проста. «Бич», «бичкомер» — по-английски безработный моряк, «бар» это портовая пивная, где собираются моряки, или проще — место сбора плавающих людей.

Ребята рассуждали так: корабля нет, мы вроде как безработные, поэтому и «Бич-бар». Так это наименование и осталось за комсомольской палаткой.

За кочегарами строительной горячкой были охвачены матросы. С нескрываемой завистью я смотрел на их «дворец». Прекрасный пол, настоящие стены, хорошая дверь.

Машинисты или, как их называли за одежду, «кожаные комиссары», тоже сколачивали неплохой новый дом.

Я не выдержал. Бобров разрешил нам стройку. Площадь выбирал и отводил Копусов. В помощь дали плотника Кудрявцева. Натаскали со сломанной части барака досок. Подчистили площадку. Лед показал паутину трещин, толщиной с бечевку. Ну, что ж, жить можно. В два дня сварганили прекрасный дом-палатку и переселились.

Жизнь текла размеренно-бурливым темпом жизни советского

поселка. В первые же дни после отлета женщин распределили очередность отправки мужчин. Принципиальная установка списка — отправка на берег первыми физически слабых и маловыносливых. Я попал в середину списка. Ходил к Боброву, хлопотал оставить до конца. Он ответил: «Тебе надо быть на берегу, ребенку помогать». С тем и вышел из его палатки.

Днем мы работали, расчищая аэродромы. Вечерами собирались в оставшуюся половину барака, и Отто Юльевич читал политинформацию и сведения о мерах, принимаемых по спасению. Итак, мы тесно связаны при помощи радио с материком.

Мы знали, что в Австрии идут баррикадные бои, что в Средней Азии самолетами проводится сверхранний сев.

Мы знали, что о нас говорят иностранные газеты, что наша великая родина по зову любимого Сталина поднялась к нам на помощь. Получили радио работниц московского завода «Шарикоподшипник».

«Мы удивляемся вашей стойкости и мужеству и твердо уверены, что вы выйдете победителями из ледяного плена».

Эти простые слова работниц будоражили зачерствелые моряцкие сердца. Люди росли, поднимались в сознании. Телеграммы, как удары ветра, взметывали волны энергии. Людям хотелось по-настоящему рваться в бой за победу. Хотелось притти туда, в далекую, но вместе с тем близкую сердцу Москву, пожать руку своим сестрам по классу, сказать твердо и радостно: «Мы оправдали ваши надежды». Но пока берег далеко, и дело в выдержке — этом орудии, дающем победу.

Ляпидевский, улетая с женщинами, говорил:

— Если будет летная погода, буду делать два-три рейса в день.

14 марта он опять вылетел к нам. Но мы его не дождались. Конец дня вернул нас домой.

Вестей о местонахождении самолета не было. Уэллен ответил, что Ляпидевский обратно не возвратился. Ванкарэм сообщил, что к ним АНТ-4 не прилетал. Наши души опутали паучьи нити беспокойства.

«Только бы люди из-за нас не погибли», — говорили ребята.

Только на третий день на информации Отто Юльевич докладывал о Ляпидевском. Левый мотор самолета АНТ-4 сдал в воздухе, Ляпидевский вынужден был сесть у о. Колючин. Немного повредил шасси. Люди целы, пешком в пургу пришли в Ванкарэм.

Наши сердца успокоились. Раз люди целы, все в порядке.

Все же АНТ-4 выбыл из строя.

Но это нас не волновало. Мы знали уже давно, что из Влади-

востока вышел «Смоленск» с 7 самолетами на борту. Знали, что к нам из Хабаровска летят Водопьянов, Доронин, Галышев, что в Аляске шевелят дело Ушаков и летчики, что Сталинград везет тракторы, аэросани и дирижабли, что к походу готовится «Красин».

Федя Решетников и Кренкель после этих информаций со свойственным им юмором объявили запись: «Кто на чем желает переправляться на берег?» Некоторые готовы были ждать дирижаблей, а красинцы говорили: «Нет, уж нам дирижабля не надо, мы лучше обождем «Красина».

Дни шли за днями. На севере Чукотки самолетов не было. В душах было успокоение: раз прилета скоро не ожидается, значит жизнь пойдет нормальнее. Не надо беспокоиться, снаряжать, отправлять товарищей. Некоторые товарищи не взлюбили безрезультатных хождений, когда поднятое на высшую точку кипения настроение сразу после отбоя обрывается в щемящий холод льда.

Дни шли за днями, мы строили аэродромы. Эта была тяжелая и неблагодарная работа. Их часто ломало, выворачивало майнами.

Вечерами ходили в барак, на информацию и на диамат, читаемый Отто Юльевичем.

Прорабатывали 17-й партсъезд. Никогда незабываемая аудитория, никогда незабываемый «зал». Светильник слабо скользит пятнами блеклого света по бороде профессора, по его серым глазам. Лицо при таком свете кажется другим — строгим, угрюмым, как иконопись. Свет, образуя круг у стола, за фигурой лектора тает.

В темноте сомкнулись внимательные фигуры обросших, грязноватых людей. Профессор обжимает бороду пятерней, курит, говорит. Лекции сочны, полноценны, легко слушаются и воспринимаются.

К концу идут выступления. Говорят Комов, Мартисов, Ширшов и другие. Занятия проходят всегда интересно. Я вспоминаю фронт эпохи гражданской войны. 1921 год на Украине, где в каждой деревне есть бандит — кулак. Мы в хате сидим при керосиновой лампе над Ленинскими страницами. Я читаю, комиссар Смирнов, заложив руки назад, сосредоточенно ходит по хате. В конце каждого отрывка он быстро поворачивается к столу и, тыча пальцем в книгу, говорит: «Вот здесь остановись, Петро!» И, обернувшись к притаившимся красноармейцам, разъясняет прочитанное место. А за окном в темноте иногда стучат внезапные выстрелы.

Так сейчас иногда стучит лед.

Нас из палатки выкурили. В ней оборудовали пекарню. Вася Агапитов и Юра Морозов пекут лепешки, заменяющие нам хлеб.

Дрожжей нет, поэтому лепешки пресные. Я переселился в «Бич-бар». Еще раньше я имел с ним связь. Как-то раз зашел к нам посмотреть новую палатку Вася «Гром» на прощанье сказал:

— Заходи в «Бич-бар», у нас весело и тепло.

Я не замедлил. Ходил часто к ним в гости под вечер. Все лежали врастяжку на своих мешках. Дежурный шуровал топку. Ребята, размякшие в тепле, покуривали.

— Давай, страви что-нибудь пострашней, — сказал кто-то из них. Чтобы скоротать свободный вечер, я запустил им рассказ из практики угрозыска.

Страшные вещи понравились молодым морякам, и я был у них уже своим. Поэтому в «Бич-бар» я сразу был принят.

Степа Фетин заряжает клизму керосином.

День у нас проходил так. Утром раньше всех вставал очередной дневальный. Он разжигал загасшую буржуйку, наложив туда дров, угля и заливал их керосином. Последний находился в очень страшной посудине — обыкновенной клизме.

Затем дневальный выходил наружу, осматривал состояние неба на предмет видимости и летности и в зависимости от этого «делал» себе настроение.

Если небо ясное, то настроение хорошее, если мутное, то настроение хмурое.

Но это не входило в обязанности дежурного. И не каждый это делал. Просто была группа болельщиков-метеорологов.

Следующим делом дневаля была колка льда для чая. У ближайшего ропака топориком откалывал дневаль нос, крошил его в осколки и плотно засыпал чайник. Поставив его на печку и дав растаять и потом вскипеть, он будил ребят.

— Ветер Норд-Ост 2 балла, вставайте, черти, самолеты продвигаются... по линии Москва—Харьков—Ленинград.

Братва ворочалась, выползала из мешков. У печки висят на струне бечевы, портянки, носки, шарфы, рукавицы, внизу лежат горкой валенки. Сушатся.

— Коля, подай портянки, тебе ближе.

И вот начинаются полеты предметов одеяния и обувания.

Один за одним вылезают ребята на улицу, физкультурят за ропаками, забегают за мылом и снегом, хрупким, хрустким, как град, натирают щеки, уши, руки. Бегут в палатку вытираться. Бриться трудно в палатке. Все начинают понемногу зарастать.

Дневаль, спустив из-под потолка стол — приспособленный щиток на веревках, начинает разливать чай. Каждый кричит: «Давай мне эмалированную кружку!» Конечно это шутка. Кружка чуть-чуть больше фарфоровой. Но кружка — это порция. Чайник вмещает кипятку по кружке на брата.

Каждому на день по 9—10 галет, но к чаю выдается порция: 3—4 галеты, кусок сахару, иногда лепешка. Чай кирпичный и заварен круто. На столе лежит масло, его не делят, каждый берет на-совесть.

После чаю перекурка. И каждый раз к этому времени в приоткрытую дверь пролезает наш замнаркомтруд Толя Колесниченко.

Он начинает так, как будто только что прервал разговор:

— Ну, так вот что, ребята: ты, Петя, идешь на аэродром, Валя тоже, Ленька идет с вами. Вы двое, ребята, идете на камбуз, ну, а Коля как дневаль сегодня остается. Ну, давайте, ребята, пошли.

Мы одеваем ватники, шарфы, шапки, рукавицы и — в поход на аэродром. Днем в палатке почти никого нет, лишь дневаль наводит чистоту и порядок. Но к часам 4—5 уже все в сборе. Люди идут домой, неся в себе усталость ледовой работы, обиндевевшие, с лицами, прихваченными морозным загаром, но никто не забывает, поставив ногу на ропачок, специально заведенной на этот случай щеткой, лежащей у дверей, отряхнуть ноги от снега. Братва, тяжело ворочаясь, раздевается, а дневаль суетится над супом. И вот уже миски, дыша паром, качаются на висячем столе.

Суп почти всегда стандартен: рис, консервы мясные, сушеные овощи. Съедят миску, дневаль добавляет. И все едят с добавкой, потому что 2-го и 3-го нет.

А затем, отвалившись на меховые мешки, ребята, отдыхая после трудов праведных, закуривают «Блюминг». Но недолга передышка. Вот Коля Бутаков, ретивый малый, светловолосый, светлоглазый архангелец, подбивает Вальку Паршинского: «Ну, что лежать, пойдем покидаем». И двое вылезают из палатки на воздух. За ними идут другие. Сбоку нашего жилья лежит небольшая палатка. Взмах рук, и палка летит, разбивая чащу рюх. Промах вызывает смех и подначку. На шум рюшников из разных мест лагеря собирается народ. В 6 часов ужинаем, тот же суп, но уже дело идет веселее, потому что из кооператива «Красный ропак» принесены дополнительные продукты. Иногда суп дополняется рыбными консервами, свежими лепешками. Правда, они приносятся замерзшими в камень, но если их разогреть, получается свежий мягкий хлеб.

Кстати сказать, за последние дни наши трапезы разнообразились медвежатиной. Саша Погосов на аэродроме убил медведицу и медвежонка. Добыча распределялась кооперативом. Зверье, видимо, долго не находило пищи. В желудке у медведицы обнаружили кусок материи от нашего флага и окурки папирос. Мясо было постно и поэтому вкусно, так как сало дает нестерпимый запах рыбьего жира. Биолог Белопольский, пробуя в целях науки на вкус молоко медведицы, отравился и теперь болеет.

В 7 часов в бараке всегда что-нибудь бывает: или информация, или диамат. Если вечером ничего нет, мы занимаемся сами.

Случилось так, что когда ребятам надоели мои рассказы об угрозысковой работе, а также рассказы моего конкурента, Ивана Кузьмича Николаева — печника, приносившего нам из палатки строителей народные сказки, а также и рассказы о личных неимоверно романических переживаниях кочегара Сережи Киселева, настроение резко переменилось в сторону серьезного. Все прошлые рассказы получили точное имя «травли», т. е. вранья.

И если кто-либо, прервав задумчивое молчание, начинал, как всегда: «А вот был у нас такой случай. Перегонял я коробку «Скалу» из Владивостока в Одессу, — десяток голосов обрывал его: «А «Скала»! Гора это. Знаем, знаем».

И если парень, невзирая на разыгрывание, продолжал информацию о «случае», то ему не давали покою: «А в каком году это было?» «А свидетели есть?» «Кто свидетели?» Парень замолкал

огорченный, кидая: «Вот арапы, больше вам никогда ничего не расскажу!

Братва опять в раздумьи умолкала. Обыкновенно завесу молчания прорывал кочегар Леня Марков. Он, приподнявшись на локтях с постели, вскидывал свою голову с черными, весело сверкающими глазами и, оскалив шеренги белых зубов, запевал:

В том саду при долине
Громко пел соловей,
А я мальчик на чужбине
Позабыт от людей.

Кочегария подхватывала. Громко неслась песня, разлеталась по лагерю, уходила далеко к безмолвным ропакам.

Много песен знал Марков, и всегда хорошо с ним пелось.

Часто после общих концертов выступал комсомолец Боря Кукушкин с вологодскими частушками и соревновался с Агафоновым. Последний из Онеги. И про них на Севере поговорка: «Онежане те же норвежане, только наречие другое».

Боря, улыбаясь только одними глазами, сидел, как буддийский боженок.

Агафон улыбался благосклонной всеобнимающей материнской улыбкой.

Смолкал Борис, начинал Абрам Агафонов, и быстрой ниточкой строчились залихватские с выкриками и надрывами частушки:

Эх, не смотри, что ноги босы,
Мы архангельски матросы...

Но в этот вечер тишину отдыха никто не прервал. Марков, перевернувшись к Паршискому, о чем-то шептал. Оказывается, они что-то сочиняли. Ребята поняли, схватились за них. «А ну давай, поэты, исполни!» И на мотив «Кочегары» два новоявленных поэта пропели первый куплет своего произведения. Дальше этого дело у них не двинулось. От них настроение сочинительства передалось мне. Я раскрыл почерневшую тетрадь. Карандаш заработал, но мысль шла туго:

Далеко до Ленинграда
Раскисать совсем не умно,
Ни о чем мечтать не надо,
Ни о чем не стоит думать.
Надо жизнь принять, как видишь,
С ропаками и пургою,
Надо жизнь принять, как слышишь,
С звонким смехом, и борьбою.

И уйти в горячку дела,
Без планов о счастье дальнем,
Чтоб кирка в руках гудела
Чтобы лучшим быть дневальным.

Остановился карандаш. Нет, так кляузно. Пахнет мертвечиной Отставить! Нужно бодрее! И я снова пишу:

От Норда до Зюйда, от Веста до Оста
Тяжелый, щемящий небесный свод.
И ветры молнистее радио Роста,
И беспредельный холмистый лед.
Палатки на льдине, грязнущие пятна,
И люди в палатках помяты, грязны.
Но только их воля чиста и опрятна,
И только их нервы стальны и грозны.

Так веселее, и из глубин сочинительских мыслей, подняв голову, выныриваю опять в палатку к братве.

Идет громкая дискуссия. Кто-то поставил вопрос о необходимости иметь своего культуполномоченного. Выдвигают кандидатуры Паршинского и Буйко. Голосуют, и мы оба проходим единогласно.

Сразу вместе уходим к Боброву представляться и выкладывать просьбы. Нам надо лекторов, патефон. Договорившись, идем по палаткам научников бронировать лекторов.

И теперь уже каждый вечер вместо «травли» идут доклады. Приходил к нам Хмызников, говорил «о русско-японской войне», Филиппов «о походе Красина». Громов Борис исполнял на патефоне вокально-концертные номера. Я сам, вспомнив все, что читал по вопросу брака и пола, решил прочитать лекцию. Начал с брака у древних, перешел к системе единобрачия, раскрошил Коллонтай, Гумилевского, остановился на рассказе Романова «Без черемухи» и, закончив современным браком, был ошарашен вопросом: «Какова же будет система брачных отношений в коммунистическом обществе?» Здесь разыгралась дискуссия. И однажды в бараке, когда Отто Юльевич кончил диамат и собирался итти в свою палатку, мы его остановили, предложив ему мучающий нас вопрос.

— Никто не скажет сейчас, каким будет брак при коммунизме,— ответил наш учитель. На этом мы прекратили дискуссию.

Кончался март месяц. За это время нас посетило не мало сжатий. Никто из этих молодых ребят не проявлял никакой паники. Разве была у людей, несмотря на молодые годы, перенесших по

две, по три морских аварии, видевших не раз смерть в глаза, какая-нибудь тревога за собственную жизнь?

Лед выстрелами стучал под ухо в изголовье. Скрежетали льды. Степка Фетин, проснувшись от толчков, переворачиваясь на другой бок, всегда безмятежно повторял: «Нищему пожар не страшен». И опять все спят. Дежурный по лагерю разбудит, если что случится.

В одно из очередных сжатий разрушило камбуз. Имущество камбуза спасено.

КАМАНИН И МОЛОКОВ

Отряды самолетов Советского Союза шли к нам со всех сторон. Их задерживала непогода, иногда неполадки с машинами. Мы следили по информациям за малейшим их продвижением. Люди говорили: кольцо суживается.

Шел спор на пару пива, на шоколад о том, что 1 апреля на льду никого не будет.

Но первое апреля миновало, кольцо сузилось доотказа, а самолетов у нас еще не было.

Вот получили весть, что Леваневский на машине, купленной в Америке, бросился на Чукотку, везя Ушакова. Весть эта имела печальный конец. В пургу и туман Сигизмунд забрался далеко в потолок; опуская обледеневшую птицу, при вынужденной посадке поломал шасси. Мы рады были за людей. Леваневский, Ушаков и американский борт-механик целы.

Наша амфибия Ш—2, претерпевшая три аварии, с заплатанными крыльями и с перевязанными веревкой частями шасси уже была перетащена на аэродром. Еще Ляпидевскому она принесла пользу, сослужив точкой ориентировки, по которой он и нашел лагерь.

Валавин и Погосов не оставляли амфибию в покое: отогревали замерзший мотор, запускали его, но нужного количества оборотов

машина не давала. При 35° мороза мотор вообще не запускался. Но пришли дни потепления — 25° — и гудит мотор, гремя по звучному льду, неся бодрящую дробь с далекого аэродрома прямо в палатку отзвуками через ледяной пол.

И вскоре стройно неслась амфибия в воздухе, неся Шмидта и Бабушкина, разведывающих состояние льда вокруг лагеря. А 2 апреля Ш—2, сделав прощальный круг над лагерем, уходила к берегу вместе с летчиком и борт-механиком. Была не малая радость и не малая победа.

Ушаков сперва хотел итти к нам на собаках, но после переговоров со Шмидтом вызвал из Аляски Слепнева.

К этому времени в Ванкарэм прибыли Каманин и Молоков.

Это были дни сдерживаемого довольства и взнузданной радости.

7 апреля мы удлиняли аэродром. Его с одного конца сторосило и поломало.

Работали у самых палаток. Снимали гряду торосов и глыбы льда, засыпали в рядом лежащую трещину. На вышке в лагере поднялся флаг. Значит, по радио сообщили, что самолет вылетел в лагерь.

Работая, нет-нет да и взглянем на небо. Вскоре из лагеря заклубились волны черного дыма: опознавательный сигнал.

Самолет уже должен быть близко от нас. Мы обратились с вопросом к небу. И вот странной формы стрекоза, вогнув под крылья голову и вылупив глаза — окна кабины летчика, показалась над аэродромом. Несомненно, это была американка. Широкие красные крылья, синий сигарообразный, удобообтекаемый корпус. Кокетливая птица. Она обошла аэродром, приглядываясь, куда сесть. Второй раз, почти коснувшись поля, снова взметнулась над головами ввысь. Поражала ее быстрота.

В этот момент в конце аэродрома появились две другие, совсем обыкновенные птицы. Американка в третий круг все-таки села посредине поля и молниеносно пересекла остаток аэродрома. Мы вскипели тревогой. Машина подскочила нервной пляской Витта на первой гряде ропаков и, упершись во вторую, встала, перекосив крылья. Мы подбежали с предчувствием увидеть груду обломков. Смотрим — машина цела, только накренилась на одно крыло, широко расставив шасси. Из машины выскакивает Слепнев в ярком оленьем полупальто, в морской фуражке.

Рука у него в крови. Он вскидывает руку под козырек и докладывает Шмидту:

— Отто Юльевич, сделал все, что мог.

Ушаков открыл дверцу, дает выскочить собакам. Повертевшись,

они разбегаются. Мы тепло здороваемся со старым знакомым Ушаковым.

Слепнев осматривает мотор, потом заявляет:

— Хо яин цел, значит все в порядке.

В этот момент два обыкновенные самолета начинают виражировать над полем. Мы идем их встречать.

Они тихо и спокойно снижаются. Один за другим садятся хорошо и благополучно.

Из открытых кабин вылезают в мешковатых синих робах Молоков, Каманин, Шелыганов. Лица невозмутимые, решительные.

На аэродром сели три машины.

— Ну, кто у вас первый по порядку, давайте по три человека на машину.

И через 15 минут скромные самолеты и их летчики снова поднимаются в воздух с первой партией больных.

Слепнев обижается на американскую машину, у нее большая посадочная скорость, ей нужны громадные аэродромы.

Бригада кожаных комиссаров-машинистов остается караулить и ремонтировать машину Слепнева. Первоначальная помощь ей оказана. Мы подняли крыло, поджали растянутые шасси, вправили вывих суставов.

Нужно только снять и выправить хвостовое оперение. Мы уходим домой, радостные и довольные второй победой мужества и геройства.

Вечером в бараке Ушаков рассказывал нам о жизни Советского Союза, о 17-м партийном съезде, о своем путешествии в Америку.

В бараке на льду он чувствовал себя, как дома. Слепнев делился своими впечатлениями об Америке. Говорил четко, быстро, по-военному, иногда вставляя что-нибудь до коликов смешное.

Ночью аэродром, с которого Молоков и Каманин увезли 6 наших, сломало.

Большая майна развернулась у самых палаток и лизала волной брезентовые края жилья аэропункта на 68° сев. широты.

Рано утречком мы уже были там. Задача — перетащить самолет Слепнева на другой аэродром, находящийся в $1^1/_2$—2 км. Задоров, Погосов осматривали дорогу. Местами в начале пути мы ее подправили, т. е., проще говоря, в горах пробили ворота, расколов, раскидав глыбы льда, в трещинах сделали понтоны, засыпав их льдом. Дружно потащили машину.

На аэродром прибыли больные.

Но перед первым возведенным паромом остановились, как вкопанные. Лед задвигался с неимоверной силой. Засыпанная трещина извергла горы колышащегося льда. Заходили, завизжали ропаки. Мы отодвинули машину назад. Пережидали. Потом опять, расчистив дорогу, тронулись в путь. Сжатие много раз останавливало нас. Это был бег с препятствиями. Только к вечеру мы закончили двухкилометровый путь.

Перетащили палатки и имущество аэропункта на новое местожительство.

Придя домой усталые, спали как мертвые. Мне снился дикий сон. Как будто я на берегу. В городе еду в трамвае. Пересекает дорогу грузовик. Столкновение — и сильнейший удар. Проснулся. Заворочался.

— Ты что?—спросил меня рядом лежащий и проснувшийся Фетин.

— Трамвай наскочил на автомобиль, удар сильный был, — спросонок прорычал я в ответ.

— Да, да удар я тоже слышал, — сказал прислушивающийся к разговору Прокопович.

Мы рассмеялись. Сильный удар внезапно заколебал льдину и прекратил наш смех. Прокопович сказал: «Второй удар». Через несколько времени пришел дежурный по лагерю.

— Хлопцы, идет сжатие, оденьтесь.

Ребята нехотя зашевелились, но не встали. Сразу за дежурным в сумерках зачинающегося утра показалась в дверях фигура Толи Колесниченко.

— Товарищи, выходи на аврал.

Мы повыскакивали наружу. Вал, гораздо выше и массивнее вала, раздавившего «Челюскина», всем фронтом от края до края наступал на лагерь.

Оставшуюся от первой поломки часть барака уже раздавило. Люди еле успели выскочить. Глыбами загнало моторный вельбот внутрь барака. Все перекорежилось. Через проломы крыши видно было воду, наполнившую низ барака.

Очередной товарищ головой вперед лезет в парашютную гондолу самолета Каманина.

Оборванные провода радиомачты, части аппаратуры Иванюка, невытащенные валенки, карманное зеркальце, катушка ниток плавают в озерке барака. Мы работаем на разборке. Снимаем брезент. Вытаскиваем доски. Вал движется периодически, как бы делая передышку каждый раз после атаки. Мы используем минуты затишья.

Но вот он снова наступает, дробит наше поле, распускает цепкую паутину трещин под палатки, лезет прямо на «дворец» матросов.

Канцин отбирает себе в помощь троих, в том числе и меня. Мы идем к складу. Упаковываем имущество кооператива «Красный ропак», готовясь каждую минуту тащить его на новое место.

Вал замер, он дальше не идет. Мы тоже угомонились, идем пить чай.

И снова на аэродром. Слепнев сегодня, 9 апреля, уходит в воздух, увозя 5 наших. Их имущество доставил на аэроплан Толя Загорский на нартах, которые везли в первый раз ездовые чукотские собаки, а не люди.

Три дня с 7 апреля безумствовала пурга: вымела дочиста признаки летной погоды. А на 10 апреля она выдохлась.

Пришло солнце, а уставший ветер слегка колебал полотнище флага. С утра начали работу железные невозмутимые смельчаки Молоков и Каманин.

Сигналы вышки уже не менялись на отбой. Поднятые флаги не снимались.

Самолеты снижались над лагерем на короткий момент, поглощали — в корпусе и парашютных гондолах под крыльями — очередную порцию горячо переживавших радость челюскинцев и уходили в голубую высь.

Дым сигнальной бочки возвещал о новом приближении самолетов.

Через полтора-два часа нефтяной дым сигнальной бочки, подвешенной на высоких козлах, снова возвещал о приближении бесстрашных летчиков, завоевавших безграничные симпатии полярников лагеря. В них были твердо уверены. Они ходили, как по расписанию. Глаза не зря подымались к облакам. Распластанные крылья и специфический гул мотора Р-5 всегда были ответом. Слова «Молоков» и «Каманин» в ропаках лагеря звучали музыкой. А они, спокойные, твердо проводили свою тяжелую, напряженную работу.

10 апреля 16 челюскинцев были переброшены с дрейфующего льда на твердую почву материка.

Ложась спать, мы беспокоились о завтрашней погоде. Если только погода не ухудшится, завтра и нас в палатке не будет. Четверо уже выбыло из «Бич-бара». Стало свободнее, но уют и веселость сплоченной группы как-то спадали. Чувство разлуки и

тоски по уходящим друзьям щемило, только радость за них разбавляла это чувство. Так бывает всегда, когда расстаешься с людьми, с которыми сжился, сдружился.

Так бывает после школы и армии.

Тревожило немало всех положение нашего учителя. Отто Юльевич болел. Воспаление легких свалило его. И в температуре, обливаясь ознобом, он не забывал радио, работу.

Отто Юльевич за утренним туалетом.

У него застопорился желудок. Доктор Никитин пришел к нам.

— Во всем лагере нет клизмы. Я слышал, что она у вас сохранилась.

Мы сразу, вылив остатки керосина, отдали ее доктору.

— Я ее очищу, дезинфицирую и буду поправлять Отто Юльевича, — уходя сказал доктор.

Мы делились мыслями об Отто Юльевиче. Это он снял с себя шарф и отдал его Рудес. Это он отдал свои фетровые бурки Шпаковскому и все лишние предметы своей одежды в общий фонд, подавая тем самым нам пример.

— Он мало берег себя, поэтому и болеет, — говорят товарищи.

Ночью, ложась спать, осмотрели небо. Оно было превосходно. Низкий купол, который таким может быть только в Арктике, был полон гнездами больших лучистых звезд.

Маленький ветер баловался флагом и скрипел пропеллером щепочной модели Р-5, сделанной руками комсомольца Паршинского.

Самолет урчал на ропаке, а флаг трепетал на коньке палатки.

Ночь была великолепной. С радужными надеждами мы засыпали...

В Арктике все ужасно просто. Сегодня был корабль, красавец «Челюскин», перекрывший полярные моря с запада на восток, сегодня же его нет. Сегодня был жизнерадостный Борис Могилевич, сегодня же его нет. Сегодня отутюженное человеческими усилиями поле для приема самолетов радовало надеждой на близкое спасение, и сегодня же оно исчезло.

Коварства Арктики неиссякаемы. Но энергия большевиков, завоевывающих Арктику, неистощима.

Мы делаем новый аэродром упорно и напряженно. Кирки, лопаты, ломы, трамбовки. Бородатые черные люди раскинулись цепью по снеговому полю. Под их ударами оседают ропаки, исчезают ледяные наросты. Поле выравнивается. 30 градусов мороза — и солнце, большое весеннее солнце.

Для меня работа обрывается неожиданно. Ко мне подходит Копусов. Я вижу щетку усов на выдающейся вперед верхней губе, мягкие серые глаза:

— Петя, приготовься к отлету, самолет идет к нам, ты в эту очередь.

Лом врезается глубоко в снег. Быстренько перебираюсь через границу торосов к старому аэродрому. Там уже 5 товарищей переоблачились в малицы и следят за небосводом.

Черная точка самолета была схвачена на северо-западе. Она ежесекундно росла. И, наконец, гул мотора, пропеллера расхлестывает воздух, никелированный нос фюзеляжа, блестевшего вторым солнцем, крылья, точно гигантские листья пальмы, показали лицо Р-5.

Он пошел на посадку сразу. Поле встретило его плавный спуск толчками заструг, и он, покачиваясь из стороны в сторону, подошел к нашей группе, как трамвай к остановке.

Из кабины смотрит летчик Молоков, углы его губ приветливо улыбаются.

— Быстренько садитесь, товарищи, беру шесть человек. Два идут в бочки под крылья.

Мотор продолжает работать, вызывая пургу. Мы грузимся, запихивая свои тяжеловесные туши в гондолу фюзеляжа.

Аэродромщики вкладывают машиниста Лешу Апокина и матроса Гешу Баранова в фанерные бочки, прикрепленные к крыльям.

Мы готовы. Самолет рулит к сигнальному «Т» и оттуда в секунду делает разбег и взлет.

Аэродром молнией срывается назад и вниз, ледяные горы становятся меньше, ропаки глаже, аэрополе ровнее.

Успеваем бросить вниз прощальные взмахи руками. Наверху ветер встречает в штыки. Смотреть вперед немыслимо.

Смотрим назад, вниз. Лагерь Шмидта — группа малюсеньких серых точек-палаток, расколотая пополам майной стального цвета. Явно заметный поворот на юго-запад, дальнейший путь идет по геометрической прямой на Ванкарэм. Мелькает мысль — проверить возможность нашего перехода. Я беспрестанно слежу за льдом.

Вокруг лагеря нескончаемые, огромные крепостные валы льда. Меж валами небольшие торошенные поля. Имя всей картины—хаос.

Через полчаса лёта картина дополнилась одним произведением арктического искусства, — зигзаги разводий вдоль и поперек извивались по ледовому телу Чукотского моря.

И вывод навязывался непреклонно и ясно: пешком итти невозможно.

Мысль быстро набросала картину возможного зрелища. Усталые, полуголодные люди карабкаются по ропакам, сбивая пальцы рук и ног, проваливаются в торосах, утопают в снегу и в обманчивых, присыпанных снегом майнах; выбившиеся из сил, потные, ночуют на снегу.

Разве мы смогли бы взять потребное на весь этот долгий путь количество продуктов, теплой одежды и палаток? Разве мы смогли бы тащить на себе лодку для переправы через разводья?

Мы рассыпались бы на множество мелких групп, больных, отстающих, затруднили бы дело нашего спасения, и только может быть 20—30 человек с железным здоровьем увидели бы солнце на берегу.

ЗЕМЛЯ!

Машинист Вася Бармин, сидевший рядом, беспрестанно вертел головой. Он первый увидел берег. Я повернулся вперед направо. Самолет идет на посадку в лагуну у холмистой гряды берега. Вираж, крен на левое крыло, машина выправляется, потом скользит под углом вниз. Толчок током по телу протелефонировал: «земля».

Самолет подрулил к ярангам и стал. Мы со смешанным чувством недоверия и радости слезали на первую за год почву, неприглядную, заснеженную.

Вечером, когда мы уже предвкушали первый без тревоги сон на берегу, в ярангу вошел Баевский.

— Товарищи, завтра утром надо итти на Уэллен, собираться у фактории в 8 часов.

Нам понятно без объяснений — нужно освобождать жилье, прилетают новые товарищи, а жить негде, некоторые из них слабые — они должны будут после вывозки всех лететь в Уэллен.

И на другой день мы уже вышли — 13 человек и 4 нарты. Впереди, за полкилометра, стал «Длинный Джек», или матрос Миронов; за ним бодро и четко шагали комсомольцы, два друга — кочегары Паршинский и Бутаков, и вся остальная группа.

Мы шли к мысу Онман. Дорога — твердый наст, разузоренный ромашками собачьих следов. А наверху в небе, как в молоке, катается шарик — солнце, обдавая теплым дыханием наши спины. Но мороз энергично работает на 25 градусов по Цельсию.

У подошвы высокого мыса нарты сворачивают в обход его по льду моря, нартам не подняться на крутые высоты; мы же карабкаемся напрямик, с трудом цепляясь за спину хребта скользкими нерпичьими подошвами торбозов.

Но зато какой ценный подарок природы мы получаем на самой шапке мыса Онман за наше напряжение!

Какое великолепие предстало нашим глазам!

Концом, идущим к северу, мыс срывался 300-метровой стеной скал ко льдам моря. Впереди на востоке лежал строптивый и высокий Джипретлен. И далеко в море вызовом Арктике брошен остров Колючин, с поднятой, как знамя, северной стенкой. Скалы и снег. Бело-черный хаос. Спускаясь, мы долго любовались картиной.

Показалось селение Пноупелли — место нашей второй ночевки на берегу.

Чувствуем себя все время, как говорят чукчи, «немелькхен» — хорошо.

Второй день пути — тоже удача в погоде. Мы покрываем расстояние почти вдвое больше, чем в первый, т. е. 60 километров.

Селение береговых чукчей-охотников Пноупелли — вторая ночевка. И тут получилось то, что по-чукотски называется «етки» — плохо.

Саша Миронов утром отказался итти дальше, мотив — растяжение мышц левой ноги.

— Кстати, знаешь, посижу в яранге, понаблюдаю местный быт, фольклор, так сказать. Это мне, как пишущему, полезно.

И долговязого Джека мы оставили в Пноупелли; 12 человек продолжали путь. Итти с каждым шагом становилось труднее. Пурга мелкой дробью игольчатого снега подготавливала атаку. Под очки

в глаза забивался снег. У двух-трех глаза слезились и болели. Привалы участились, товарищи то и дело теребили каюров [1]: «Скоро ли яранги?». А те только понукивали: «Аккельпе тагам Коуннен» — «быстрее идемте на Коуннен».

Коуннен выплыл неожиданно из тумана пурги. И по тому, что каюры впервые за весь путь стали кормить собак и приискали нового «магляли» (каюра), еще дополнительно, мы почувствовали, что завтра будет самый тяжелый переход через льды Колючинской губы.

Утром пурга освирепела. Но итти необходимо. Наш продуктовый мешок быстро иссяк. Надо дойти до Инмптауена, там есть кооператив.

Две яранги в белой пустыне... Это Коуннен.

Плотнее закутываясь, застегиваясь, ребята вылезают из теплых яранг навстречу Норду и метели. Идем за нартами скопом, чтобы не растерять друг друга. Отставший на 10 шагов исчезает в тумане, а крик его заглушается воем пурги. Следы заметает мгновенно. Мы не можем смотреть под ноги, мы не должны терять силуэты впереди идущих. Ноги беспрестанно утопают в снегу.

Движемся вне времени и вне местности. Никто не скажет, где мы — на льду или на суше. Все густо-бело, солнца нет, и времени не определишь.

Мы топаем давно, по часам Гешн Баранова 14 часов, а по мере усталости нам кажется — 24, но еще не было ни одной яранги, ни одного селения. Сон подступает к самому мозгу, но ропаки под ногами гонят сон. Значит, мы еще идем по льду. Надо быть осторожнее, но поздно — нога срывается в трещину ропака, ступня подгибается, хрустит. Приостановился, вытащил ногу... ступать до крика больно. Но надо итти и итти. Зубы стиснуты. Не отставать, твержу себе, не отставать. Шаг нервнее, рывками, но сердце радуется; хотя с мукой, но иду.

На перекурках дебатируется вопрос: «Спать, спать, отдохнуть во что бы то ни стало». Каюры возражают: «На снегу в пургу

[1] Каюр — погонщик собак.

спать — замерзнешь. Скоро будет одна яранга, от нее близко Инмитауен, надо скорее итти». И мы снова тащимся за нартами.

Среди белесого засилья прочертилась полоска косы. Мы выбираемся в тумане. Вероятно, это остатки яранги. Хозяин, видимо, откочевал. Каюры спешиваются у бывшего жилья, — «Кокуме немелькхен» (ай-яй-яй, хорошо). Выбирают из-под снега ногами моржовый окорок. Он похож на свиное сало. Ножи кромсают мясо, рты смачно жуют его.

Подкрепив моржатиной себя и собак, каюры снова пошли. Час, второй, третий, но нет Инмитауена, нет теплой яранги, горячего чая и мягкого сна.

Мы кидаем алчной пурге последние остатки сил. Белесый туман и беспрерывный снег сконденсировались в сгущенное молоко.

Несомненно одно — ночь. Новый каюр, шедший передовиком, уже не понукает собак, он плывет в молоке по воле волн.

Наши крики о ночлеге встряхивают его. Он останавливает все нарты, уходит в сторону, ища след.

Возвратясь из тумана, он, как провинившийся школьник, гасит ве́ками уголья глаз и, твердо подчеркивая слова взмахом руки, говорит: «Уина тагам, утку спать», — «нет хода, здесь спать». Спальные мешки выдергиваются из-под увязки нарт, и в один миг народ лежит меж ропаками льда и косой в лагунке, засыпаемой снегом. По кусочку сахару сумели мы раздать на ужин в эту ночь. Это все, что осталось от продуктов.

Каюры не спали, видимо караулили рассвет, некоторые из них просто заявили: «Не хотим замерзнуть».

Три часа в мешке под снегом. Тепло создавалось собственным дыханием, но все же «кит-кит» (немножко) отдохнули.

Каюры тормошат собак, засыпанных снегом, долго трясут за постромки каждую пару упряжки.

Каюр Умка, эскимос из Наукана, никак не может разбудить последнюю пару. Он оборвал постромки, подымая собак на весу, но они не разжимают век, не потягиваются и не встряхиваются.

Верно, замерзли. Кривой нож глубоко в шерсти щупает сердце. Теперь ясно... Постромки летят за нарты, замерзшая пара оттаскивается в сторону.

Восемь усталых собак еле трогают Умкину нарту.

Мы идем уже в приличной видимости, пурга к утру стихает. Дорога идет по косе, пересекаемой оврагами. Приходится скатываться вниз, карабкаться вверх. Однако яранги еще нет — по словам поводыря, мы до нее не дошли.

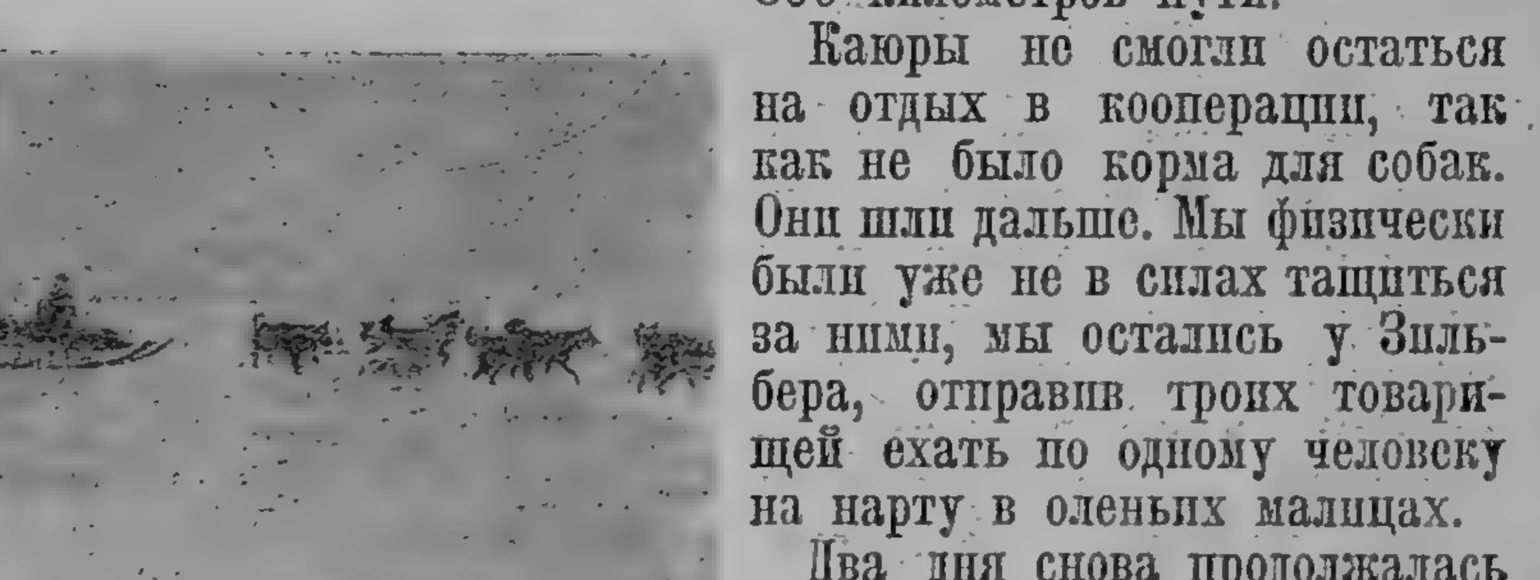
Сквозь дым облаков чуть-чуть проглядывает солнце. Пожалуй, мы идем уже 17 часов без основательного отдыха и пищи. Уста-

лость томит тело, но мысли несутся, как спущенные с цепи собаки, когда нога ступает по гладкому насту. Вырастают картины — Москва, Красная площадь, люди живые, — и ноги веселее ходят, и мысль твердит: из-за этого стоит нажать, поднатужиться и шагать, шагать...

Через три часа, миновав одну ярангу, мы входим в Инмитауен и инмитауенский кооператив.

Вот где мы воскресли! Не успев пожать наши руки, инструктор чукотской кооперации Зильбер сразу дал по банке молока. Тут же, не заходя в полог, мы его выпили, а потом уже у жирников началось традиционное чаепитие.

Зильбер для нас явился первым говорящим по-русски за все 800 километров пути.



Восемь усталых собак еле трогают парту.

Каюры не смогли остаться на отдых в кооперации, так как не было корма для собак. Они шли дальше. Мы физически были уже не в силах тащиться за ними, мы остались у Зильбера, отправив троих товарищей ехать по одному человеку на нарту в оленьих малицах.

Два дня снова продолжалась метель. Мы отсиживались у Зильбера, питаясь молоком, чаем.

И на третий день на кооперативных прекрасных собаках, данных Зильбером, ринулись на Эй-Нурмин (Сердце-Камень).

Переход был не тяжел и не легок. После Колючинской губы он, скорее, казался нам легким. Здесь мы передохнули основательно четверо суток, успев за это время постричься, умыться, побриться и порядочно отдохнуть.

Из Сердце-Камень мы переехали в Уэллен.

Никогда не забыть этой красивой дороги по льду у высоких отвесных скал. Прилетевшие на север птицы оживляли наш путь, и наши самолеты витали над головами, перевозя больных.

Уэллен — районный центр, но его можно проехать мимо, не приняв за таковой. Десяток яранг, три дома и мачты раций. Все это пятнами лежит в снегу.

Мы подъехали к Совету, там главный штаб. Ко мне подходит Баевский:

— Петя, если хочешь, можешь сразу ехать в бухту Лаврентия.

Знаю, в бухте Лаврентия за 120 км отсюда главный сборный пункт. Там большинство наших. Там и милые Алуша и Лида. Я их не видел ровно месяц и двадцать дней. Как они там? Смотрю на готовые уже в путь приготовленные новые нарты. Группа товарищей уже укладывает багаж на несколько нарт, стоящих впереди дома.

— Вы знаете, Илья Леонидович, с удовольствием иду, но... (тут желудок напоминает о себе), по совести скажу, есть охота.

— Ну, иди, наедайся, — подталкивает он меня к дверям здания, — и давай быстрей.

В комнате радушно приняла меня наша челюскинка Лена Буркова. Усадила, накормила настоящим супом и котлетами. Получив от нее на дорогу продукты, мигом выскочил наружу.

Собаки рвутся в путь. У меня багажа — один рюкзак. Привязываю и на ходу уже вскакиваю на нарту. Спустились с горы, и сразу перед нами три самолета, окруженные людьми, стоят на широком поле Уэлленского аэродрома.

Я брежу мыслью догнать своих. На каждом пригорке соскакиваю, иду пешком, чтобы собакам облегчить дорогу. Путь идет плоскими холмами.

Мы обгоняем одну отставшую нарту. «У вас собаки лучше!» — кричит с исчезающих позади нарт дублер старпома — Павлов.

А мы снова с каюром бежим рядом с собаками, и снова, устав, падаем на нарты на пятиминутную передышку, чтобы опять вскочить и бежать.

18 км отмахали быстро. Перед нашими глазами выплыли дома Дежневской фактории. Да, да, это мыс Дежнев, та крайняя точка земли, которую, сидя в детстве над картой, я мечтал посетить. Небольшие, покрытые белым одеялом снега горы. Мыс, уходящий в ледяное море. Все. Но место у Дежнева — это опасное место. По рассказам, здесь ежедневно свирепствуют пурги. Нам надо итти на Итлетен — еще 12 км — и там провести первую ночевку.

Мы огибаем дома. Сани стремительно проскакивают над обрывом, одним полозом на мгновение повиснув в воздухе. И вдруг откуда-то вырвался ожесточенный ветер. Свистя и завывая, он метнул нам в глаза клубы снежной пыли. Собаки, ошеломленные, встали. Я посмотрел вперед. Скалистое черногорье, лежавшее у самого Итлетена, на глазах скрывалось беснующимися облаками вздыбленного ветром снега. Позади Дежневскую факторию тоже закрыло. «Что-то будет», — сказал я вслух, точно каюр знал русский язык.

Он понял это как сигнал к движению. Схватил остол и, прикрикивая: «кхе, кхе», замахал палкой над головами собак.

Последние тронули вперед. Шли медленно. Мохнатые шубы наших «лошадей», казалось, до кожи были начинены порошком снега. Часто поворачиваемые назад к нам морды говорили об усталости, и глаза, обведенные белоснежными веками, просили передышки. Мы уже не слезали с нарт. Прикрывшись от снега и леденящего ветра, сидели. Под ногами собак давно не видно дороги. Где мы идем? Так мучительно проходят два часа.

Но вот Итлетен. Да, это гора, на верху которой должно быть селение.

Настроение быстро меняется. Скоро тепло и уют. Соскакиваем с нарты. Собаки медленно набирают крутизну. Каюр рядом с ними. Я поотстал, но ничего, сейчас догоню. Иду. На середине горы ветер сбивает с ног. Удивление охватывает меня. Никогда не видал таких ветров. Между тем нетерпение побороться с ним растет.

Подымаюсь с земли, прикрываю лицо от свирепого ледяного душа, делаю шаг — и опять лежу на земле, больно ударившись. Качусь вниз. Невольно ищу каюра. Он у собак, согнувшись, почти ползет по горе. Понял. «Не вставать во весь рост», — и тоже ползком тронулся. 15 минут тяжелых усилий, и вот уже яранги кивают своими остроконечными шапками.

Попал я в удивительную чукотскую семью. В яранге было человек 12 чукчей — мужчин, женщин и детей. Все они — красивейшие экземпляры человеческой породы. Лица с большими черными глазами цыганского типа. Кустарничают. Сидя у жирников, мужчины вырезывают из моржового клыка японских божков (экспорт), женщины шьют местную обувь.

В этом же селении ночевали наши товарищи, уехавшие на час раньше.

А утром, несмотря на продолжающуюся пургу, мы скопом всеми нартами шли на Лаврентий. Старый каюр, науканский эскимос, не давал забегать далеко вперед ни одной нарте, а отстающих поджидал, останавливая караван. Мы частенько шли долго вверх, беря высоту, а потом ошалело-быстро слетали на нартах вниз в долину, чтобы снова итти вверх.

Путь заметала пурга. Гребни гор курились, и странно было видеть, как снег, обыкновенно идущий вниз, тек по склону горы вверх, срываясь у зубцов вибрирующей белой полосой снежной пыли.

Шли все время бездорожьем, но к вечеру, опустившись с гор и пересекши замерзшую бухту, все же пришли к поселку Лаврентия.

Он вытянулся на берегу шеренгами больших деревянных домов. Нас направили в школу. Уже 60 человек челюскинцев было там.

Жена стояла с Алкой в коридоре, когда мы, отряхиваясь от снега и покрякивая от счастья, входили в дом.

Жена с трудом узнала меня, а Алочка испугалась собственного отца.

Это был чужой дядя. Я скинул шлем, желтые полярные очки:

— Узнаешь, узнаешь, Алочка?!

Она еще больше отодвинулась от меня, сердито сжав брови.

— Она тебя боится, — сказала жена, — посмотри в зеркало, на кого ты похож.

Взглянул и сразу понял. 17 дней пути не дались даром. Ветер сжег лицо. Кожа лица была не менее черна, чем у негра; белые круги возле глаз, — сюда ветер не проникал, глаза были защищены очками. Выцветшие клочья бороды и усов. Да, дикий вид! Смотрю на товарищей, — все обгорели, но не так сильно.

Здесь мы приняли баню и начали новую, культурную жизнь.

Самолетами нас перебросили в бухту Провидения. «Смоленск» радушно принял на свой борт.

«Смоленск», форсируя лед, вышел на чистую воду. Форштевень режет гладь воды.

Курс на Петропавловск.

На Владивосток.

На Москву.

Ленинград.

К родным советским берегам.

Мы дышим, мы живем, мы работаем, мы радуемся...

Мы на твердой почве нашей великой родины, спасшей нас.

СОДЕРЖАНИЕ

стр.

ПРЕДИСЛОВИЕ 3

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Вокруг Европы 7
Как я стал челюскинцем . . . . —
Ленинград, прощай 9
По водам Балтики 11
Kobenhavn — Копенгаген 14
Мурманск 20

ГЛАВА ВТОРАЯ

Входим в лед 24
Ворота в Арктику . . . . —
Вот и лед! 26
Остров Уединения 32

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

На крайней точке материка 35
Мыс Челюскин . . . . —
Шторм в море Лаптевых 38
В неизведанном проливе 40
Сутки на острове Врангеля . . . . —

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Чукотское море 48
Колючинский плен . . . . —
Берингов 56

ГЛАВА ПЯТАЯ

стр.

Обратный дрейф 61
Не в Геральдовом ли течении? . . . . —
Первое сжатие 63

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Гибель «Челюскина» 66

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

«Шмидтград» 77
Жизнь на льду настраивается . . . . —
Первое сжатие барака 98
После отлета женщин 101
Каманин и Молоков 110
Земля 118

Издательство и автор ожидают откликов читателей на эту книгу. Отзывы, заключения — направляйте по адресу: Ленинград, проспект 25-го октября, 28. Дом Книги, Издательство «Молодая Гвардия».

Ответств. редакт. *Г. Мишкевич.* Корректор *А. Сарибан.* Техн. редакт. *Л. Чернецова.*
Книга сдана в набор 16/X-1934 г Подписано к печати 23/XII-1934 г
Изд. Д-29. Огиз № 1034. Тираж 50000. Леноблит № 36166. Заказ № 2182.
Формат бумаги 82×110 см. 7,87 авт. л. 8 печ. л. (167872 знак. в 1 бум. л.). Бум. л. 2.

Набрано 2-й тип. „Печатный Двор" треста „Полиграфкнига". Ленинград, Гатчинская, 26.
Отпечатано тип. Госфиниздата им Котлякова, Ленинград, кан. Грибоедова, 30-32. Зак. 6295.

ЦЕНА 1 р. 30 к.

Переплет 75 к.